

WARHA

Философия
Традиционализм
Трибуна
Поэзия

#4

18+

Альманах WARHA

Распространяется свободно от SVARTE PUBLISHING

Оказать финансовую поддержку альманаху можно:

Яндекс.Деньги: 410011860956006

Сбербанк 4276440012927676

PayPal: svartepublish@gmail.com

www.askrsvarte.org

[instagram.com/svartearske](https://www.instagram.com/svartearske)

vk.com/askrsvarte

#svartearske | #askrsvarte

WARHA

Альманах

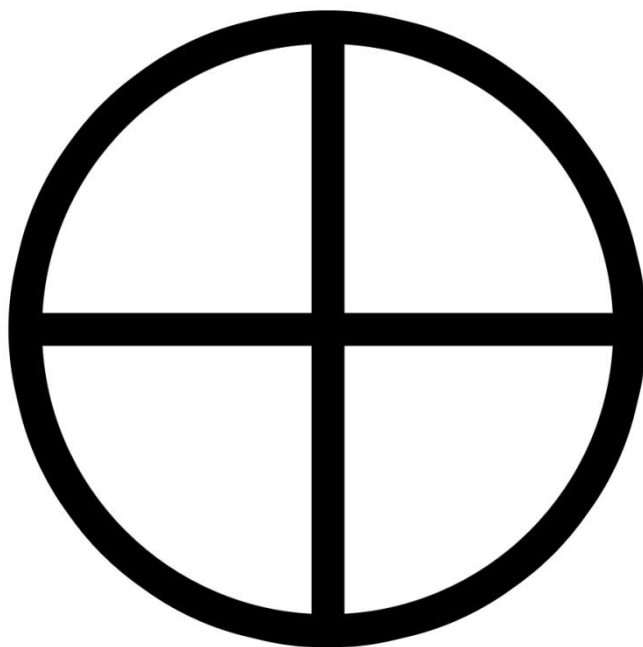
Язычество

Традиционализм

Философия

Поэзия

Выпуск #4

2017 era vulgaris

Warha – также известна как руна R/y в исландском футарке или k в англо-саксонском футорке – в языческом традиционализме означает смерть либо конец, в том числе время Конца Мира.

Альманах Warha №4. Философия. Традиционализм. Трибуна. Поэзия.

Материалы использованы с разрешения авторов и переводчиков.

Подготовка к печати: Askr Svarte

Обложка: Персей, Бенвенутто Челлини.

(Разрешается использование и цитирование текста и фрагментов при сохранении целостности и неизменности и с указанием автора и ссылкой на издание)

Альманах издается сообществом Svarte Aske – Тёмный Ясень

г. Новосибирск, 2017 г. е.в.

www.AskrSvarte.org | www.Polemos.ru

Оглавление

К читателю.....	5
ФИЛОСОФИЯ.....	7
Ален де Бенуа: Хайдеггер, критик Ницше.....	9
Kiesel H.: Эрнст Юнгер: эссе 1950-1960 годов.....	22
Мартин Хайдеггер: Творческий ландшафт. Почему мы остаемся в провинции?.....	37
Askv Svarte: Очерк о важности Мифа.....	40
Натэлла Сперанская: Герои: путь интеграции, путь трансформации, путь к сверхбытию	45
ТРАДИЦИЯ.....	55
Коллин Клири: Дары Одина и его Братьев.....	57
Askv Svarte: Интервью издательству Fall of Man.....	80
Валентин Долгочуб: Философские школы современного Родноверия	86
Роман Шиженский: Современное русское жреческо-волховское «сословие» сквозь призму религиозных концептов К.Г. Доусона.....	91
Волк Sidhe: Пять древнейших животных островных кельтов.....	112
Nikarev Leshy: Путевые заметки: Путилевой и Правой Руки в Единизме	121
Askv Svarte: Основания Путилевой Руки в Единизме	134
V.L.S.L.V.: Старые Боги и Хтонический Ужас в Учении Великой Нави ..	139
V.L.S.L.V.: Танец с Богиней на краю Бездны.....	146
Литургия Митры	171
Юлиус Эвола: Символы арийской традиции: Орел	180
Константин Фёдоров: Касты в современном мире	186
Askv Svarte: Чаша из черепа: вопрос имени.....	191
Ведослав: Визионерские очерки	194
ТРИБУНА.....	197
Интервью с Даурбеком Макеевым: традиция осетин	199
Идентаризм – что это?	209
NAM: Почему мы язычники?	213

Валентин Долгочуб: Идентичность и духовность	216
Askj Svarte: Унгерн, Миф и мы	218
ПОЭЗИЯ	223
Гёльдерлин	225
Стефан Георге	231
Александр Мрачный	232
Авторы	236
Анонсы изданий	238

К читателю

Вновь заколдовать мир! – Вот что является подлинным лозунгом языческого традиционализма, наперекор определению современности как «расколдованного мира» Максом Вебером.

Наш альманах расширяется и теперь охватывает не только сферу языческих традиций и традиционализма, но и близкие к ним философские, преимущественно континентальные школы мысли.

Язычество должно быть интеллектуальным. От сакральных штудий до прагматик и описаний прямого опыта – к философскому осмыслению оснований современности и их критике в пользу нашей позиции. Следуя за Хайдеггером, мы привлекаем к этому делу и поэзию, которая достигает таких же высот и глубин, как и философия.

Трибуна – место встречи языческого традиционализма с общественной и политической мыслью, в формате высказываний и манифестов близких нам по духу движений и идей, а также пространство диалога с ближними и дальними соседями и оппонентами. Мы показываем, какие могут быть социально-политические измерения и риски язычества в разных культурах и реалиях, но выбор – всегда за вами.

Слово и дело

Мы представляем, что читатель – если это подлинно наш человек – не может оставаться безучастным и молчаливым «просто читателем», который коллекционирует книги и идеи как предметы. Читатель нашего круга осознает, что наш альманах – это и его альманах, наше дело – его дело, наша активность – ждет его действий. В наше нездоровое время каждый, для кого Традиция и Ум, Священное и Смерть, культура и народ, – определяющие экзистенциальные категории, стремится образовать вокруг себя среду распространения, обсуждения и передачи здоровых идей и мнений.

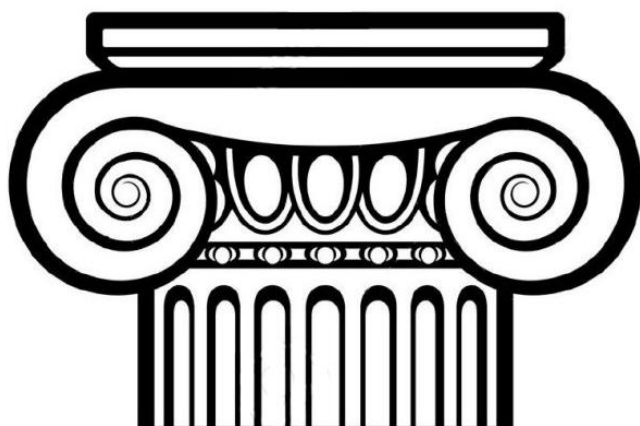
Наш – и ваш! – альманах – это один из дравых голосов в наши дни.

Для того чтобы наш глас звучал громче, мы приглашаем вас распространять его всеми доступными способами и во всех направлениях.

Askr Svarte
27.08.2017 era vulgaris

ФИЛОСОФИЯ

Ален де Бенуа:
Хайдеггер, критик Ницше.
Воля к власти и метафизика субъективности

Начиная с 1936 г. Мартин Хайдеггер погружается в тщательную интерпретацию творчества Ницше, творчества, которому он с того же года посвятит курс лекций первостепенной важности. Затем последуют другие работы (1). Манера, в которой Хайдеггер анализирует и интерпретирует философию Ницше, представляет основополагающий этап развития его собственного учения. Но его выводы кажутся на первый взгляд озадачивающими. Хайдеггер видел в потрясении, устроенном Ницше, отдаленное последствие потрясения, устроенного Платоном, а затем Декартом. Он пишет о Ницше, что тот «совершенно близок к Декарту касательно сути» и доходит даже до того, что называет его «самым неистовым платоником». Как же он дошел до такого диагноза? Именно это мы попытаемся объяснить в данном кратком очерке.

Провозглашая «смерть Бога» и отвергая «надчувственный мир» в пользу мира чувственного, объявленного им единственным аутентично подлинным, Ницше, кажется, обрушивается на сферу платоновских идей и заявляет о несуществовании иных миров (даже если возглас «Бог умер» никоим образом не принадлежит атеисту, но является ясной констатацией случившейся давным-давно смерти – и даже крик носит печать сожаления, разоблачая как настоящих «атеистов» тех верующих, чья вера выражалась таким образом, что следствием могла быть лишь смерть Бога). На деле, Ницше явно обольщает себя тем, что он приступил к «переворачиванию» учения Платона. Он хочет этим сказать, что перевернул термины его проблематики. Но не равнозначно ли это переворачивание (*Umkehrung*) преодолению (*Ueberwindung*)? Не было бы справедливее истолковать это как завершение (*Vollendung*)? Другими словами, является ли достаточным для того, чтобы порвать с платонизмом, описывать чувственный мир как «подлинный» и надчувственный как лживую выдумку? «Не соответствует ли, в свою очередь, ницшеанское переворачивание платонизма, – добавляет Жан Бофре, – чему-то из платонизма, что становится еще более заметным в свете этого переворачивания?» (2).

Хайдеггер неоднократно подчеркивал, что противостоять чему-либо подразумевает почти неизбежно участвовать в том, чему противостояшь. А значит, он утверждает, что «переворачивание» Платона, чем занимается Ницше, имеет своей основной чертой сохранение концептуальных схем или

основополагающих влияний, присущих тому, что он намеревается «перевернуть». Именно это подводит его к утверждению, что Ницше остается, в конце концов, в «основной метафизической установке», определяемую им как «манеру, в которой тот, кто задает ведущий вопрос, пусть он спрашивает себя об этом вопросе, сам остается включен в сущности в нераскрытую структуру ведущего вопроса» (3). Каким образом Хайдеггер показывает это? Прежде всего, начиная с критического размышления о понятии ценности.

Это представление занимает у Ницше первоочередное место. Оно лежит в основе его критики, как и в основе его проекта. Ницше пишет: «Что означает нигилизм? – То, что высшие ценности [die obersten Werte] обесцениваются» («Воля к власти» §2). Нигилизм происходит из того, что определенные ценности, которые Ницше считает самыми низшими (или самыми лживыми), постепенно берут верх над другими, являвшимися наивысшими (или самыми подлинными). Точнее, Ницше полагает, что человек постепенно отражал, а затем сосредоточил в своей собственной сфере существования ценности, изначально заимствованные из иного мира. В последнюю очередь, «обесценивание ценностей» заключается в отказе от ценностей чувственного мира во имя внемирного (или надмирного) идеала, представляющего собой только ложь и иллюзорное отражение первого, это равносильно тому, что нигилизм имеет своим источником данный дуализм двух миров, вдохновлявший западную философию со времен Платона. Так как появление нигилизма изображается как основополагающее событие в истории Запада, значит, Ницше смотрит на эту историю как на историю медленного обесценивания «высших ценностей», и в апогее нигилизма не остается более ничего, чтобы обладало ценностью и имело значение. С другой стороны, для Ницше Воля к власти это «принцип нового установления ценностей». Подзаголовок этой книги гласит: «Очерк о переоценке всех ценностей». Стало быть, именно исключительно отталкиваясь от понятия ценности Ницше представляет подъем нигилизма и возможность его преодоления: нигилизм заключается в обесценивании определенных ценностей; чтобы противостоять этому, необходимо установить новые.

Хайдеггер, напротив, яростно отвергает мнение, что роль собственно философии якобы заключается в размышлениях о «том, что обладает ценностью», и в дополнение в выстраивании шкалы ценностей. Тем не менее это, конечно, не означает, что в его глазах все имеет равную ценность. Кроме того, он вдохновляется скорее греческой философией, изначально чуждой понятию ценности в той форме, в которой мы понимаем ее сегодня, философии, представлявшей учение о Бытии как «появление мира различий»

и сферу Бытия как область выбора между лучшим и худшим начиная с «достаточного». Как пишет Жан Бофре, «выбор по предпочтению и есть по сути своей критическая задача учения о Бытии <...> Эта идея выбора представляет собой основу логоса, значение которого не в том, чтобы все соединить вперемешку, но чтобы хранить в своем собрании лишь то, что он отобрал» (4).

Примат ценности в современном смысле слова берет начало от платоновского примата агатона, или блага в себе, абстрактного блага. Это благо, лишенное какое-либо конкретного определения, есть то, что определяет качества Бытия одновременно с качествами мира идей. Утверждать, что надчувственный мир управляется благом, у Платона означает, что мир идей сам управляется идеей, агатоном, которая устанавливается первой среди всех, то есть как ценность *par excellence*. Из этого вытекает, что истина Бытия, совершенно недостаточная истина, сама по себе более не обладает ценностью – как это было еще в случае досократиков, для которых истина, будучи самодостаточной, не имела никакой нужды в гарантии свыше, но только поскольку она воплощает или выражает агатон, от которого она зависит. «Именно таким образом Платон торжественно открывает под именем философии процесс обработки истины» (5). Философская история понятия ценности будет историей доведения истины до требуемого качества. Всякая ценность отождествляется отныне с точкой зрения. Всякая ценность устанавливается через намерение, через взгляд на то, что по нашему мнению обладает ценностью. Это современное определение «ценности» появляется в совершенной форме у Декарта, доводящего до предела философские упражнения в определении «истинной ценности» благ, зависящих лишь от нас, и это исходя из единственного центра определения: *ego cogitans*. Из этого вытекает два основополагающих следствия.

Первое состоит в появлении нового образа истины. У Декарта истина это более не древняя *aletheia* античных греков, и она даже более не старинное *adaequatio*, которым довольствовались схоласты («*veritas est adaequatio intellectus et rei*»). По простому соответствию, она превращается в «определенное» – «*verum*» переходит в «*certum*», – устанавливаясь таким образом «как сохранение сущего в его сговорчиво соделываемой оборотистости» (6). Декарт не спрашивает о Бытии, но только о сущем, могущем предложить свои услуги в измерении определенного. Это означает, что его интересует лишь, знание, которое может выступать как знание себя. Знание себя обуславливает знание другой вещи, там, где Аристотель, например, установил, напротив, что всякое знание это прежде всего знание

другой вещи и что именно таким образом можно приблизиться к сущности вещи. Уверенности, которому нам придает вера в отсутствующие вещи (*absentibus*, говорил Фома Аквинский) соответствует отныне уверенность в *intuitis mentis*, которая сама скоро займет место божественного авторитета.

Декарт уверял, что эта интерпретация истины как определенного происходит из существования мыслящего субъекта, который сам себя ощущает в качестве такового. Хайдеггер показывает, что в действительности дело обстоит противоположным образом: именно факт установления существования субъекта в качестве определенной первой истины приводит к пониманию всякой истины как определенного. Вторым следствием современного утверждения примата ценности выступает появление того, что Хайдеггер называет метафизикой субъективности. Именно у Декарта «я» переходит в «субъект» - или, говоря словами Хайдеггера, человек «как субъект считает и утверждает себя как средоточие сущего в целом» (7). У Декарта субъект это тот, чье рефлексивное знание, знание самого себя, становится критерием истины. Это означает, пишет Хайдеггер, что отныне «человек *par excellence* есть глубинная основа всякой репрезентации сущего и его истины <...>. Это означает: всякое внечеловеческое сущее становится объектом для этого субъекта (8).

Между тем, этот сдвиг, намечающийся, как видно, в сторону чисто субъективной концепции истины, подразумевает, что основная роль возвращается к решению, а значит, к воле. Картезианское *cogito ergo sum* возглашает «я есмь» в качестве я себя репрезентую, что мое бытие определяется этой репрезентацией, которую я делаю о самом себе, а также и то, что моя манера представлять (себе) вещи определяет равным образом их присутствие или присутствие того, что содержится в них. Если на первых порах будет рассматриваться в качестве бесспорного то, что субъект перцептивным образом считает таковым, то затем именно то, что он решит установить таковым будет рассматриваться как бесспорное. Отныне истина будет не столько восприниматься, сколько желаться. Стало быть, картезианская несомненность это прежде всего дело воли: само суждение можно интерпретировать на горизонте воли и как согласие воли. «Даже знание истины, такое как оно требуется для точной оценки ценностей, — пишет Жан Бофре, — становится, в свою очередь, объектом оценки, которая со своей стороны зависит главным образом от способности воли избирательно противостоять ситуациям, в которые она оказывается вовлеченной» (9).

Хайдеггер обращается затем к двум фундаментальным составляющим философии Ницше: Воля и власти и Вечное возвращение. Выступая против

интерпретации, предложенной в 1931 г. Альфредом Боймлером (10), согласно которой ницшеовское учение достигает кульминации в рамках темы Воли к власти, в то время как доктрина Вечного возвращения оказывается у него без «исключительных последствий», Хайдеггер показывает, что эти две темы неразрывно связаны друг с другом.

То, что они связаны, впрочем, явно заметно у Ницше. Так, например, когда он пишет эту показательную фразу: «Придавать становлению природу Бытия – вот высшая Воля к власти». Или еще, когда он заявляет, что Воля к власти является ограниченной силой, чье развитие может быть только безграничным, но это развитие «может представляться только как периодическое» (11).

В книге «Так говорил Заратустра» тема Воли к власти соответствует, конечно, образу Сверхчеловека. Сверхчеловек и Вечное возвращение это две основы учения Заратустры. Эти две доктрины, – подчеркивает Хайдеггер, – нельзя разделить, потому что каждая из них «приглашает другую к ответу» (12).

Вечное возвращение подразумевает Сверхчеловека, как и Сверхчеловек подразумевает доктрину Возвращения: «Два учения держатся друг за друга и образуют круг. Своим круговым движением учение соответствует тому, чем оно является, кругу, который как Вечное возвращение того же самого составляет бытие сущего, то есть то, что постоянно находится в становлении» (13).

Но что есть Воля к власти? Ницше заявляет: «Там, где я находил жизнь, я находил Волю к власти». И еще: «То, чего желает человек, чего желает мельчайшая частица живого организма, так это больше власти» (14). Таким образом, Воля к власти выступает атрибутом жизни – и даже ее самой сущностной характерной чертой. Однако Хайдеггер яростно возражает против любой «биологизаторской» интерпретации взглядов Ницше. Ницше делает, конечно, акцент на «жизни», но несколько не с «биологической» точки зрения: «Когда Ницше осмысливает сущее в его целостности и до этого осмысливает Бытие как «жизнь», – пишет Хайдеггер, <...> он думает вовсе не в терминах биологии, но в терминах метафизики – обосновывает эту с виду биологическую картину мира» (15). Устанавливая Волю к власти в качестве сути жизни, Ницше хочет сказать, что Воля к власти образует фундаментальную природу всего сущего, что она представляет собой суть всего сущего. Воля к власти, пишет он, это «глубочайшая сущность бытия» (16). В конечном счете, именно само Бытие становится Волей к власти.

Но в таком случае, замечает Хайдеггер, «нет более ничего, чтобы могло еще определить волю» (17). Именно поэтому интерпретировать эту волю,

желающую саму себя, как волю к воле. Разве Ницше не говорит сам о воле, которая «скорее пожелает хотеть ничто, чем ничего не хотеть»? (18). Кроме того, в выражении «Воля к власти» два слова – «воля» и «власть» – соответствуют друг другу до степени смешивания, поскольку для Ницше власть – это только сущность воли, в то время как всякая воля сводится к хотеть-быть-больше. «Воля к власти, – пишет Хайдеггер, – есть сущность власти. Именно эта сущность власти – и никогда одно лишь количество власти, – очевидно остается целью воли в том особом смысле, что воля может быть только волей в сущности самой воли» (19). В конце концов, Воля к власти – это лишь воля, которая постоянно желает саму себя в желании новых завоеваний, то есть все большего установления господства человека на совокупностью сущего, при этом Сверхчеловек представляет как раз момент, когда человек стал «способным безусловно осуществлять власть средствами власти, целиком открытыми для него на этой земле» (20).

Но доктрина Вечного возвращения, ницшеанская версия вечности – которая превосходит христианские представления о вечности как постоянстве. Теперь, заменяя его постоянным возвращением одного и того же, составляет также «заявление о сущем в целом» (Хайдеггер). Сущее в его совокупности представляет собой одновременно Волю к власти и Вечное возвращение. Более того, именно само размышление, исходя из (и с точки зрения) Вечного возвращения, превращает Волю к власти в волю без объекта, волю, ориентированную только постоянно-больше-себя-самой. «Воля к воле есть истина Воли к власти в полном забвении бытия в пользу деятельности, поскольку деятельность, в свою очередь, не имеет другого смысла, кроме постоянного переделывания в нескончаемой суете, что повсюду приводит в движение мир, открывая в нем новое пространство» (21). Именно поэтому Хайдеггер говорит о Вечном возвращении, что он является «высочайшим триумфом метафизики воли, желающей в качестве таковой своей собственной воли». И он добавляет: «Вот что важно: сущее, как таковое обладающее основополагающей природой Воли к власти, в своей совокупности может быть только Вечным возвращением того же самого. И напротив: сущее, которое в своей совокупности есть Вечное возвращение Одного и того же, с неизбежностью должно обладать основополагающей природой Воли к власти» (22).

Продолжая далее свои размышления об отношении между Волей к власти и Вечным возвращением, Хайдеггер устанавливает еще, что эта связь вызывает в парадоксальной на первый взгляд манере собственно метафизическое различие, которое есть различие между сущностью и существованием. Воля к власти является у Ницше сущностью совокупности

сущего, существом сущего в его целостности, в то время как его «экзистенциальная» манифестация принадлежит к порядку Возвращения, так что Вечное возвращение выступает как преобразование существования. «Воля к власти, – пишет Хайдеггер, – обозначает существо сущего как такового, *essentia* сущего <...> “Вечное Возвращение того же самого” выражает манеру, в которой сущее в своей совокупности есть, выражает *existentia* этого сущего» (23). Что касается Сверхчеловека, то это «название, данное существу человека которое соответствует существу сущего» (24).

Для Хайдеггера именно потому что он определяет сущее в его совокупности через Волю к власти, Ницше с неизбежностью размышляет в терминах ценностей. Понятие ценности это «необходимая составная часть метафизики Воли к власти» (25). «Воля к власти и установление ценностей являются одним и тем же, поскольку Воля к власти ориентирует себя в ракурсе сохранения и увеличения» (26). Между тем, каким значением обладает понятие ценности у Ницше? По сути, значением «перспективы», то есть точки зрения: «Ценность обуславливает и определяет «перспективно» <...> основополагающую «перспективную» сущность жизни» (27). Стало быть, учреждать новые ценности означает определять перспективу и условия перспективы, «которые делают жизнь жизнью, то есть принципиально обеспечивают ее возрастание» (28). Поскольку сущность жизни это Воля к власти, нужно сделать эту Волю к власти перспективной, окончательно открытой для совокупности сущего. Но в таком случае, как констатирует Хайдеггер, «Воля к власти раскрывается как субъективность *par excellence*, которое присуще ценностное мышление» (29).

У Ницше определение сущности истины сводится, стало быть, к оценке ценностей (*Wert schätzung*). Между тем, как раз именно это подчинение истины ценности можно было обнаружить уже у Платона. Заменить ценность, представленную агатоном, другой, например, представленной властью или «жизнью», стало быть, никоим образом не значит порвать с платонизмом. Это, напротив, означает оставаться в рамках платонизма, состоящего в подчинении истины детерминации со стороны ценности, так как довольствуются заменой ценности, считающейся низшей или вредной, другой, которую полагают более высокой. Ценность меняется, но представление о ценности остается одним и тем же.

Но Ницше пойдет еще дальше, чем Платон. В то время как этот последний ограничился тем, что поставил истину в зависимость от ценности, Ницше заменит истину ценностью. У Платона истина только подчинена благу (агатону). У Ницше истина не только подчинена жизни, власти и Воли к власти, но она сводится к ней, она смешивается с ней. Отныне не то истина,

что обладает ценностью (потому что она является «хорошей»), но то, что обладает ценностью или считается обладающим ценностью поверх всего и есть истина. А, следовательно, понятие ценности, в конце концов, проникает в понятие истины. Ценность судит истину, даже если истина сама стремится стать ценностью. И именно этот процесс превращения истины в ценность Ницше, согласно Хайдеггеру, доводит до своего конца.

Предлагая установить новые ценности, Ницше в равной степени остается в лоне картезианства, где сознающий субъект определяет посредством самого восприятия то, что он обладает истиной об известной вещи. Срывая маски с идеи, которая не соответствует более миру-в-становлении, Ницше может только опираться на интерпретацию истины как несомненного факта – и скорее, как субъективной уверенности, поскольку «сущность субъективности сама с неизбежностью стремится к безусловной субъективности» (30). «Нам следует определить философию Ницше как метафизику субъективности», – заявляет Хайдеггер (31). Так как ценность является точкой зрения и смешивается с истиной-ставшей-ценностью, истина оказывается не более чем делом вкуса. Но одновременно ценность как точка зрения «каждый раз устанавливается взором <...> А значит, ценности не являются чем-то, что существует предварительно в себе, так что при случае они могли бы также стать точками зрения» (32). Воля к власти как необусловленное развертывание точки зрения соответствует самой сущности субъективности, которой более ничто не в состоянии препятствовать: «сущее поглощено как объективное имманентностью субъективного» (33).

«При тщательном рассмотрении, – пишет Хайдеггер, – переоценка, совершенная Ницше, не заключается в замене ценностей, господствовавших до сих пор, новыми ценностями, но в том, что он уже представляет в качестве ценностей и только ценностей «бытие», «цель», «истину». Ницшеанская «переоценка» равнозначна в сущности обращению в ценности всех детерминаций сущего» (34). Делая это, Ницше сводит Бытие к тому, чтобы быть только коррелятом субъекта. Бытие может являться лишь через ценности, которые являются условиями воли, установленными волей. «Мышление, мыслящее в терминах ценностей, – утверждает далее Хайдеггер, – сразу запрещает Бытию даже стать в своей истине» (35). А значит, в отношении нигилизма учение Ницше и учение Хайдеггера представляются непримиримыми. Конечно, Хайдеггер ставит в заслугу Ницше, что он был первым, кто признал в нигилизме не только характерную черту современной эпохи, но «основополагающее явление из ряда событий (Geschehen) западной истории». Он сам следует таким же путем, когда пишет, что «нигилизм есть история», что он «составляет сущность западной

истории, потому что помогает установить основные метафизические позиции и их связь друг с другом», а значит, необходимо всегда в первую очередь стремиться постичь нигилизм как «исторический закон» (36). Но для него сущностная причина нигилизма – это не обесценивание определенных ценностей в пользу других ценностей, но забвение Бытия, учение о котором в терминах ценностей представляет форму, насколько Бытие само обладает ценностью по ту сторону всякой ценности. «Метафизика Ницше и одновременно сущностная основа «классического нигилизма», – пишет Хайдеггер, – не могут быть отныне определены яснее, чем метафизика абсолютной субъективности Воли к власти» (37). А значит, мышление в терминах ценностей не может быть противопоставлено нигилизму, потому что это мышление происходит из нигилизма и является его выражением. Вместо того чтобы вернуться в «исходное начало», которое он требует из своих пожеланий, Ницше, по Хайдеггеру, «приканчивает» метафизику только в смысле ее завершения (Vollendung). «Ни Ницше, ни один мыслитель до него <...> – пишет Хайдеггер, – не возвращаются к исходному началу; все они видят это начало только в свете того, что уже является лишь отступлением по отношению к началу, чего-то вроде порывания с ним: в свете платоновской философии» (38). Ницше как раз на верном основании намеревался провести инверсию платонизма. «Но эта инверсия не упраздняет основополагающей платоновской позиции, напротив, она упрочивает ее, хотя и создает видимость упразднения» (39). «Учение Ницше принадлежит к метафизике, чье окончание и завершение оно одновременно представляет. Ницше ближе к Декарту, – пишет Жан Бофре, – в той мере, в какой расшатывание истины в пользу воли, начатое Декартом, приводит к собственно интерпретации истины как Wertschaetzung с точки зрения самой воли, превратившуюся в волю к власти. Но тайным образом он еще ближе к Платону в той мере, в какой именно у Платона истина оказывается первые подчиненной более высокому, чем она сама, при этом подчинение истины составляет собственно платоновский статус западной метафизики, которую Ницше не удастся извергнуть, поскольку он неизменно возвращается к самому платонизму» (40).

Хайдеггер часто характеризовал современный мир как «эпоху совершенного отсутствия смысла», отсутствия, которое он сам связывает с «отсутствием истины», вытекающим из забвения Бытия и подъемом метафизики субъективности. Отныне лучше понимаешь, что можно рассматривать учение Ницше как учение, по которому нынешние времена «обретают свой собственный облик» (41), завершение метафизики, помещая

сущее в онтологическую заброшенность, вытекающую из забвения и в еще большей степени заброшенности Бытия.

Здесь не место обсуждать справедливость или правильность критики, которой Хайдеггер подверг учение Ницше. Напротив, необходимо подчеркнуть её очень оригинальный характер.

Как при его жизни, так и после Ницше всегда имел многочисленных оппонентов. Они, как правило, упрекали его за его иррационализм, его враждебность христианству и мнимый «биологизм», или же были обеспокоены последствиями, которые могли бы проистечь из «применения» его доктрины. Ничего подобного не найти у Хайдеггера, выдвигающего против него совсем другие аргументы. Хайдеггер признает за Ницше огромную заслугу, что он первым напрямую затронул тему нигилизма и понял, что через нее оказывается поставленной вся проблематика западной истории. Но он некоторым образом полагает, что Ницше оказался не на высоте этой проблематики, которую сам и выделил. Хайдеггер поставил под вопрос вовсе не замысел Ницше. Совершенно напротив, он упрекает его скорее в том, что он не докопался до сути вещей и сам остался в плену у метафизики, которую неверно полагал превзойденной. Но есть также связанный с ситуацией аспект, который следует упомянуть. Конечно, неслучайно, что именно в 1936 г., в период Третьего рейха, Хайдеггер занялся этой работой по напряженному сличению с учением Ницше, Хайдеггер признал нигилизм как самый гнетущий феномен нашего времени. Но одновременно он также увидел в национал-социализме современную форму нигилизма, которая была перед его глазами. В эпоху «Бытия и времени» Хайдеггер только интересовался тем, чтобы выявить с постоянной и самой по себе антиисторической точки зрения принципиально преходящую и историческую природу человеческого «дазайна». Только отталкиваясь от национал-социализма и через чтение Ницше, Хайдеггер пришел к тому, чтобы интересоваться реальной историей, а не только историей как абстрактной категорией. До какой степени на самом деле национал-социализм представлял собой выражение нигилизма, пишет Сильвио Вьетта, [Хайдеггер] открыл лишь в свете реальной исторической революции и через изучение этого мыслителя, который первым проанализировал в сущности исторические проявления современного нигилизма, а именно Ницше» (42). Скажем категорично: Хайдеггер, которого очень несправедливо упрекали за его «молчание» по поводу того, как он жил в Третьем рейхе, развивает через свою критику Ницше совершенно основополагающую критику нацизма (очень вероятно, одну из самых глубоких, которые когда-либо появлялись). Эта критика содержит два аспекта, отсылающие один к

другому как в случае игры зеркал: с одной стороны, критика ошибочной интерпретации, которую в ту пору нацизм дал творчеству Ницше (в особенности что касается тем Воли к власти и Сверхчеловека); с другой, критика того, что в творчестве Ницше было способно дать повод для этого искажения, разоблачением которого он занимался. Другими словами, Хайдеггер стремится показать вначале, что Ницше не говорит того, что ему хотели приписать, а затем, как было возможно, основываясь на его словах, заставить его говорить нечто иное, чем на самом деле. Делая так, Хайдеггер заодно показывает, что пророческого имелось во взглядах Ницше.

В курсе лекций о Ницше читаешь, например, следующие фразы: «Воля к власти в качестве самой сущности власти является единственной основополагающей ценностью, согласно которой следует оценивать все то, что должно обладать ценностью или то, что не может притязать ни на какую ценность <...> не имеет ценности. Это отсутствие цели принадлежит к сущности метафизики власти» (43). Эти слова особо относятся к национал-социализму, интерпретированному здесь ясно не как система, наделенная подлинной идеологией, а как постоянное движение, стремящееся постоянно лишь к большей власти и господству, и для которого – как и в либерализме «дарвиновского» толка – успех и победа составляют критерий истины.

Как раз с полным основанием Сильво Вьетта пишет: «Этот анализ феномена власти, проведенный Хайдеггером в 1940 г., примечателен именно тем, что он свидетельствует о наличии у философа личного мужества, что вовсе не следует игнорировать. Этот анализ в самом деле показывает политически ясным языком, что весь идеологический фасад национал-социализма представляет собой выражение чистой власти, «без цели» в самой себе, и ничто иное <...> В 1940 г. Хайдеггер видит и открыто говорит, что идея господства и власти как «борьбы» (Kampf) – и здесь ассоциация с "Майн Кампф" вряд ли пройдет мимо читателей – <...> в своей сути является ничем иным, как нигилизмом, с точки зрения которого категорию истины можно рассматривать лишь на правах орудия на службе идей власти и борьбы» (44). Стало быть, именно благодаря чтению Ницше Хайдеггер заложил основы фундаментальной критики идеи чистой власти, идеи господства и тотального поставы, чьим типичным представителем кажется ему национал-социализм, но которую он видит далеко за пределами самого Третьего рейха, ибо она характеризует всю современность как вызвавшая появление человечества, соответствующего фундаментальной сущности современной техники и её метафизической истине, то есть человечества, для которого никогда нет ничего достаточного в какой бы то ни было сфере. Нет сомнения, что в глазах Хайдеггера тоталитарный импульс, основывающийся

на представлении свободы воли к власти в той форме, в которой её находит воплощений в национал-социализме, принадлежит к области метафизики субъективности, метафизики *de* постава которая очень далеко от того, чтобы исчезнуть вместе с Третьим рейхом, но которая, напротив, обречена сохраняться столь долго, сколь будет сохраняться нигилизм, являющийся следствием забвения Бытия, Именно в этом смысле курс лекций о Ницше представляет переход от критики национал-социализма к критике техники, при том первая является лишь моментом последней.

Лекция, прочитанная 26 ноября 2000 г. в Риме по случаю международного коллоквиума «Nietzsche oltre l' Occidente», организованного культурной ассоциацией «Route 66».

Перевод с французского Андрея Игнатьева

Примечания:

1. Лекции о Ницше, прочитанные в 1936–1937 гг., а затем между 1939 и 1941 гг., были собраны в: Nietzsche, 2 Vol., Gallimard, 1951. Сюда следует добавить очерк об «Об изречении Ницше "Бог умер"», послуживший основой для нескольких лекций, прочитанных в ограниченном кругу в 1943 г. и собранных в: Chemins qui ne mènent nulle part, Gallimard, 1962, pp. 253–322. См. также «Qui est le Zarathoustra de Nietzsche?», in Essais et conférences, Gallimard, 1958 et 1980, pp. 116–147 (текст лекции в 1953 г. в более расширенном формате в книге Was heißt denken?, Tübingen 1954, pp. 19–47 et 61–78).

2. Jean Beaufret, Dialogue avec Heidegger, vol. 2, Philosophie moderne, Minuit, 1973, p. 195.

3. Martin Heidegger, Nietzsche, op. cit. vol. 1, p. 353.

4. Jean Beaufret, op. cit., pp. 184–185

5. Ibid., p. 196.

6. Martin Heidegger, Nietzsche, op. cit., vol. 2, p. 20.

7. Ibid., p. 23.

8. Ibid., p. 136.

9. Op. cit., p. 189.

10. Alfred Bäumler, Nietzsche. Der Philosoph und Politiker, Reclam, Leipzig 1931.

11. Friedrich Nietzsche, Le crépuscule des idoles, XII, 2e partie, § 77.

12. Martin Heidegger, Essais et conférences, op. cit., p. 137.

13. Ibid., p. 139.

14. Friedrich Nietzsche, *La Volonté de puissance*, § 702.
15. Martin Heidegger, Nietzsche, op. cit., vol. 1, p. 409.
16. Friedrich Nietzsche, *La volonté de puissance*, § 693.
17. Nietzsche, op. cit., vol. 1, p. 42.
18. Friedrich Nietzsche, *La généalogie de la morale*, 3, 1.
19. Nietzsche, op. cit., vol. 2, p. 215.
20. Ibid., p. 102.
21. Jean Beaufret, op. cit., p. 214.
22. Nietzsche, op. cit., vol. 2, p. 228.
23. Ibid., p. 209.
24. Martin Heidegger, *Essais et conférences*, op. cit., p. 144.
25. Nietzsche, op. cit., vol. 2, p. 80.
26. Ibid., p. 89.
27. Martin Heidegger, Nietzsche, op. cit., vol. 1, p. 381.
28. Ibid., p. 381.
29. Ibid., vol. 2, p. 219.
30. Ibid., p. 239.
31. Ibid., p. 160.
32. Ibid., p. 84.
33. Martin Heidegger, *Chemins qui ne mènent nulle part*, op. cit., pp. 214-215.
34. Nietzsche, op. cit., vol. 2, p. 91.
35. *Chemins qui ne mènent nulle part*, op. cit., p. 317, trad. modifiée.
36. Nietzsche, op. cit., vol. 2, p. 76.
37. Ibid., p. 160.
38. Ibid., vol. 1, p. 363.
39. Ibid., pp. 363–364.
40. Jean Beaufret, op. cit., p. 199.
41. Nietzsche, op. cit., vol. 2, p. 11.
42. Silvio Vietta, *Heidegger, critique du national-socialisme et de la technique*, Pardès, Puiseaux 1993, p. 102.
43. Martin Heidegger, Nietzsche, op. cit., vol. 2, p. 102.
44. Op. cit., pp. 115–116

Kiesel H.:
Эрнст Юнгер: эссе 1950-1960 годов.
Лесной странник и исследователь всемирной истории.

После окончания работы над «Излучениями» и «Гелиополем» Юнгер возвращается к тому жанру, которому он посвятил себя в начале тридцатых годов: к философской и историософской эссеистике. Между 1950 и 1960 гг. появляются пять соответствующих эссе, общий объём которых едва ли составляет четыреста пятьдесят страниц. Все они в конечном счёте посвящены тому вопросу, который ясно был поставлен в 1960 г. и вынесен в заглавие изданного Х. Вальтером Бэрм сборника: «Где мы находимся сейчас?» Для Юнгера ответ на этот вопрос включал и взгляд в будущее. Как и прежде, он чувствовал в себе силы не только поставить диагноз эпохе, но и дать прогноз дальнейшего развития. В предсказании Токвиля, что Россия и Северная Америка станут двумя великими державами будущего мира, писатель видел убедительный «пример зоркости, с которой глаз хорошего наблюдателя может проникнуть в структуру надвигающихся явлений»: «Его взор простирается над долинами и пропастями к виднеющейся вдали вершине». Но этот прогностический взгляд, который открывает возможности и приуготовляет пути, приносит с собой обязанность идти во главе, что Юнгер рассматривает в качестве задачи «авторов» и «поэтов»: «И всегда поэзия и поэты должны предшествовать», сказано это, имея в виду, что Юнгер видел в будущем установление «планетарного порядка».

От эссе ранних тридцатых годов работы пятидесятых годов отличают два момента: во-первых, они гораздо менее аподиктично сформулированы, чем ранние. Автор более не пытается внушить, что всё, что полагает возможным констатировать, является бесспорным; дойдёт ли дело до окончательного решения или до соглашения между Востоком и Западом, кажется ему «стоящим под знаком вопроса», и касательно развития системы международных отношений в 1959 г. он видит целый набор возможностей. Тон менее напряжён, чем в ранних эссе, и более спокоен. Во-вторых, эссе пятидесятых годов не находятся более под влиянием идеи «воли к власти», не пропагандируют более установление порядка «Рабочего» без оглядки на вытекающие из этого страдания. Напротив, предаваясь рассуждениям, автор обращает взор назад на страдающего человека:

«Невозможно довольствоваться тем, чтобы на верхнем этаже познавать истины и блага, в то время как в подвале с ближнего сдирают кожу. Это также невозможно, если в духовном отношении находишься не только в гарантированной, но и в превосходящей позиции, и именно поэтому, так как

неслышные страдания миллионов порабождённых вызывают к небесам. До сих пор чад от живодёрен висит в воздухе».

Основополагающим ориентиром для Юнгера оказывается мнение Ницше, что он, Ницше, это «первый законченный нигилист Европы», но одновременно и тот, кто «уже до конца прожил в себе самом нигилизм» и со своим творчеством возвещает о противоположной тенденции. Вышедшее в 1950 г. эссе «Над линией» относится к вопросу, «какие пункты между тем достигнуты движением». Юнгер видит, что распространение нигилизма, «упадка ценностей», зашло далеко: ни в религии, ни в искусстве более не обнаруживается действительных ценностей; нет более ничего святого и никаких совершенных произведений искусства. Вместо этого в неожиданном величии и мощи является нигилизм: он не производит впечатление «хаотического», но связан, как уже замечали в новейшей истории и как можно наблюдать сейчас, с грандиозными политическими системами и технической цивилизацией. Он не похож на «болезнь», но оказывается в добром здравии и порождает в профессиональном спорте постоянные рекорды и достижения. Он не напоминает «зло», так как то, что обычным образом определялось как «зло», выступает неизбежным сопутствующим обстоятельством исторической ситуации. Итак, нигилизм становится всеохватывающим и производит впечатление совершенно позитивного явления. И всё же заметно, что он представляет собой колоссальную «редукцию» и повсюду приводит к упрощению и «замиранию». В силу этого «замирание» превращается в ключевое слово юнгеровского анализа современности, но подразумевает не только сокращение разнообразия, но также и времени, и досуга и оказывается таким образом «ускорением».

«Замирание» и «ускорение» определяют нигилистическую эпоху, но они столь много поглотили ценностей и обошли за круг, что магическая «нулевая точка пересечена». Этим, конечно, всё не заканчивается, и даже этот факт не является большим успехом: «Пересечение линии, проход через нулевую точку делит спектакль; это указывает на середину, но не на конец. До безопасности ещё очень далеко, но появляется надежда. «Первый проблеск надежды» заключается в перспективе, что дело дойдёт до «мирового государства», которое закончит «мировую гражданскую войну», охватившую современный мир. Другие «позитивные моменты» следует видеть в «метафизическом беспокойстве масс», в «появлении отдельных наук» из однообразной современной картины мира и в «обнаружении теологических тем в мировой литературе». Пока же мы, конечно, живём в «неизмеримой» и небезопасной обстановке. «Тотальная мобилизация», как бы радикальная форма активного нигилизма, «вступила в стадию, по степени опасности ещё

превосходящую предшествующую», и к этому следует причислить дальнейшее «сокращение свободы»; также и спасительному художественному творчеству противодействует ещё большее «сопротивление». Итак, ограбление человека нигилизмом ещё не осталось в прошлом, но даже может ещё увеличиться; но значимо то, что сказал Гельдерлин в своём гимне «Патмос»: «Там, где опасность, появляется также и спасенье». Последнее, по мнению Юнгера, в эту эпоху должно «значительно возрасти». Взор в будущее в силу этого может снова стать оптимистичным.

Юнгер включил эссе «Над линией» в юбилейный сборник по случаю шестидесятилетия Хайдеггера, и Хайдеггер пять лет спустя ответил в юбилейном сборнике по случаю семидесятилетия Юнгера. Статья Хайдеггера, имеющая форму письма (в духе эзотерической беседы между знатоками и доверенными) и открывает том поздравлений, нося заглавие «Над «линией» и представляя собой дружеский, но всё же критический и полемический разбор диагноза эпохи нигилизма, поставленного Юнгером. Хайдеггер вначале констатирует, что его сочинение основывается на юнгеровском тексте, но затем явно ставит под сомнение, что «знания и познания» нигилизма уже достаточно для дефиниции и местоопределения, и задаёт вопрос, не следует ли попытаться «рассуждать о линии» несколько по-иному, чем это проделал Юнгер. Последний воображает себя уже по ту сторону линии, но говорит ещё на таком языке, как по эту сторону, что означает: ни о каком преодолении нигилизма не может быть и речи. «Изменение речения» предполагает отказ от метафизики и другое отношение к бытию, что Хайдеггер не увидел у Юнгера. Вообще для Хайдеггера диагноз Юнгера недостаточно глубоко «проник» в сущность нигилизма, и вывод писателя, что линия уже преодолена, является слишком преждевременным. Юнгер же не ответил на размышления Хайдеггера. Это и понятно. Ему надо было обратиться в хайдеггерианца и различать между «бытием» и «~~бытием~~». Для Юнгера это, пожалуй, было слишком много. Он сделал то, что привык делать в таких случаях: он промолчал. И кажется, что писатель несколько убавил свою надежду на скорое окончание нигилистического периода. В своём следующем, опубликованном в 1951 г. эссе «Путешествие в лес» Юнгер констатировал, что мы все ещё задерживаемся «вблизи от нулевого меридиана». Сделав такое утверждение, он не отказался, но смягчил более ранний вывод, что мы уже «по ту сторону линии».

В вызвавшем большой интерес эссе «Путешествие в лес» он размышляет о существовании одиночки в эпоху обострившихся нигилистических социализации и мобилизации. Это звучит сегодня странно, так как Юнгер

находится в демократически устроенной ФРГ. Но во-первых он, неоднозначно отрицая различия, не проводит никакой разницы между демократической и авторитарной формами государственного устройства; государственность означала для него всё возрастающее ограничение свободы и социализацию индивида. А во-вторых, он учитывал не только Запад, но и Восток: итоги выборов в 98%, лозунги о «строительстве», создание госбезопасности и усиление «слежки», наконец, тайный террор и существование лагерей. Этому соответствует, что он, как писал 21 ноября 1951 г. Готфриду Бенну, «получил из восточной зоны несколько прекрасных писем о побеге в лес», и Бенн одновременно предложил отправить в «зону» ещё несколько экземпляров. Но Юнгер повсюду видел нарастающие социализацию и мобилизацию одиночки, и он хотел как здесь, так и там дать толчок к «побегу в лес», то есть к попытке избежать тотальной социализации. Побег в лес это не только реакция на политическую обстановку, но в ещё большей степени на развитие цивилизации, которое, конечно, накладывает отпечаток на политическую обстановку. В «Лесном страннике» Юнгер видит поэтому наряду с «Рабочим» и «Неизвестным солдатом» третью важную «фигуру» современности. «Рабочий» это деятель современной эпохи, желающий всеми силами придать миру новый облик и господствовать над ним. «Неизвестный солдат», который свою службу несёт также и на фабриках, это несущий бремя и «жертва» этого процесса перестройки и распределения полномочий. «Лесной странник» же обладает «изначальной связью со свободой» и пытается ускользнуть от социализирующего и изнуряющего «автоматизма» развития цивилизации. Он уходит и скрывается в лесу, при этом лес может существовать повсюду, даже в густонаселённом квартале крупного города. Побег в лес это акт освобождения самого себя и конечно также саморазграничения. Он требует соответствующего мужества и оправдания в областях искусства, философии и теологии. Авторы должны быть лесными странниками, чтобы показать людям, чьи свобода и существование находятся под угрозой, что сопротивление возможно.

Эта позиция отказа является следствием опыта социализации и мобилизации двух последних десятилетий и для того времени не была чем-то необычным. Под названием «нонконформизм» она обнаруживается у многих авторов пятидесятых годов, особенно у более молодых, которые только что смогли высвободиться от хватки национал-социализма. В качестве примера следует назвать почитателя Юнгера Альфреда Андерша с его эссе «Немецкая литература на распутье» (1948) и очерком «Вишни свободы» (1952). В выразительной форме этот дух сопротивления проявляется также в

стихотворении Ганса Магнуса Энценсбергера «В книге для чтения для высшей ступени» (1957). Одно призывает к нонконформизму и гражданскому неповиновению; другое побуждает школьников к тому, чтобы готовить себя к подрывной деятельности и к побегу. Генрих Бёлль полагал, что это стихотворение следует включить в каждую книгу для чтения. В этом он мог бы сослаться и на Юнгера, писавшего в «Путешествии в лес»:

«Теперь мы живем во времена, когда каждый день могут появляться неслыханные виды принуждения, рабства, истребления – пусть даже они направлены против определенных слоев или распространяются на отдаленные местности. Вопреки этому сопротивление законно, когда следует проводить в жизнь утверждение основных человеческих прав, которые в лучшем случае гарантируются конституциями, даже прав одиночек. Для этого имеются действенные формы, и человек, находящийся под угрозой, должен подготовиться к ним, он должен быть приучен к ним; ведь здесь же вообще скрывается основной предмет воспитания нового типа. В высшей степени важно приучить тех, кто находится под угрозой, что сопротивление вообще возможно, и понятно, затем с крошечным меньшинством возможно низвергнуть огромного, но неуклюжего колосса».

Но не только несвободное государство представляет себе такой колосс; также и социализирующее и изнуряющее распространение цивилизации, мир исчезновения и безнадёжности, который описал неоднократно превозносимый Юнгером Франц Кафка, является таким чудовищем. Ускользнуть из их лап и противостоять им кажется тем более осмысленной позицией, что «нулевой меридиан» достигнут, хотя ещё и не пересечён. Позитивные цели существуют, даже если они ещё ясно не осознаются. К их числу принадлежит, по мнению Юнгера, «планетарный порядок», к которому приближается человечество и при котором может быть «установлен великий мир».

В вышедшем в 1953 г. эссе «Гордиев узел» Юнгер пытается представить борьбу свободы и насилия как антагонизм двух начал, действующих в мировой истории. Эссе могло бы быть также озаглавлено «Восток и Запад», так как в этой борьбе, по мнению Юнгера, сталкиваются два великих пространства земли. Последнее выбранное заглавие указывает на одну из этих встреч: легендарное свидание Александра Великого с фригийским царём Гордием. Боевая колесница последнего, как гласит предание, была соединена с ярмом канатом, который боги так искусно связали в узел, что считалось невозможным его распутать; тот же, кому это удалось, стал бы владыкой Персии. Александр разрубил узел мечом и после этого смог начать свой победоносный завоевательный поход через Азию и стать властелином

как Востока, так и Запада. Распутать гордиев узел означает, следовательно, снять противоречие между Востоком и Западом и установить мировое господство. Но противоречие между Востоком и Западом это противоречие между деспотизмом и свободой, произволом и законностью, зоологией (или зверством) и рыцарством. Эта антитеза основана на старой типологии народов, где реальный исторический опыт смешивался с иллюзорными представлениями о себе самом так же, как и о других, и превратился в резко антагонистические стереотипы. Юнгер засвидетельствовал существование этих типов в некоторой степени через наблюдение в современной истории и за это подвергся резкой критике.

Ссылка на то, что он говорит о «Востоке и Западе» только в метафорическом смысле, не может его полностью оправдать; география ощущается и выставляет Восток в дурном свете. И всё же следовало воспринять всерьёз желание Юнгера, чтобы под Востоком и Западом понимали не обозначения «абсолютных мест», но «иносказание для двух человеческих основных установок», и что он, наконец, переводит борьбу между Востоком и Западом в душу человека, так как оба начала «в ходе истории сформировали нравственный характер человека, в приливах и отливах, в смене напряжённости и гармонии». Но это означает, что антагонизм Востока и Запада не должно застыть в нынешней форме «мировой гражданской войны»; в «мировом государстве» оно может принять мирную и способствующую развитию форму: «Противоположность не является неразрешимой, но указывает на третье: на договор, посредством которого партнёры, избавившись от страха, придут к соглашению». Заключить договор означает разрубить гордиев узел. То, что это удастся, кажется, как допускает Юнгер, очень сомнительно, и всё же он придерживается мнения, что «необходимость мирового государства заявляет о себе всё более настоятельно».

После «Гордиева узла» Юнгер прекратил на некоторое время размышления об эпохе в формах эссе. В этот год вышли произведения меньшего объёма, переиздания более ранних работ, «Песочные часы» (1954), сообщение о путешествии на Сардинию «На сарацинской башне» (1955), книга «Ривароль» (1956) и рассказ «Стеклянные пчёлы» (1957). После их окончания Юнгер возвратился к размышлениям об эпохе в форме эссе; появилось крупное, в первоначальном издании занимающее свыше трёхсот печатных страниц сочинение «У стены времени», опубликованное в 1959 г.

Сочинение «У стены времени» основывается на выводе эссе «Над линией», подтверждает его и идёт дальше. «По ту сторону линии» обращается в «По ту сторону стены времени» и открывает совершенно новый цикл истории,

истории по ту сторону «всемирной истории», в которой мы до сих пор находились и которая с модерном обнаруживает своё завершение и преодоление. Это преодоление выступает следствием двух новшеств, усиливающих и обостряющих нигилистическую тенденцию: во-первых, «гибель мира» вследствие атомной войны кажется «возможной как непосредственный результат деятельности людей», и благодаря проникновению в структуру человеческой наследственности, открытую Джеймсом Уотсоном и Фрэнсисом Криком, кажутся возможными генетические эксперименты, которые могли бы привести к неограниченному качественному скачку в развитии человека. В обоих случаях обретают значение силы, лежащие вне какого-либо исторического опыта, и это означает, что «выход из исторического пространства» или даже из «истории» не только возможен, но и предстоит.

Стена времени это место, у которого следует считать слои развития и откуда можно и должно отважиться на прыжок по ту сторону модерна и всемирной истории. В этом прыжке эпоха ускорения обнаруживает свой смысл; она оказывается бегством от последствий собственной деятельности, а также подготовкой к выступлению в совершенно новую фазу истории Земли. То, что этот прыжок вот-вот наступит, оказывается прежде всего обязанным двум обстоятельствам: проницательно замеченной Ницше «смерти Бога», с которой старый порядок ценностей, присущий истории человечества, подошёл к своему концу, и многообразным тревогам, которыми охвачен мир и человек, и не в последнюю очередь метеорологическим и атмосферным нарушениям, которые можно наблюдать. Прежде всего, они являются признаками того, «что мы находимся в процессе не только всемирно-исторических, но и геологических изменений». Земля словно хочет облачиться в новое одеяние и, говоря языком астрологии, вступить в «новый дом». Классификация или взгляд на историю с позиции «человека» или истории человечества более недостаточны для этого перехода, и этот взгляд стоит оставить в пользу «зидерического», когда «история Земли» оказывается «историей светил». В этой метаморфозе человек играет важную роль. Осознавая себя сыном Земли, с помощью техники (включая биотехнологии), используя её силы и открывая их полноту, он становится «сверхчеловеком» или «титаном», которому удаётся выход из прежней истории.

Это звучит не только драматически, но и катастрофически, и Юнгер признаётся: «У катастрофы <...> своё место и своя задача в мире. Она не только признак того, что порядок нарушен, но и также того, что он желает восстановиться. Но для него катастрофическое протекание перехода не

представляет единственную возможность, но имеется более широкий спектр прогнозов. Наряду с мировой войной, которая могла бы привести к установлению мирового порядка, он также видит возможность того, что дело дойдёт до «*pénétration pacifique*» конкурирующих систем, до мирного взаимного проникновения при постепенном осознании того, что собственно «хотели того же самого». Для этого второго пути имеется благоприятный шанс, указываемый астрологией: новый дом, в который входит Земля, это дом Водолея, где будет царить более высокая духовность, и это уже находит своё проявление, по мнению Юнгера, в «одухотворении» (или в возрастающей «утончённости») «в рамках технического мира, как в его лилипутских, так и в титанических строениях, в зримой и незримой области».

Короче: взгляд Юнгера на стену времени всемирной истории полон не пессимизма, а оптимизма. Возможно, придётся двигаться в хаотическом и «пустым от богов» пространстве. Это принадлежит к «предпосылкам великой смены форм». Юнгер убеждён в том, что в конечном счёте все устремления людей направлены на «одно и то же», и что Земля, в конце концов, это хорошая родина для человека, и что человек в лице Земли имеет добрую мать. Последнее предложение эссе «У стены времени» связывает и то, и другое вместе: «В стремлении к ней (к общей цели) мы братья; и если мы сами не сложим руки, то и наша мать, Земля, не бросит нас на произвол судьбы».

Примером является великан Антей, сын морского бога Посейдона и Геи, богини Земли, который был неодолим, пока не потерял контакт со своей матерью. О нём писатель неоднократно вспоминает «У стены времени», и в его честь был назван ежемесячный журнал «Антей», который Юнгер издавал с 1959/60 по 1970/71 гг. вместе с уроженцем Румынии культурологом Мирчей Элиаде, работавшем в разных странах. Это оказывается определяющим для взгляда Юнгера на историю, который обращался к языку мифов и пытался использовать его для определения нынешнего местонахождения и для развития исторических перспектив. Образ утра должен был стать ориентиром для времени по ту сторону старой всемирной истории. То, что предопределило на эту роль Антея, было его «сцепление с грунтом». Это означало, как Юнгер писал в предисловии к ежемесячному изданию, две вещи: контакт с никогда непобеждённым источником силы, а также задержка легкомысленных и заносчивых тенденций. Но Антей олицетворяет также сохраняющийся драматизм исторического процесса. Тому, кто воображает, что под эгидой кажущегося неодолимым сына бога не было бы никакой исторической борьбы и никакого движения, следовало бы

обрести новый взгляд посредством мифа. Не только, что Антей всегда был обязан бороться со всяким героем, кто вступал в его царство. Величайший из них, Геракл, который для совершения одного из своих подвигов прошёл через страну великана и был вызван им на бой, обнаружил источник его силы, поднял Антея над землёй и смог после этого раздавить его грудную клетку. Но это означает, что Юнгер, превращая Антея в символическую фигуру будущего по ту сторону стены времени, не просто возвестил о конце исторического процесса, но только о наступлении так называемой антеевской эпохи, у которой есть свои собственные конфликты и которая когда-нибудь также может подойти к концу.

В отношении ближайшего будущего Юнгер, как показывает эссе «Стена времени», стал осторожным. Но в одном он был убеждён: что грядёт «мировое государство». Ему Юнгер посвятил соответствующее эссе, которое так и называется – «Мировое государство», которое, правда, состоит только из повторения и расширения тезисов, уже более или менее отчётливо прозвучавших в предшествующих эссе: мировое государство станет реальностью, но не потому, что его требует политическое благоразумие и человеческая воля когда-либо следовала благоразумию, но так как развитие цивилизации требует «всеобщего порядка на Земле» и переигрывает традиционное разделение Земли на территории национальных государств. Правда, имеются ещё Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Но их задача заключается лишь в том, чтобы присваивать себе суверенитет других государств и таким образом сделать возможным образование мирового государства; это «следует сделать по образцам или, ещё лучше, по формочкам: обеим половинкам формы литья для образования мирового государства». Объединение произойдет, конечно, не через переговоры и договоры; для этого слишком сильны различия. Объединение станет результатом более сильных импульсов, которые частично являются следствием развития цивилизации, а частично растущего осознания того, что обеспечение будущего человечества требует мирового государства. Оно будет не только представлять собой иное качество; оно будет также иметь другое качество; государственная «организация» и общественный «организм» встретятся в новой связи преломления. С появлением мирового государства исчезнут антагонизмы между национальными государствами; «организация» может быть упразднена, и «человеческий организм как собственно человеческое» может развиваться свободнее и чище. В юнгеровском мировом государстве осуществляются две мечты: мечта анархиста об отмирании государства и мечта гуманиста о свободной и мирной жизни на Земле.

С вышедшим в 1960 г. «Мировым государством» заканчивается серия эссе, посвященных анализу эпохи, но не юнгеровские размышления о времени в форме эссе. В сокращённой форме они прежде всего находят своё продолжение в опубликованных в 1964 г. «Примечаниях к “Рабочему”», а затем во многих начатых в 1965 г. записях, которые позднее выйдут под заглавием «Семьдесят развеянных». Здесь, как и там, Юнгер продолжает прогнозировать создание мирового государства, но теперь задаёт себе до сих пор не затрагиваемый вопрос, возможны ли ещё в мировом государстве конфликты, и как можно было бы их локализовать. В «Примечаниях» он называет возможный очаг конфликта: «грубую работу», которая где-либо должна быть совершена, но не может быть более перенесена в захваченные территории и колонии. Решение Юнгер видит, подобно Брехту, мечтавшему о «Великом производстве» – в утончённой технике и эффективном использовании природных ресурсов: «грубая работа» станет излишней; противоречие между господами и рабочими будет упразднено; более не будет напряжённости между бедными и богатыми. В то, что после этого вообще не будет более никаких конфликтов, Юнгер, пожалуй, никогда не верил, в более поздние годы совершенно наверняка. В «Семьдесят развеянных. III» об этом сказано в записи от 20 июня 1984 г.:

«Если будут упразднены армии, войн больше не будет; это очевидно. Вопреки этому насилие остаётся постоянным. Сравним армию с сосудом, содержащим насилие, таким образом, насилие исчезает, если разбивают сосуд. В мировом государстве нет войн, но могут быть восстания. Поэтому обращение к насилию принимает форму гражданской войны. Существование армий излишне, но не полиции. Тяжёлое вооружение оказывается монополией государства; оно действует посредством своего наличия, но не использования (это остаётся утопией без прогресса в процессе одухотворения)».

Мировое государство это, конечно, только одна тема, которая набросана в «Примечаниях к “Рабочему”» в полемике с текстом 1932 г. Затронуты также и другие известные из эссе темы – ускорение, титанизм, толкование мира работы, одухотворение мира. Правда, две темы являются новыми и обладают особым значением. Первая это использование в «Рабочем» 1932 г. критики бюргерства, вторая – мнимая реставрация на раннем этапе существования ФРГ.

В «Рабочем» Юнгер подвергал бюргерство чрезвычайно резким нападкам. Для него оно представляло собой благоразумный и негероический, изворотливый и трусливый класс, который потерял какой-либо контакт с

«природным» и в силу этого был непригоден для создания нового мира Рабочего, а значит он должен быть выметен из него.

В «Примечаниях» Юнгер релятивизирует эту критику двумя путями. Во-первых, он допускает, что яростная критика бюргерства объясняется не только его недостаточной связью с жизнью, но также поражением в войне, точнее: чувством сыновей, которые были принесены в жертву отцами. Во-вторых, писатель констатирует, что бюргер является «духовным отцом рабочего», создавшим для него при помощи «всеобъемлющей научной подготовительной работы» «трамплин для прыжков». Это реабилитация бюргерства, имеющая не только историческое значение; так как само собой разумеется, юнгеровский Рабочий, который всё менее работает руками, чем головой, нуждается в бюргерской науке и будет преимущественно жить и работать как учёный-бюргер. Так сын бюргера Юнгер – достаточно поздно – примиряется с бюргерством. Но эта недооценка бюргерства его ещё долго занимала. 6 ноября 1986 г. он делает запись: «Если бы я сделал ревизию “Рабочего”», то мне следовало бы дифференцировать образ “бюргера”»; эти гейдельбергские и геттингенские профессора станут в ретроспективе ужасны».

Ревизию «Рабочего» Юнгер упоминал неоднократно, но никогда не осуществил. Как она была должна выглядеть? Следовало бы отказаться от первоначального неприятия к бюргерству, и не только по причинам исторической справедливости, но также из-за будущего значения бюргерской культуры. Представление, что рабочий уподобится солдату битв материалов, а общество будущего будет организовано в военном духе, опровергалось или по меньшей мере основательно ставилось под вопрос в середине 70-х гг. посредством сравнительного взгляда на общественную действительность по эту и по ту сторону железного занавеса: не планово-командная экономика Востока, но свободный рынок на Западе произвёл экономическое чудо. Три десятилетия, минувших спустя выхода «Рабочего», на успешном Западе привели ни к структурированному в военном духе, но к гражданскому обществу, которое, как сожалел Карл Шмитт, становилось всё более далёким от государства, демократическим, современным, гибким, индивидуалистичным – и в этом не только его привлекательность, но и тайна успеха. «Пересмотреть» «Рабочего» при учетывании новейших тенденций развития означало бы построить его почти полностью по-новому. Основной же тезис о преобразовании мира, знавшим свободные зоны и часы досуга, в мир, где всё является «работой» и обнаруживает свою цель в процессе воспроизводства, мог бы остаться. Зато следовало бы отказаться от представления, что преодоление кризиса цивилизации должно подтолкнуть

на путь героизма и привести к коллективистски-авторитарному общественному порядку. Как позволяет предположить его критика тезиса о реставрации, это Юнгер мог осознавать.

Тема «реставрации» в начале 70-х гг., когда появились «Примечания к “Рабочему”», была центральной темой политико-культурного дискурса. С тех пор как в 1950 г. Ганс Вернер Рихтер, Вальтер Диркс и Ойген Когон ввели в оборот тезис, что в западной части Германии дело дошло до «восстановления» тех общественных отношений, из которых выросли национал-социализм и с ним провальный период немецкой истории, обвинение в реставрации со стороны левых интеллектуалов повторялось бесчисленное количество раз и обрело значение чёрной легенды об основании ФРГ. Повсюду прогрессивные критики молодой Федеративной республики видели процесс реставрации, и, само собой разумеется, Юнгер со своим культурным элитизмом, равнодушием к демократии и литературным классицизмом стал считаться представителем этой самой реставрации.

Ни то и ни другое не соответствуют действительности. Федеративная республика не была государством реставрации, но государством почти несравнимой и к тому же успешной модернизации в политической, социальной, экономической и культурной сферах. Это многие из ранних критиков реставрации как раз поздно увидели, но имеются впечатляющие признания, например, Ганса Магнуса Энценсбергера, который в 1988 г. в своём сборнике эссе «Посредственность и заблуждение» писал: «Разговоры о реставрации, одна из излюбленных тем в пятидесятые (также и у Энценсбергера) основывались, как мы сегодня знаем, на обмане зрения. <...> Когда в семидесятые годы пали леса, взору предстала совершенно новая конструкция». Это он намного раньше и к тому же в более явной форме мог прочесть в «Примечаниях» Юнгера. Там писатель вначале однажды в соответствующем пассаже констатирует, что процесс цивилизационной модернизации, описанный им в «Рабочем», после «катастрофы» снова обнаружился в непредвиденно широком масштабе и придал «новое значение» реставрации, о которой столь много говорили: «Её музейные, тормозящие силы производят впечатление острова, темнеющего среди динамичных потоков». Возможно, это было не совсем оригинально: социолог Гельмут Шельски и швейцарский публицист Франс Рене Аллерман уже говорили нечто подобное десятью годами раньше. Но это показывает, что Юнгер вследствие своего интереса к феноменам модернизации видел яснее, чем критики молодой Федеративной республики, что моменты, производящие впечатление реставрации, только поверхностно, точно и на время смягчали или завуалировали процесс модернизации. Юнгер раньше

осознал, что Федеративная республика находится на пути в модерн западного типа.

Модернизация это широкий и сложный общественный процесс. Пожалуй, основополагающей является научная и технологическая модернизация, которая с начала нового времени глубоко изменила мировоззрение и образ жизни. Основой мировоззрения стала научная эмпирия, одновременно предоставившая предпосылку для того, чтобы техника стала частью жизненного уклада. Это не осталось без последствий для остальных сфер общественной жизни и привело к переходу от общества, делящегося на сословия, к обществу, дифференцированному по функциональному признаку, с соответствующими новыми и широкими притязаниями на участие, которые реализовались с различной скоростью в демократизации политической жизни, участии в управлении экономикой и в создании социальной системы. Позиция Юнгера по отношению к этому процессу была подвержена изменениям и всегда оставалась сложной и двусмысленной. Технологическую модернизацию с её последствиями для человеческой жизни он рассматривал как неостановимое и в конечном счёте позитивное, открывающее смысл всемирной истории движение. Социальное участие было для него само собой разумеющимся; богатства Земли должны служить для блага всех. Политические тексты Юнгера 30-х гг. были резко антикапиталистическими, и частно-капиталистическая эксплуатация Земли всегда казалась ему мерзостью. К возможности участвовать в политической жизни он относился достаточно равнодушно. Всю жизнь он сомневался, что демократически устроенное общество было бы лучше, чем авторитарно управляемое, которое не обязательно должно быть несправедливым или совершенно несвободным: здесь становится ясно, что Юнгер ещё дитя государства, где заправляют «начальники». Но он видел, что демократизация является неотъемлемой частью процесса модернизации, и в «Стене времени» дошёл даже до утверждения, «что демократические формы будут господствовать необозримое время, начиная от управления миром и до мельчайших ячеек, вплоть до семьи».

В остальном же, несмотря на пресловутые антидемократические выпады было бы неправильно считать, что Юнгер только презирал демократов и принципиально рассматривал демократию как худшую форму политической организации. В 1928 г. в сборнике памяти «Незабываемые» он чествовал демократа уитменовского типа Каспара Рене Грегори, а 27 октября 1982 г. записал в своём журнале: «Листья травы» Уитмена показывают демократию в её величии, а «*Bouvard et Pécuchet*» её бесславие». В итоге следует констатировать, что Юнгер считал неостановимым процесс модернизации

(включая связанные с ней притязания на участие в социальной и политической жизни) и рассматривал её как осуществление смысла творения. Но одновременно следует видеть, что он ощущал этот процесс прежде всего главным образом как процесс сокращения жизненного пространства и разнообразия жизни, как гнусную эксплуатацию мира и внутренне обедняющее расколдовывание космоса. От этого он пытался ускользнуть благодаря своему анархическому, изоляционистскому и антимодернистическому образу жизни и против этого протестовал, указывая в своих книгах о путешествиях и в начатом в 1965 г. дневнике на ускоряющееся «исчезновение» ландшафтов и разнообразия видов, а также культурной изначальности и пестроты.

В образцовой форме это проявляется в обоих сообщениях о путешествиях на Сардинию в 1954 и 1955 гг., «У сарацинской башни» и «Серпентара». В 1954 г. Юнгер почти весь май провёл на Илладоре, в одном расположенном на юго-западном побережье «месте без подключений». Правда, до него можно было добраться по ухабистой горной дороге на автобусе, но электричества, телефона и ежедневных газет там не было. Жизнь проявлялась здесь ещё в первозданных формах; Юнгер встретил пастуха, жившего в выбоине «в форме капюшона» в каменной глыбе:

«На земле в этой полуоткрытой выбоине пастух устроил себе постель, циновку, которая едва покрывала голый камень. В маленьком углублении в каменной стене хранилась горсть крупнозернистой, добытой из моря соли. Перед открытой стороной был очаг, рядом лежали несколько испечённых в золе бобов и небольшой запас. Такова была обстановка. Это жилище в скале Юнгер мог бы отыскать неизменным ещё в следующем году; но в других местах ему повсюду приходилось наблюдать наступление модерна: в гостинице холодильник, из которого всегда можно было достать свежую рыбу; в гостиничном номере, в котором за год до этого сидели при свечах, неоновые трубки, распространявшие кругом дневной свет. Само собой разумеется, что Юнгер, наслаждавшийся за год до этого жизнью как в старину, не был от этого в восторге: описание этого опыта модернизации привело его к жалобам в духе критики цивилизации:

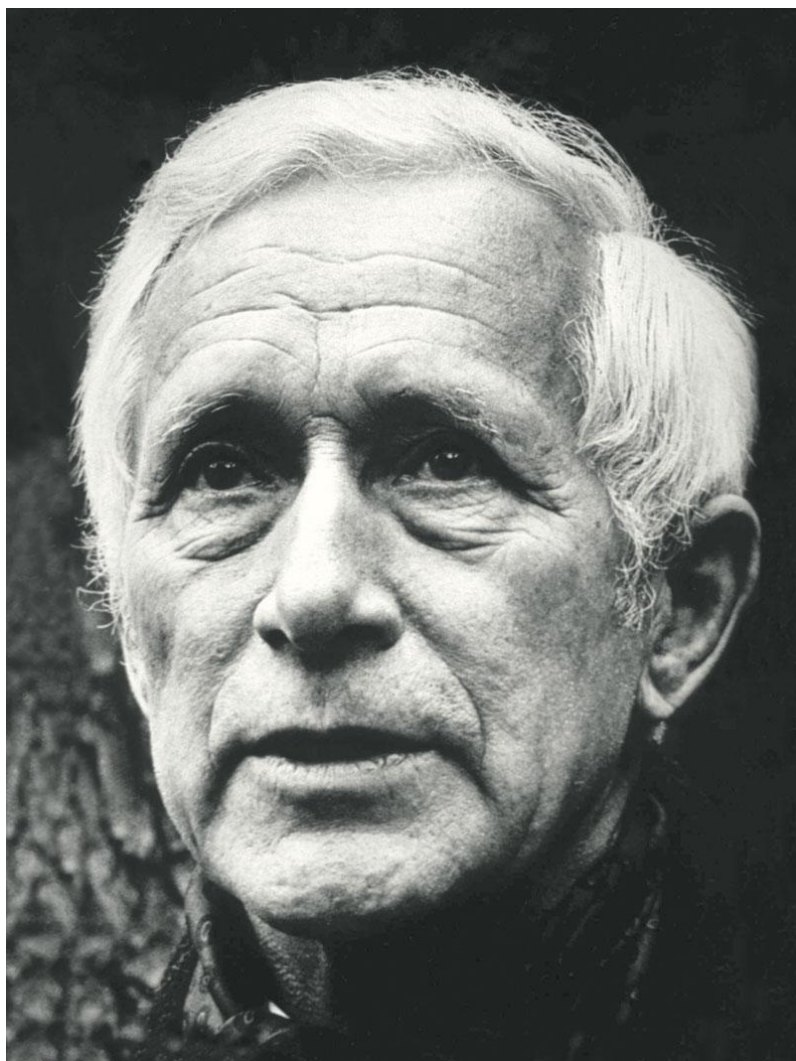
«В жгучем свете я едва узнал место, как если бы волшебник коснулся его своей палочкой и расколдовал его. Я увидел трещины в стенах и подлое выражение лиц. Эта демифологизация мира, которую мы распространяем, внушает страх. Её не восполнить через господство над пространством, возможность быстро достичь отдалённые места. Мы приходим и гасим божественный свет. Если мы достигнем Луны, что, кажется, не за горами, то этим мы погасим тайну, которая сохранялась, пока земные люди взирали на

звёзды. Мы превратим мерцающие дворцы Селены в минные поля и вскрышные отвалы для атомных отходов. Мы отважимся на эти великие поездки на берега нашего внутреннего величия».

Кое-что из этого пронизательно и сегодня производит впечатление тягостного, а кое-что является скорее ностальгическим и романтическим. Последнее и побудило некоторых современников считать Юнгера представителем реставрации. На самом деле он был первым «Лесным странником» в эпоху во многом провальной, глупой, бесчеловечной, эксплуататорской и глубоко деструктивной модернизации. И предшественником экологического движения.

Из книги: Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biografie. Siedler, München 2007. P. 598–613.

Перевод с немецкого Андрея Игнатьева.

Мартин Хайдеггер:

Творческий ландшафт. Почему мы остаемся в провинции?

На крутом склоне широкой высокогорной долины в южном Шварцвальде, на высоте 1150 метров над уровнем моря, стоит хижина – небольшой лыжный домик. Его площадь 6 на 7 кв. метров. Крыша низко опускается над тремя помещениями – кухней спальней и кельей-кабинетом. По узенькому дну долины и по точно таким же крутым склонам гор разбросаны крестьянские подворья с огромными, низко нависшими над ними крышами. Луга и пастбища тянутся вверх по склону до самого леса с его высокими, темными, старыми елями. А над всем этим стоит ясное летнее небо, в сияющие просторы которого широкими кругами взмывают два ястреба.

Вот мой мир – мир, в котором я тружусь, если смотреть на него созерцательным взором гостя и отпускника. Я же, собственно, никогда не рассматриваю это как ландшафт. Я постигаю его в опыте жизни: ежечасно, денно и ночью плавает он в великих волнах времен года. Тяжесть гор, крепость ее первобытных пород, задумчивый рост елей, светлая безыскусная роскошь цветущих горных лугов, шум ручья, бегущего по камням бескрайней осенней ночью, суровая простота занесенных снегом равнин – все это теснит и торопит одно другое, ведет свою ноту сквозь каждодневность существования там, вверху, в горах.

И все это опять же не в особо избранные мгновения сознательного сосредоточения, нарочитого вчувствования, а только тогда, когда свое собственное существование – внутри своего труда, в нем. Только труд разверзает просторы, в какие вступит действительность этих гор. Черета трудов до конца погружена в ландшафт, в его совершающееся пребывание.

Когда во мраке зимней ночи вокруг хижины бушует снежная буря с ее свирепыми порывами ветра, когда все окрест застилает снежная пелена, все, скрывая от глаз, вот когда наступает время торжествовать философии. Вот когда она обязана вопрошать просто и существенно. Всякая мысль должна прорабатываться сурово и отчетливо. Тогда опечатляется труд мысли в языке – все равно как ели, высясь, противостоят буре.

И эта философская работа протекает не как сторонние занятия чудака, засевшего в своем углу. Самое место ей – среди крестьянских трудов. Молодой хозяин с великими усилиями затаскивает по склону горы тяжелые розвальни, чтобы, загрузив их буковыми поленьями, направить в опасный путь назад к своему двору; пастух медленно, раздумчиво бредет, гоня стадо вверх по склону горы; крестьянин, сидя в своей комнате, заготавливает в бесчисленном количестве, по всем правилам искусства, кровельную дрань для

крыши своего подворья, — и мой труд точно таков. В этом торжестве коренится непосредственная принадлежность его крестьянам. Горожанин думает, что идет «в народ», когда нисходит до длинного разговора с крестьянином. Когда же у меня бывает перерыв в работе и я сижу с крестьянами на скамье у печи или за столом в красном углу, то мы обычно вовсе не разговариваем. Мы курим трубки молча. Время от времени кто-то, бывает, и вымолвит слово — про то, что рубка леса подходит на этот год к концу, что прошлой ночью куница забралась в курятник, что хозяина двора Эмми разбил паралич, что завтра пора отелиться корове, что дело идет к перемене погоды. Глубокая принадлежность собственного труда к Шварцвальду и к людям Шварцвальда проистекает из вековой алеманнско-швабской самобытности, и это не заменить ничем.

Горожанин, побывав, как говорится, в деревне, в лучшем случае «загорится». Мой же труд от начала и до конца несут и направляют эти горы, эти крестьяне. Порой труд в горах приходится надолго прерывать, — там, внизу, надо преподавать, надо вести переговоры, писать отзывы, разъезжать с докладами. Но как только я возвращаюсь наверх, в первые же часы весь мир прежних вопросов вновь со всех сторон обступает меня в домике, и при этом в тех же самых словесных впечатлениях, в которых я оставил его. Меня просто-напросто переносит в труд с его особым ритмом колебаний, и в сущности я вовсе не управляю его сокровенным законом. Жители города дивятся — как можно так долго оставаться одному среди однообразия крестьянской жизни. Однако я тут не в одиночестве — я в уединении. В больших городах легко оставаться одному — легко как едва ли еще где. А жить уединенно там нельзя. Ибо первозданная сила присуща уединению — оно не обособляет, не разъединяет, но все существование твое здесь круто обрушивает в самую широту близости и сущности всех вещей. Там далеко, за горами, не успеешь и оглянуться, как сделаешься «знаменитостью» — благодаря газетам и журналам. Самый надежный путь к тому, чтобы наисокровеннейшее воление твое было предано лжеистолкованию, а с тем и скорому, основательному забвению.

Напротив, крестьянская память отмечена верностью — простой, надежной, неослабной. Недавно тут умирала старуха-крестьянка. Она любила поговорить со мной и в разговоре припоминала старые деревенские истории. Ее образный, выразительный язык еще сохранял множество старинных слов, немало изречений, успевших забыться в живом языке и ставших непонятными деревенской молодежи. Еще в прошлом году, когда я целым неделям жил в домике один, эта старуха в свои 83 года не раз поднималась ко мне в домик по крутому склону. Хочется взглянуть, говорила она, тут ли я и

не забрал ли меня паче чаяния «тот». Ночь перед смертью она провела, разговаривая с близкими. И еще за полтора часа до кончины наказала им передать привет «господину профессору». Такая память значит несравненно больше, чем самый ловкий репортаж о так называемой моей философии в интернациональном органе печати.

Мир горожан рискует впасть в очередную ересь. Часто кажется, что заботу о крестьянах взяла на себя навязчивость – нарочито шумная и деловитая. Однако таким путем как раз отрекаются от того, что сейчас единственно необходимо – отступить и держаться на расстоянии от крестьянского бытия, более чем когда-либо предоставив его собственному закону; руки прочь – чтобы не втянуть это бытие в лживое многословие журналистов, строчащих о народе и его самобытном существовании. Крестьянину вовсе не нужна эта возня горожан вокруг него – он и не хочет ее. А вот что ему нужно и чего он хочет, так это осторожного такта в отношении его бытия со всем его своеобразием. Но сколь многие из горожан, не в последнюю очередь лыжники, в селе, на крестьянском дворе ведут себя так, как будто они «развлекаются» у себя дома, в городе, в своих столичных дворцах! Подобная суэта за один только день напортит больше, чем наладят за целые десятилетия научно-этнографические наставления относительно народности и ее обычаев.

Бросим же снисходительные заискивания и фальшивые игры в народность – и давайте научимся со всей серьезностью относиться к простой и тяжелой жизни там, на горах. И тогда она вновь заговорит для нас.

Недавно меня вторично пригласили в Берлинский университет. В таких случаях я уезжаю из города в свой уединенный домик. И слушаю, что скажут мне горы, и леса, и крестьянские усадьбы. Я иду к своему старинному, семидесятипятилетнему крестьянину. Он уже читал в газете, что меня зовут в Берлин. Что он скажет мне? Он не спеша поворачивается в мою сторону и своими ясными глазами всматривается в мои глаза, его губы плотно сжаты, он кладет мне на плечо свою верную руку и... чуть заметно покачивает головой. И это значит: безоговорочное нет!

Askr Svarte:

Очерк о важности Мифа

Все, что сегодня широким жестом именуется магией, мистикой или эзотерикой, является реликтами и производным, с разной степенью деформации, мифологического мышления и мифа как реальности мировосприятия и описания. Несмотря на столетия систематического выкорчевывания мифа из сознания человеческого общества – «расколдовывания мира», по выражению М. Вебера – структуры мифологического мышления и восприятия реальности живы и по сей день, подчас подчиняя себе даже сциентистские методы.

В древнегреческом языке слово *μῦθος* означает «сказание», «предание». Миф – это то, что рассказано устно и передается из поколения в поколение. Если миф рассказывает сам себя, то мифология (*μῦθος* + *λόγος*, мысль) это уже рассказ и размышление о самом мифе и его содержании; мифология – это рационализированная и обобщенная картина, сюжеты которой в самом мифе даются разрозненно и поэтически.

В традиционном обществе миф занимал центральное место, он определял все стороны жизни и мировоззрения человека. Функция мифа – объяснять происхождение мира, происхождение человека и общества, почему оно устроено именно таким образом, какие божественные законы царят в мире и управляют им, откуда появились те или иные вещи и ремесла, как правильно вести себя с другими людьми, животными и природой в целом, и многое другое. Отсюда вытекает свойство любой мифологии – холизм, целостность в греческом языке; миф представляет собой целое и целостно охватывает все уровни бытия: мифы, включая сказки, поверия, предания и легенды, объясняют всё вообще.

Обыденное мышление подсказывает нам, что говоря о мифе и мифологии, мы оказываемся где-то очень давно, в далеком и ушедшем прошлом, которое человечество переросло как стадию детства и его наивной веры в нечто мифическое. Но если посмотреть на общепринятую шкалу времени в виде стрелы, устремленной в будущее, то мы увидим, что эра традиционного миропонимания уходит корнями в доисторическую древность, потом проходит через известные нам цивилизации «до нашей эры»: Египет, Месопотамия, Эллада, Рим и другие; тысячелетия языческих традиций сменяются пришедшим из Ближнего Востока христианством, которое утверждает свой специфический историко-догматический миф и, наконец, прерывается на рубеже 1500 года, при переходе от эпохи Возрождения к заре Просвещения. С Ренессанса начинается эпоха Нового Времени – период

разрушения старой религиозной, в том числе и мифологической, картины мира и становление научного знания, теорий прогресса, эволюции и материализма¹. Новое время заканчивается в начале XX века после падения последних континентальных империй в ходе Первой Мировой войны и революций. Сейчас мы уже век живем в Новейшей истории. Если сравнивать исторические периоды, когда общество и человек жили внутри мифического и религиозного сознания, то окажется что миф охватывает отрезок в тысячелетия человеческой истории, в то время как современность длится только более пятисот лет. Таким образом, мы видим что человечество – а мы сейчас говорим преимущественно о европейских и соседних с ними народах – вышло из мифологического сознания и мышления буквально «вчера», но очень стремительно и радикально порвало с ним. В других регионах мира, в других цивилизациях, сила мифа и традиционного мировоззрения сохраняется в большей мере, ещё не изгнана и не изжита. А если мы внимательнее посмотрим на данные этнографии и фольклористики, то увидим, что наиболее современные и не мифологические общества встречаются в городах, в то время как в деревнях, при крестьянском и сельском образе жизни огромные пласты мифологий и суеверий сохраняются до сих пор и никуда не уходят. Итак, с исторической точки зрения миф был важнейшей частью и языком описания мира для человека ещё буквально «вчера», а местами этот язык используется и до сих пор.

Один из выдающихся немецких мыслителей Фридрих Георг Юнгер, брат и единомышленник Эрнста Юнгера, анализируя в середине XX века содержание греческой мифологии², приходит к выводу о том, что мифологические сюжеты имеют вневременной характер. Миф представляет собой мета-историю, то, что находится над историческими реалиями как канва хода событий; иными словами, несмотря на изменения человеческого общества, религии, идеологии, ценностей и взглядов, человечество на самом высоком уровне, так или иначе воплощает, разыгрывает сюжеты парадигмальных мифов. Здесь существует открытый вопрос о том, воплощает ли народ в своей судьбе разные мифы циклично или во всей человеческой истории всегда, то есть даже конкретно здесь и сейчас, воплощается только один базовый миф? Для Европы греческая и римская мифологии становятся неисчерпаемым источником образов, метафор, сюжетов и персонажей, которые непрестанно до сих пор воспроизводятся в культуре, словесном и визуальном искусстве, присутствуют в обыденной речи как устоявшиеся обороты или нарицательные имена, служат

---

¹ А. .Ф Лосев «Эстетика Возрождения», «Мысль», 1982г.

² Ф. Г. Юнгер «Греческие мифы».

источниками научной терминологии и образцами для интерпретации самой культуры, то есть для рефлексии. По выражению Лосева, греческое прошлое стало общим прошлым для всей Европы и более молодых народов, которые только начали входить в пору созревания на исторической арене.

Вспомним З. Фрейда и К.Г. Юнга, основателей двух школ психоанализа, – каждый из них обращался к сюжетам греческих мифов. Для Фрейда особый интерес представлял трагический миф об Эдипе, который он считал возможным архаическим событием и базовым мифом для европейской культуры и психики (с вариациями в духе мифа об Электре). Ещё более почтительно и с интересом относился к мифологии и религии его ученик и оппонент К.Г. Юнг, который посвятил множество трудов объяснению человеческой психики в связи с религиозной символикой и собственным учением об архетипах, которые также лежат в основе мифологии народов мира.

Середина и вторая половина XX века знаменуются изменением подхода к изучению религий и мифологических воззрений древних и современных народов. Наука отказывается рассматривать миф и религию как суеверный пережиток и «детство» человечества, утверждается феноменологический и структуралистский подход к изучению и интерпретации различных традиций. Первый подход связан с румыно-американским классиком религиоведения Мирча Элиаде, который в мягкой степени разделял тезис о вечности мифа и отстаивал метод погруженного и деликатного изучения мифов, а также оставил после себя целую школу религиоведения³. Примечательно, что М. Элиаде и К.Г. Юнг, а также ведущие исследователи мифологии, культуры, социологии и философии XX века, входили в интеллектуальный круг «Эранос» (существовал с 1933 по 2006 гг.), который ставил себе задачу осмыслить и выработать новый подход к изучению мировой культуры и общества.

Второй подход связан с французской школой структурализма и фигурой выдающегося лингвиста и мифолога Жоржа Дюмезиля. В своих трудах⁴ он показал и доказал, что в основе подавляющего большинства индоевропейских мифов лежит одна и та же структура, которую он назвал трехчастной или трехфункциональной. На основе анализа огромного массива европейских, индийских, кавказских (особенно – осетинских) и восточных легенд и мифологий, он показывает, что структуру индоевропейского общества, которому наследуют уже более поздние отдельные народы и традиции, составляют три основных сословия, на которые делятся почти все

---

³ М. Элиаде «Священное и мирское», «История веры и религиозных идей» в 3х томах.

⁴ Ж. Дюмезиль «Верховные боги индоевропейцев».

люди – это жрецы, воины и земледельцы/ремесленники. Это деление всего общества на трехчастную пирамиду (изгои, рабы, преступники и т.д. выпадают из неё и не образуют самостоятельного этажа) прослеживается на протяжении всей древней истории с небольшими изменениями. Например, в вопросе светской и политической власти верхний этаж пирамиды чаще занимают воины, а в вопросе сакральной власти и культа на первом месте жречество. Такое деление общества отчетливо сохраняется до конца Средневековья и не исчезло полностью до сих пор, особенно в более консервативных регионах. Связь этой структуры с мифологией заключается в том, что устройство общества является производной от мифологии народа, в которой Ж. Дюмезиль показывает наличие трех божественных функций и фигур: верховные боги порождают сословие жрецов и их место и роль в обществе; боги войны и справедливости порождают воинское сословие, царей и политическую власть; боги плодородия, урожая и земли порождают образ жизни и ценности третьего сословия – земледельцев, ремесленников, рыбаков и т.д. Иными словами, священный миф является прообразом (иконой) того общественного порядка, который воплощен в реальном мире. Там, где в мифологии есть боги плодородия – там в обществе есть каста земледельцев и их собственные культы и традиции. Это же справедливо и для воинов, властителей, шаманов и жрецов. В мифологическом обществе власть дается от богов, сверху вниз, от мифа. Таким образом, Ж. Дюмезиль подошел к изучению мифа с другой стороны, но косвенно подтвердил тезис о «вечности мифа» и неисчезающей в истории роли его фигур (структур) в жизни народов.

Тема политической и культурной власти и мифа встает в центре внимания культурологов, антропологов, социологов и философов в XX веке, особенно в послевоенное время. Согласно семиотику Ролану Барту, современное общество так же, как и в древности, живет в окружении и вере в различные мифы. Только сегодня это не прекрасные образцы греков или германцев, а мифология поп-культуры, средств массовой коммуникации и политической пропаганды, что наглядно показала история тоталитарных режимов. В обыденном мышлении эти мифы мы встречаем в виде стереотипов, предубеждений, завроженности поп-идолами или политическими деятелями которых мы не знаем, но постоянно видим их искусственный образ в трансляциях по ТВ или YouTube. Таким образом, было показано что, несмотря на смену традиционного мышления на научное, подавляющая часть общества осталась жить в среде иррациональных и фантомных образов, лишь сменив язык с, например, классической греческой мифологии, на язык той или иной газеты, политической партии или телеканала. При этом мифическая

вера в значимость поп-звезды или партийного лидера вновь наделяет его неким авторитетом, делает его моральным образцом и пастырем своих поклонников. Но теперь эта мифология строится снизу вверх, от массовости фан-клуба зависит сила кумира. Механизмы и проблемы того, как мифология современного общества капитализма и СМИ, формируют власть и влияют на общество и конкретного человека, подробно и критично рассмотрены в трудах М.Фуко, Р. Барта, Ж. Бодрийяра и др. Противники мифологизации общества – например, Р. Бультман и П. Рикер – настаивали на необходимости очищения и строгой рационализации культуры и даже религии, дабы очистить смыслы от туманных наслоений иррационального. Здесь уместно вспомнить о критике научной методологии, которая традиционно противопоставляется любой форме мифологии, как строгая, логичная и рациональная система объективного доказательства. Философ Пол Файерабенд в своих трудах наглядно показал, что наука и ученые постоянно нарушают, а в пределе – никогда и не соблюдали установленные ими самими методы ведения научных исследований и экспериментов. Вкупе с критикой современного массового общества со стороны французской философии, а также с учетом критики современности с точки зрения Ю. Эвола и Ф.Г. и Э. Юнгеров – защитников мифа, открывается возможность прочитать всю современную научную картину мира как особую и оригинально устроенную форму все той же мифологии, где место жрецов занимают доктора наук, а место земледельцев – инженеры и механики. И сегодня все они одинаково присутствуют в новом «магическом» мире виртуальной реальности и её софт-мифологии (то, что мы знаем под названиями New-Age, викка, неоязычество, экстрасенсорика, виртуальная магия в социальных сетях и т.д.).

С другой стороны, нарастающие тенденции виртуализации и глобализации все больше толкают общества и народы к поиску корней и идентичности в религии и старых традициях. Поиск устойчивости в постоянно меняющемся мире вновь ведет людей к источнику порядка, структуры и смысла, который находится онтологически выше сиюминутных собраний или решений. Отсюда берут корни многие религиозные события, конфликты, культурные феномены и проблемы. Человек уже не тот, что раньше и мифология ветшает. Но в эпоху перемен для мифа открывается новое окно возможности пролить свой свет в мир и даровать людям порядок. Это может случиться, а может и нет. Сегодня многое зависит от самого человека. От его преданности (*fidelis*) своему Пути, Сакральному, Богам и высшим идеалам в мире руин (Ю. Эвола).

Натэлла Сперанская:
**Герои: путь интеграции, путь трансформации, путь к
сверхбытию**

Рок было должно поправить.

Одна из самых распространенных ошибок, унаследованных наукой об античности от Ксенофана, заключается в приписывании олимпийским богам антропоморфных черт. Не боги антропоморфны, а мы, люди, теоморфны. И теоморфны в той степени, в какой мы божественны. Вплоть до XIX века взгляд Ксенофана продолжал предопределять развитие методологических моделей исследования мифологии, и только с появлением Шеллинга стало возможно говорить о новом взгляде на античные мифы. Миф как слово о богах, как изложение сакральной истории, изначально был парадигматической моделью для подражания – подражания сверхъестественным существам: богам, героям, титанам, предкам. «В целом миф описывает различные, иногда драматические, мощные вторжения священного (или сверхъестественного) в этот мир», -- пишет Мирча Элиаде. В эпической поэме Гомера «Илиада» мы видим целую череду таких вторжений: боги нисходят на поле битвы, становятся предводителями троянцев или ахейцев, они вырывают из объятий Аида своих избранников, отводят копья и стрелы, поднимают их боевой дух, вдыхают в их грудь отвагу, делают неуязвимыми, принимают образ того или иного воина и вмешиваются в ход Троянской войны, выступают друг против друга, идут на ухищрения, страдают от ран, нанесенных людьми, испытывают боль и гнев. Эпоха титанов, то есть эпоха правления Кроноса, не знала героев. Герои появляются только в эпоху правления Зевса. Они являются в мир не как сыны Земли, но уже как сыны Земли и Неба – рождаясь от земных матерей и небесных отцов, -- и в этом их главное отличие от землерожденных Титанов, Гигантов и автохтонов, связанных с Геей. Как подчеркивает Фридрих Юнгер, «у автохтонов решающую роль играет материнское начало, у героев – отцовское. Герои – это дети отца, от богов. Они живут в том порядке, который установлен отцовским, а не материнским началом». Гомеровский герой – «муж без пуповины», в силу своего происхождения он получил автономию от материнского начала, ибо руководящим принципом его жизни выступает номос Зевса.

Человек у Гомера есть сосуд, вместилище, заполняемое божественными силами. Он – герой именно потому, что способен впускать в себя богов и

даймонов, быть одерживаемым ими. Он способен чувствовать богов в своей крови и постигать их кровью, поскольку в жилах его человеческая кровь смешалась с нетленным ихором. Все, что поднимается из груди гомеровского человека, будь то гнев или обида, словом, любое чувство, любая эмоция, -- принадлежат не человеку, но богу. И гнев Ахилла, который должна воспевать гомерова Муза, был самым богом, избравшим Ахилла для своего проявления. Гнев Ахилла подобен гневу Аполлона. Вот как описывает его Гомер: «Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали/В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный». В книге «Дионис преследуемый» мы уже акцентировали внимание на феномене опыта божественного наваждения, объяснение которого дает Доддс («Греки и иррациональное»). Он описывает только два вида наваждения: *ate* (когда некий даймонический агент похищает разум человека, заставляя его совершать необдуманные и роковые поступки) и *menos* (когда бог или даймон «вдыхает» в героя силу, отвагу, энергию). Современные аналитические психологи склонны впадать в заблуждение и видеть в божественном наваждении влияние импульсов, поднимающихся из бессознательного. Импульсы подобного рода перманентно воздействуют на землерожденных (к коим, без сомнения, относится и современное человечество), до последнего вздоха связанных пуповиной с Матерью Геей и ее коварными отпрысками Титанами. Гомеровские герои, представлявшие собой совершенно другую онтологическую формацию, находились под воздействием того, что мы называем «сверхсознанием».

Но не смотря на то, что Гомер часто использует по отношению к героям эпитет «богоподобные», он далек от того, чтобы уравнивать Сынов Земли и Неба с богами Олимпа. Достаточно вспомнить слова Аполлона, которые он обращает к дерзкому Диомеду: «Вспомни себя, отступи и не мысли равняться с богами, / Гордый Тидид! Никогда меж собою не будет подобно / Племя бессмертных богов и по праху влачащихся смертных!» Служа проводниками божественной воли, гомеровские герои, вступая на поле битвы, были обречены Аиду. Кто такие ахейцы? Это мужи, которым «с юности нежной до старости Зевс подвизаться назначил в / бранях жестоких, пока не погибнет с оружием каждый». Чем отличаются от них троянцы? Фактически ничем. Между ними есть лишь одно отличие – ахейцы достигли сферы владычества одних богов (а потому они стали их верными заступниками), троянцы – других. Аполлон встал против Посейдона, Афина встала против Ареса, Артемида вооружилась против Геры, Гермес восстал против Леты, Ксанф бросил вызов Гефесту. «Так устремились боги противу богов». Лишь Зевс, по воле которого все свершалось на поле брани, оставался наблюдать, время от времени взвешивая на золотых весах жизни

дерзновенных воинов. Над волей Зевса есть другая воля. И против нее не осмелился выступить ни один герой Троянской войны. Всепобеждающий Рок заставил их склонить головы пред неотвратимым. Только в этом была причина конца героического века. Рок было должно попать. Зевс, поглощая Метис, которой суждено было родить ему сына, что положит конец его царствию, попирает Рок. Зевс преодолевал судьбу дважды: когда он должен был вместе со своими братьями и сестрами быть поглощенным Кроносом, но Рея пошла на хитрость и подложила вместо него камень; когда он узнал о грядущем владыке и проглотил его мать, дабы утвердить свое нерушимое царство. Размыкая один круг непреложности, Зевс создавал другой – круг своего владычества. Поэтому из исполнителя воли мойр, он становился Мойрагетом, или водителем Мойр.

Посвящаемые в мистерии Элевсина молили «кругу конец положить и от зла вздохнуть с облегчением». Симпликий, передавая воззрения орфиков, писал: «[Души] привязаны воздающим всем по заслугам богом-демиургом к колесусудьбы и рождения, от которого, согласно Орфею, невозможно освободиться, если не умилоstitь тех богов, “коим приказ от Зевеса / Отвязать от круга и дать от зла передышку человеческим душам». Для древних круг обозначал и время, и судьбу. К преодолению судьбы призывали «Халдейские оракулы»: «Не содействуй судьбе», «Теурги не принадлежат к тому стаду, которое управляется судьбой». Гностики, герметические философы, теурги, в отличие от стоиков, которые настаивали на том, что судьба непреодолима и бороться с ней нечестиво, знали, что из борьбы со всесокрушающим Роком можно выйти невредимым. Валентин Гностик учил: «С самого начала вы бессмертны, вы сыны жизни – жизни, участвующей в игре эонов. И вы должны разделить в себе долю смерти, расточить и растворить саму смерть, дабы смерть умерла в вас от ваших же рук, -- неразстворимые, вы растворите собою мир и будете мастера сотворения и растворения». Египтяне знали, что хотя Эймармене с самого момента нашего появления на свет предопределяет ход наших жизней, выше Эймармене стоит Исида, в чьей власти освободить нас от оков непостижимого Рока. Герои первого поколения, к которому принадлежал Геракл, принимали участие в Гигантомахии, и даже более того – без их вмешательства боги бы никогда не одолели порождений великой Матери Геи. Эти герои еще имели силы восстать против Рока, против «сумерек богов», герои Гомера – уже нет. Они напрямую зависят от богов, в них поселился страх перед богами. Умереть для них – это быть поверженными всемогущею волей богов. Даже сон для героев Гомера – это «воля богов», мера, что была «положена для смертных бессмертными богами». Герои, подобные Гераклу, вступали в

битву, чтобы триумфально победить в ней и, сохранив свою жизнь, вступить в новую схватку – с богами, титанами, другими героями, самим Роком. Герои Троянской войны вступали в битву, чтобы умереть и тем самым покориться судьбе. Подлинный героизм, уже утраченный в конце Героического века, отличал сынов Земли и Неба от тех, чье время пришло в век Железный.

Одним из фундаментальных качеств, отличающих героя от обыкновенного человека, Иннокентий Анненский называет мегалопсихию, или «величие души». В «Истории античной драмы» он пишет:

«Внутренними качествами – так сказать, активной мегалопсихией – были мужество героя, дерзновение и нежелание ограничивать свою волю теми пределами, которые существуют для масс. Такое дерзновение влекло героя на борьбу с богами – теомахию. В некоторых русских сочинениях теомахия объясняется как борьба с судьбой, но это объяснение не имеет смысла: герой боролся с богами. (...) Была еще одна черта, отличавшая героя от простых смертных – это его отчужденность от толпы, его духовное одиночество. Но причину такого отчуждения героя не было высокомерие или нежелание сливаться с толпой, а, напротив, готовность нести большую, сравнительно с другими, ответственность за свои права и дерзания».

Речь здесь идет отнюдь не о титаническом бунте против олимпийского порядка с целью узурпации власти, а о героическом дерзновении «стать как боги» (не вместо богов, а именно «как боги»), об онтологическом «броске», о попытке преобразовать саму экзистенцию посредством «выхода за пределы» дозволенного человеку. Геракл, сошедший в Аид, отвоевавший Алкесту у бога смерти («Алкеста» Еврипида) и возвративший ее Адмету, совершает тот самый «бросок» за предел жизни, который утверждает его в новом онтологическом статусе (больше того, он идет на то, что оказалось не под силу самому Аполлону). По словам Юлиуса Эвола, Геракл является прототипом олимпийского героя (номос Зевса), тогда как, к примеру, Ясон предстает как персонификация иного героического типа, связанного с уранической расой (номос Урана), и мы можем заметить, что Ясон оканчивает свой путь под развалинами легендарного корабля Арго, оказываясь жертвой той силы, что помогла ему заполучить Золотое Руно. Та же участь постигла ассирийского бога Зу, который даже после триумфального получения “скрижалей судьбы” и пророческой мудрости попадает в плен Ваала, что превращает его в хищную птицу и отправляет в изгнание. Библейский Адам, вкушивший плод с Древа Жизни, познал добро и зло и “стал как бог”, но, тем не менее, был изгнан из Рая вместе с Евой, обреченный носить “одежды кожаные” и “возделывать землю, из которой он

взят”. В “Герметической Традиции” Эвола сказано: “Алхимики знали о том, что достижение бессмертия противоречит воле “Бога”.

Что в этом случае делает человек, герой? Вступает в теомахию, берет царствие божие силой, срубает “Дерево Брамь” могущественным орудием Мудрости. “Но среди предпринимавших такую попытку, -- пишет Эвола, -- есть триумфаторы, прошедшие испытание, и есть те, кому отказывает отвага, и кто терпит поражение, испытав смертельное воздействие той самой силы, которую они надеялись завоевать”. И далее: “Интерпретация подобного события высвечивает две противоположные возможности: героико-магическую и религиозную. В соответствии с первой, тот, кто проигрывает в мифе, является просто существом, чьи удача и способности оказались не равны его смелости. Но согласно второй концепции, религиозной, смысл оказывается иным: в этом случае невезение трансформируется в проклятие, героическое деяние в святотатство, причем проклято оно не по причине провала, а просто как таковое”.

В работе “Аполлон и Дионис”, посвященной Фридриху Ницше, В.В.Вересаев среди выражений, часто употребляемых Гомером, отмечает четыре: *tlemosyne*, *talapenthes thymos*, *talasifron*, *polytlas*. Как правило, их переводят в христианском ключе как “долготерпение, многотерпеливый дух, многострадальный, страдалец”, однако Вересаев настаивает на том, что Гомер имел в виду совершенно другое. Речь шла не о смирении или кротости, а о стойкости, душевной несокрушимости, героической выдержке, что, собственно, и приводит нас к мегалопсихии, или “величию души”, о котором писал Анненский. Вересаев употребляет выражение “здоровая способность обмозоливаться против страданий”. Человек получал эту способность от богов. Бессмертные дали смертным не только возможность подойти к краю бездны и заглянуть в ее темное лоно, но и вооружили их и для борьбы с судьбой, и для борьбы...с богами, т.е. для теомахии.

Ныне уже не троян и ахейн свирепствует битва,
Ныне с богами сражаются гордые мужи данаи!

(Гомер. Илиада)

Если ж Аякса я где-либо, духом бесстрашного, встречу,
С ним устремимся мы вновь, и помыслим о пламенной битве
Даже и противу бога...

(Гомер. Илиада)

Герой, Сын Неба и Земли, божественного Отца и земной матери, полубог, в чьих жилах текут “две неслиянные струи: кровь человека и ихор (кровь божественная)” (И.Анненский) – есть тот, кто решает исход метаисторического события – Гигантомахии, что сразу ставит его в особое положение. Геракл, вступающий в Гигантомахию, бросает вызов Матери-Земле Гее и ее хтоническим порождениям. Он утверждает вертикаль Отца, номос Зевса и олимпийский порядок. Как титаны (убийцы бога Диониса), так и гиганты осуществляли попытки низвергнуть царствие богов, и всякий раз, подстрекаемые Геей к бунту, они терпели поражение. Но если гигантов, сыновей Земли (не знавших Отца) ничто не роднит с героями, то титаны, напротив, находятся в опасной близости к героям, поскольку также являются Сыновьями Неба (Урана) и Земли (Геи). Именно герои в силу своей близости к богам становятся злейшими врагами и соперниками титанов. Александр Дугин пишет:

“...для героического начала божественное воспринималось не как внешнее установление, но как внутреннее измерение собственной личности. Героизм состоит во взятии на себя функции божества, в активном соучастии в божественной жизни. Такой подход может быть одновременно и высшей формой солидарности с миром богов, то есть пределом благочестия, а может быть и дерзким восстанием земли на Небо (титанизмом). Но в любом случае этот героический тип представляет собой противоположность девициональности, пассивному преданию себя воле божеств или судьбы. Героизм находится строго между триумфом богов и восстанием титанов” (“Ноомахия. Эллинский Логос”).

Титаны не уделяют никакого внимания смертным до тех пор, пока в них не открывается героическое измерение и они не начинают тяготеть к центру, к “неизменной середине”, к тотальной реализации, ибо пока смертные остаются всего лишь “сыновьями Земли”, которые вращаются в “колесе сущего”, они находятся в относительной безопасности. Герой же пребывает в ситуации постоянного риска. Его реализация, на наш взгляд, может идти по одному из трех путей:

Путь интеграции. На этом пути происходит синтез противоположностей (включая пару божественное-титаническое), достижение неразличимого изначального единства, Центра Креста, или “космического колеса”. Несомненно, это означает выход из Титаномахии. Это путь становления Чакраварти, “того, кто заставляет вращаться колесо”. Если *coincidentia oppositorum*, синтез пар противоположностей добро-зло, мужское-женское, четное-нечетное и др. возможен и необходим для подлинной реализации тотального человека, то *coincidentia oppositorum* божественное-титаническое

представим только в состоянии мировой абсорбции (санскр. Пралайя), космической Ночи, когда все возвращается к своему истоку, дабы раствориться в нем. Иными словами, божественное-титаническое – исключительная пара противоположностей, которую невозможно привести к единству. Нас, возможно, спросят: но как же Будда, Христос? И Будда, и Христос пошли путем победы и подчинения титанического элемента, но никак не интеграции. Мы достаточно подробно описали различие между двумя аспектами тьмы в главе “Трилогия души у Анри Корбена” (см. “Дионис преследуемый”), где также указали на фундаментальную ошибку аналитической психологии, подкрепив свои критические замечания весомыми аргументами, поэтому не видим смысла повторяться. Итак, на пути интеграции происходит разрешение всех противоположностей и достижение места совершенного равновесия, известного в дальневосточной традиции как Tchounq-young, или «Неизменная Середина», где мудрец обретает союз с Принципом. Будда, одержавший победу над демоном-искусителем Марой, не примиряется с титаническим, а подчиняет его, превосходит, обуздывает, становится для него непроницаемым и неуязвимым. О том же самом рассказывает и новозаветная история об искушении Христа в пустыне. В связи с этим можно вспомнить и предание об искушении Святого Антония, вдохновившее многих великих живописцев – от Босха до Грюневальда, от Сальвадора Дали до Фелисьена Ропса.

Путь трансформации. Это путь алхимического превращения титанического элемента в божественный, Кроноса – в Зевса. Заметьте, что снова речь не идет о попытке привести пару противоположностей «боги-титаны» к единству. Отношение к титаническому радикально меняется. Оно не интегрируется, но и не отбрасывается – титаническое преобразуется, трансформируется. *Coincidentia oppositorum* (всех пар противоположностей, кроме названной) приводит к реализации универсального человека, но этот человек подчиняет титаническое посредством превращения его в божественное. Сатурн не властен над ним именно потому, что становится Юпитером. Этот путь можно было бы описать словами Николая Кузанского: «Из двух оппозиций одна суть единство относительно другой». Этот путь также означает выход из Титаномахии, но этот выход становится возможным исключительно по причине отсутствия врага. Вступающий на этот путь также возвращается к Принципу, сливается, отождествляется с ним, обретает единство. Так неоплатоники «аполлонизировали» злейших противников богов, алхимически очистив титанов как «больные металлы»: Кронос у Плотина становится чистым Умом и более не посягает на Олимп.

Путь к сверхбытию, или путь в инициатическую ночь Диониса. Здесь происходит *Coincidentia oppositorum* прежде всего аполлонического и дионисийского, отождествляемого нами с сознанием и сверхсознанием (снова отсылаем вас к книге «Дионис преследуемый» и ее главе «Трилогия души у Анри Корбена»). Самое важное: союз аполлонического (сознание) и титанического (подсознание), и уж тем более дионисийского (сверхсознание) и титанического – невозможен ни при каких условиях. Третий путь подразумевает радикально иное отношение к титаническому, чем это было описано на примере двух предыдущих путей. На этом пути происходит «отделение тонкого от грубого», как гласит *Tabula Smaragdina Hermetis*, божественного от титанического, легкого от тяжелого. Заметим, что во время *opus* тонкое, отделяясь от грубого, возносится вверх – к самому горлышку герметически закупоренного подогреваемого алембика, тогда как грубое оседает на дне подобно тяжелому осадку; затем тонкое ниспадает на грубое и увлажняет его как роса, превращая титана Кроноса в божественного Зевса, больной металл в философское золото. Иными словами, аполлоническое (сознание), прежде, чем вступить в союз с дионисийским (сверхсознание) и достигнуть высшего единства, должно «сойти в Аид» и еще ниже – в Тартар, спуститься в зону титанов, в обитель Великой Матери, к корням мирового Древа, и принять все испытания, которыми закаляют свою волю герои. Так проявляется активная мегалопсихия, о которой писал И.Анненский. Д'Эспанье учил: «Земля на дне сосуда является истинным рудником Золота Философов, Огня природного и Огня небесного». Вторит ему и Олимпиадор: «Осадок и зола суть оракул, открывшийся через демонов».

И только увлажнив своей кровью титанов, подобно младенцу-Загрею, герой может подняться наверх, осуществить возвращение к той изначальной точке, где он находился в силу своей онтологической предзаданности – между богами и титанами. В этой центральной точке, как пишет Генон, «объединяются все возможности Неба и Земли». В эпоху Возрождения это было место человека как «посредника между всеми созданиями, близкого к высшим и господина над низшими», «промежутка между вечностью и текущим временем», т.е. человека как *homo universalis*. В то же самое время эта центральная точка не может быть местом нахождения «человека обыкновенного», или «падшего человека», который, согласно Генону, лишь «сын Земли». Центральное место занимает «сын Неба и Земли», т.е. герой. Александр Дугин приходит к поразительному заключению: «Человека, как его понимали греки, надо понимать, исходя из фигуры героя, а не наоборот. Но героя, как носителя абсолютного центра, можно понять лишь из Логоса Диониса. Для эллинов линия герой-человек-Дионис представляла собой

фундаментальную смысловую цепочку, лежащую в основе всей греческой культуры».

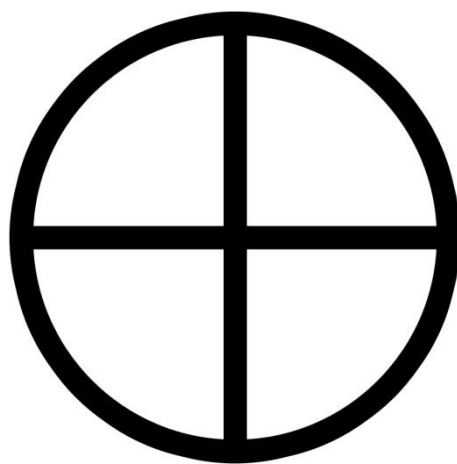
Итак, прошедший посвящение в мистерии Матери, возобладавший над титанической природой, тот, кто идет третьим путем, отбрасывает «преображенных», напившихся его крови титанов, и восходит в инициатическую Ночь Диониса. Это «отбрасывание» есть то, что арабские алхимики называли «изгнанием тени из Меди». На этом пути к сверхсознанию герой не растворяется в первопринципе, не исчезает в Абсолюте, союз с которым на двух предыдущих путях является высшей точкой богореализации. Он не просто сохраняет свою сверхбытийную автономию, -- он, достигнув Абсолюта, проходит его насквозь, выступает за его пределы. Более того, для него была, есть и остается Титаномахия, которая, собственно, и подталкивает его к становлению богом. Не к богоподобию, а именно к становлению богом. На нашей схеме он занимает зону верхнего белого треугольника, перемещаясь в нее из центральной точки. Этот герой, бросает вызов Року и, осуществляя исход из времени, он «исходит» и из вечности, ибо его метафизический жест свершается через размыкание круга, через преодоление судьбы, через осознанное погружение в *Götterdämmerung*, в Махапралайю с целью выйти невредимым, избежать растворения, финальной абсорбции. Этот герой есть камень, который, даже будучи проглоченным Кроном или пастью бытийной матки, остается нерастворимым и исторгнутым.

Есть и четвертый путь. Анти-олимпийский, путь героя, ставшего титаном. Он сознательно выбирает нисхождение в область черного треугольника, вытравляя в себе божественное (инверсия природы героя). Этот герой бросает вызов своему небесному Отцу и сознательно делает материнское начало доминирующим. Отвергая божественное, испытывая неприязнь ко всем возвышенным состояниям бытия, он направляет свою волю на открытое восстание. Как усиливший в себе титаническое, он вступает в борьбу с теми, кто выбрал один из трех описанных выше путей. Он не желает подниматься по стволу Мирового Древа, преодолевая испытания. Недостижимая сфера божественного, от которой он добровольно отказался, по его представлению, должна поменяться местами с «нижней бездной», подобно тому, как переворачиваются песочные часы. Фридрих Юнгер писал, что «через весь миф проходит мысль о том, что человек может совершить нечто такое, чего не могут боги, что в его груди царит разлад, в силу которого он отворачивается от богов и обращается к области титанического». Эти слова великолепно описывают состояние того, кто вступает на четвертый путь, покидая центральную точку ради гибельного

нисхождения в «царство матерей». Можно утверждать, что четвертый путь представляет собой абсолютную противоположность третьего. Идущий прочь от Олимпа, вначале осуществляет тот же акт нисхождения, что и герой, выбравший третий путь, однако для титанического человека этим нисхождением все и заканчивается. Он делает шаг вниз из самого центра, и этот шаг для него последний. Он остается в зоне Великой Матери.

*Фрагмент из книги «Фигуры теофании. Очерки о возрождении
Античности».*

ТРАДИЦИЯ

Коллин Клири: Дары Одина и его Братьев

1. Обзор Германского Антропогенеза

Что есть человеческая природа? Возможно, это самый важный философский вопрос, поскольку сама философия однозначно человечна и философские «проблемы» применимы только к человеческим существам. Все великие философы имеют прямые или косвенные ответы на этот вопрос.

Но философы были не первыми, кто поднял этот вопрос и ответил на него. Первоначально вопрос рассматривался в мифическом *антропогенезе*: о сущности происхождения человечества. Практически каждая древняя мифологическая система, которая дошла до нас, включает в себя повествование о сотворении человека. Встроенные в этих историях иногда очевидные, а иногда и не столь очевидные комментарии относятся к человеческой сущности. Тем не менее, эти комментарии в некоторой степени отличаются, что отражено в естественных различиях между человеческими подгруппами и их взглядами на самих себя.

Существуют два основных источника о древнем Северном Европейском (т. е. германском) антропогенезе: *Старшая Эдда* и *Младшая Эдда*. *Старшая Эдда* сохранилась в *Codex Regius*⁵, который, как полагают, был написан во второй половине тринадцатого века. *Младшая Эдда*, как полагают, была написана Снорри Стурлусоном в первой половине того же столетия. Антропогенез имеет некоторые различия в каждой из них, но они, тем не менее, рассказывают общую историю – ту, которая предлагает нам бесценный инструмент, с помощью которого мы можем понять природу западного человека. Не буду спорить, миф, рассказанный Эддами, говорит, что природа эта некогда была славной и трагической.

Мы начнем *in medias res*⁶, после вступления в бытие самого мира состоящего из огня и льда, и после, с того момента, как Один и два его брата убили гигантского Имира и создали из него новый мир в соответствии с собственным замыслом. Прогуливаясь вдоль берега моря, Один и его спутники обнаружили два дерева: Ask (ясень) и Embla (возможно означает вяз; Холландер переводит его как «виноград»[1]). Они превращают первое в мужчину, второе - в женщину. Но как они это делают – и кто делает работу – дается по-разному в двух Эддах.

---

⁵ Королевский Кодекс или Королевская Книга (прим. перев.)

⁶ Буквально «с середины вещей» (лат)

Во-первых, посмотрим соответствия в Старшей Эдде:

17.
Unz þrír kvámu
ór því liði
öflgir ok ástkir
æsir at húsi,
fundu á landi
lítt megandi
Ask ok Emblu
örlöglausa.

18.
Önd þau né áttu,
óð þau né höfðu,
lá né læti
né litu góða;
önd gaf Óðinn,
óð gaf Hænir,
lá gaf Lóðurr
ok litu góða. [2]

17.
И трое пришло
из этого рода
асов благих
и могучих к морю,
бессильных увидели
на берегу
Аска и Эмблу,
судьбы не имевших.

18.
Они не дышали,
в них не было духа,
румянца на лицах,
тепла и голоса;
дал Один дыханье,
а Хёнир — дух,
а Лодур — тепло
и лицам румянec⁷.

В Младшей Эдде отличаются не только дары Ясеню и Вязу, но и сами имена богов. В данном случае к Одину присоединяются не Хенир и Лодур, а Вили и Ве, которые явно определены как его братья. Так же, как и ранее, Один дарует *önd* (жизненное дыхание), но также и *líf* (жизнь). (Они связаны между собой, как мы увидим далее). Вили дарует *vít* (ум или понимание) и *hræring* (чувства [3]). И, наконец, Ве дает *ásjónu* (форму), *mál* (речь или язык), *heyrn* (слух), и *sjón* (зрение). Кроме того, следует отметить, что в младшей Эдде боги щедро обеспечивают этих вновь созданных людей одеждой и дают им эти имена [4]. Все человеческие народы, живущие на Мидгарде, как говорят, происходят от этих двух существ.

В следующей таблице приведены различия между этими двумя текстами:

Старшая Эдда:

Один дает önd

Младшая Эдда:

Один дает önd и líf

⁷ Русский пер. А. Корсун, исландский нормализованный текст Guðni Jónsson (прим.перев.)

Хенир дает óðr
Лодур дает lá и litu góða

Вили дает vit и hræring
Ве дает ásjónu, mál, heyrn, и sjón

У меня сложилось впечатление, что даже те, кто придерживаются Асатру, склонны рассматривать историю Аска и Эмблу как «причудливую»: устаревшую, ложную теорию о происхождении человека. Но миф не претендует на буквальную истину, и я предполагаю, что мои читатели не хотят, чтобы я приводил аргумент, что миф не является в первую очередь приспособлением для «объяснения» физической Вселенной (или, другими словами, «донаучным»)[5]. Нашим основным интересом в истории Аска и Эмблы является то, что он передает идею о человеческой природе в целом, и конкретно о западном человеке.

Когда я был маленьким, люди говорили мне, что я произошел от обезьяны. Мне это не очень нравилось, так как я считаю, что обезьяны довольно мерзкие существа. Каково было бы расти, думая, что наши предки произошли от деревьев? Каково это чувствовать родство с деревьями? Начнем с того, деревья гораздо более благородные существа, чем обезьяны. Они бывают очень древними. Они произрастают из земли, и, будучи хтоническими – все же тянутся к небу, как будто пытаюсь спастись от земли. Как мы увидим, это небольшой, но важный момент. Сразу после повествующей истории о том, как ясень был превращен в человека, *Старшая Эдда* рассказывает нам об Иггдрасиле, Мировом Ясене. Это неотвратимо отсылает нас микрокосму-макрокосму (по крайней мере, в случае мужчин!). Это мой позвоночник – столб Мирового Древа или наоборот? Существуют ли девять миров вокруг меня, какие есть вокруг Иггдрасиля? Никто не может ответить, но, думаю, что речь идет о чакрах Кундалини йоги — на которые Эдред Торссон (в работах «Futhark», «Runelore» и других) намекает как бы в завуалированной форме, и как делает Эвола, когда пишет об алхимии в *Герметической традиции*. Но это тема для другого эссе...

Теперь, однако, мы должны обратиться к более тщательному изучению имен и природы богов, которые наделяют этими подарками Аска и Эмблу, и самого характера этих подарков. И мы начнем с материалов из *Старшей Эдды*.

2. Антропогенез Старшей Эдды

Имя *Óðhinn* (Один) связано с óðr (óðhr) – который, как ни странно, является даром Хенира, не Одина (подробнее об этом в данный момент). Подарок Одина Аску и Эмбле – это *önd*, что означает «дыхание».

«Жизненное дыхание», однако, может быть лучшим переводом, так как *ōnd*, по всей видимости, означает гораздо больше, чем просто дыхание. Оно ассоциируется – в этом контексте, по крайней мере – с принципом жизни и движения в непосредственной близости от греческой концепции *ψυχή* («психе» или «психика»). Это безусловно имеет смысл, что Один даровал его Аску и Эмблу. Будучи верховным Богом, он имеет право давать или отнимать саму жизнь. Кроме того, имя «*Wōðanaz*» в конечном итоге является производным от индоевропейского корня «*wet-*», что означает «дуновение» или «вдохновение».

Этимология имени Хенир очень неопределенная, так что сейчас давайте поговорим только о его даре. *Ódhr*, как и Один, происходит от германского корня «*wōþ-*», который в свою очередь, имеет свое происхождение от индоевропейского вышеупомянутого корня «*wet-*». В древнескандинавском написании есть два слова *óðr*. Одно из них является прилагательным, означающим «безрассудный», «яростный» или «неистовый»; другое является существительным и несет смысл в зависимости от контекста: «витальность», «ум», «дух», «душа», а также «песня» или «поэзия». Существует также Бог по имени Од (*Ódhr*), о котором мы мало что знаем. Это часто отсутствовавший муж Фрейи, по которому она горько плачет. (Неудивительно, что предпринимались попытки утверждать, что *Ódhr* = Один, но тут помимо всего прочего существует проблема: почему Снорри твердо относит их к отдельным богам?).

Более полно я расскажу об Одре в последующем эссе. Ученые расходятся во мнении, как это должно быть переведено. Часто используются понятия «вдох» или «вдохновенная умственная деятельность». Конечно, это в точности соответствует тому, что передает характер подарка, который Хенир дает человеку (и ключевая характеристика Одина также). Крис Кершоу использует термин «экстаз», чтобы перевести *óðhr*[6] и, по сути, тот же самый подход буду использовать и я (по причинам, о которых сообщу намного позже) – только я предпочитаю оригинальный греческий термин *ekstasis*.

Так почему Хёнир, а не Один дает дар *óðhr* Аску и Эмблу? Наиболее значимый миф о Хёнире (кроме того, который изложен в *Прорицании Вёльвы*) имеется в Инглингах, сага 4. В ней окончание войны между Асами (*Aesir*) и Ваннами (*Vanir*) связано с обменом заложниками. Хенир (один из богов) отдается Ванам в качестве заложника. Удивительно, но они делают его своим вождем, но вскоре он разочаровался в своей деятельности. Как вы видите, Хёниру помогает мудрый Мимир (*Mímir*) и этим доказывает, что он, по сути, неспособен принимать никаких решений без вмешательства

Мимира. (Весьма удивительно, что Ваны реагируют на эту ситуацию путем обезглавливания Мимира!). Полومه⁸ извлекает из этого вполне обоснованный вывод, что Хёнир как Бог зависит от *óðhr* – другими словами, вдохновения. Эта интерпретация подкрепляется тем фактом, что после Рагнарека он «будет обрабатывать много сучьев» (т. е. гадать на рунах; *Прорицанию Вельвы*, 63) — функция, очевидно, также зависящая от *óðhr*. Таким образом, кажется, что *óðhr* – это дар Хёнира, поскольку он полностью зависит от него, Хёнир целиком и полностью владеет им (в то время как Один, на самом деле, является его хозяином (мастером): «-an» – суффикс в «Wōðanaz» может означать «господство» или «мастерство»).

Ещё сложнее с Лодуром (*Lóðhurr*) и его дарами. Существует не так много споров вокруг *itu góða*, что означает что-то похожее на «хороший цвет». С *Lá*, однако, дело обстоит сложнее. Полومه считает, что это может быть переведено как «внешний вид» или «наружность». Но он также убедительно утверждает, что *lá*, возможно, означает «волосы», отмечая, что «волосы были священными для древних германцев; свободно растущие волосы, спадающие на плечи характерны для священников, царей и женщин; волосы являются олицетворением хаминьи (*hamingja*), души, удачи»[7].

Этимология имени *Lóðhurr* является неопределенной. Некоторые полагают, что *Lóðhurr* следует отождествлять с Фрейром – богом Ванов, богом мужества⁹ и процветания[8]. Полومه не поддерживает строго идею о том, что *Lóðhurr* = Фрейр, но он, похоже, убежден, что *Lóðhurr* может быть Ваном. Он отмечает связь между именем *Lóðhurr* и Готским *liudan*, означающем «расти» и старонорвежским *lód*, имеющим смысл «фрукт» или «урожай». Полومه также связывает *Lóðhurr* со старонорвежским *ljóðr*, что означает «люди» или, точнее, «полноправные члены этнического сообщества». Если эти связи что-то означают, то, предположительно, *Lóðhurr* является богом плодородия, процветания и общих кровных уз.

Рудольф Симек (Rudolf Simek), кажется, находит неоспоримый довод[9] (оба: и Полومه и Симек решительно отвергают попытки утверждать, что *Lóðhurr* – это Локи.) Это, видимо, чтобы хоть как-то осмыслить тот факт, что подарки *Lóðhurr* являются чисто физическими, чисто внешними особенностями. По всей видимости, имеется смысл в том, что, по крайней мере, подарки *Lóðhurr*'а являются чисто физическими, имеющими внешние характеристики.

---

⁸ Polomé (Эдгар Шарль Полومه) – бельгийский религиовед и лингвист, специалист по индоевропейским языкам, в том числе по праиндоевропейской проблеме, а также по язычеству германцев (прим. перев.)

⁹ В данном контексте зрелости, возмужалости – прим. перев.

3. Антропогенез в Младшей Эдде и ее отношение к Старшей Эдде

При обращении к Младшей Эдде, возникает много вопросов, если внимательно изучать текст — и в свете того, что мы узнали из Старшей Эдды. В дополнение к *önd*, Один дает *lif* (жизнь). Но самое странное здесь заключается в том, что деревья уже живые! Совмещая *önd* (дыхание) и *lif*, подтверждается идея, что здесь говорится, по сути, о том, что греки называли *ψυχή*, жизненное дыхание, которое оживляет тело (то, что Аристотель назвал бы «источником движения»). Новое «оживление» деревьев, сделанное Одним, т.о, как бы ссылается, по крайней мере частично, к способности к передвижению, которое Аристотель характеризует как «животная жизнь».

Дары Вили – *vit* и *hræring* кажутся функционально эквивалентными *ódhr*’у, предоставленному Хёниром в Старшей Эдде, если *vit* и *hræring* понимаются как витальность/разум и эмоция/чувство соответственно. (Конечно, они предоставлены тем, кто владеет *ódhr*-м, особенно если *ódhr* как разум, как мне кажется, имеет концептуальное родство с греческим *θυμός* — *тумос*, «живость»).

Итак, *Vili* означает «воля». Оно происходит от германского «*wiljōn*», «страсть» или «сила воли», которое, в свою очередь, происходит от индоевропейского корня «*wel-*» «желание» или «воля». Как я буду обсуждать позже, я считаю, что мы можем многое узнать о природе человечества от богов, даровавшим подарки Аску и Эмблу, так и от самих подарков. И это особенно верно в случае Младшей Эдды, где функции братьев Одина мы можем различить в зависимости от значения их имен, и, пожалуй, становятся более понятными.

Аргументом может являться то, что Хёнир и Вили эквивалентны или, по крайней мере, между ними существует сходство. Это следует не только из приблизительного сходства даров, но и также имеет философский смысл. Как мы видели, Хёнир не в состоянии решительно действовать без вдохновения Мимира. С философской точки зрения, видимо, для того чтобы выразить зависимость воли от *ódhr*’а. Что есть воля? Проще говоря, это наша способность переделывать или изменять то, что можно привести в соответствие с концепцией того, что должно быть. Примерами могут быть все виды человеческой деятельности: лепить что-то из куска глины, строить дом из дерева или камня, лечить болезнь, найти выигрышную стратегию в войне, сочинять песню или стихотворение (беря звуки или слова и создавая из них идеальную форму) и т.д. Но «воля» зависит от нашей способности «*стать вне себя*» (в буквальном смысле *эк-стазис*), за пределами непосредственного момента и принимать или отмечать Бытие вещей, быть

охваченным просветлением их возможного бытия, того, что «должно» быть[10]. Это и есть *ódhr*.

Источником этого «вдохновения» есть и всегда было таинственное. Одной из вещей, которая является значимой в германском антропогенезе, это то, что «разум», «рациональность» и «логика» не являются единственными дарами богов человеку[11]. Это, по крайней мере, удивительно, потому что когда-либо, начиная со времен Аристотеля, мы думали о рациональности как о возможно центральной или ключевой характеристике человека. Тем не менее, если мы понимаем ее как способность к аналитическому мышлению – как анализ или построение аргументов в поддержку выводов – то важно понимать, что рациональность не является фундаментально творческой составляющей. Это тема, требующая более длительного обсуждения, но, кратко говоря: рассудок может помочь нам выяснить, как обеспечить идею аргументом. Но сами идеи не приходят из логических умозаключений.

Идеи прилетают на крыльях вдохновения, в необычные моменты, разными способами и в неожиданных ситуациях. Они приходят через сны, во внезапных вспышках мысли, когда мы купаемся или бреемся, меняем шины и т.д. Случай с химиком Фридрихом Августом Кекуле (1829-1896) дает нам знаменитый пример того, что я имею в виду. Кекуле пришел к теории кольцевой формы молекулы бензола, когда задремал и увидел Уробороса, змея, кусающего свой собственный хвост. Еще одно открытие Кекуле было видением танцующих атомов и молекул, которое он испытал во время езды на конном омнибусе в Лондоне. Вдохновение приходит к каждому, но более одарены Хёниром/Вили, нежели другие[12].

Важный момент, который уводит от обсуждения, это зависимость воли от *ódhr*, и природа *ódhr* как эк-статического свидетельствования *Бытия вещей* и *принятие* (вдохновение) этого возможного *Бытия*. Я более подробно расскажу об этом в заключительном разделе, и в более позднем эссе.

Напомню, что дары Ве Аску и Эмбле – это *ásjónu* («форма», по-видимому, физическая форма, *mál* («речь» или «язык»), *heyrn* («слух») и *sjón* («зрение»). Будет видно, что они не отличаются от даров *Lódhugr* в *Старшей Эдде*, в том, что касается исключительно физических аспектов или качеств (*ásjónu*, в частности, предполагает это, напоминая нам о *lá* и *litu góða*). Помимо этого, есть ли основания для связывания *Lódhugr* с *Vé*, как я попытался связать Хенира с Вили?

4. Ве и открытость к Священному

Этимология имени Vé, бесспорно, интересна. Помимо того, что это имя бога, между прочим, vé также означает «храм» в старо-норвежском языке. (Мы знаем из Тацита, что часто «святынями» древних германцев являлись просто сакральные места или природные заграждения – важный момент, как мы увидим). Vé происходит от германского «*wīhaz*», который, в свою очередь происходит от индо-европейского «*wīk-*», относящегося к вещам, которые «разделены» или сделаны разделенными.

Эддред Торссон предлагает следующий перечень существительных, напрямую происходящих от германского корня «*wīh-*»:

1. Старо-норвежское *vé*, «храм»; однокоренное с древне-верхненемецким *wīh* и старо-английский *wīh*, также означает «храм».

2. Старо-норвежский *vé*, «могильный холм» (в рунических надписях Главенсдруп (Glavensdrup), Ведельспанг (Vedelspang), Готторп (Gottorp) и Вордингборг (Vordingborg))

3. Старо-норвежский *vébönd* – граница святилища; также используется как возведения ограждения вокруг места.

4. Старо-английский *wēoh* – «идол», «священное изображение».

5. Старо-норвежский *vé* – «штандарт/флаг/знамя»[13].

Другие примеры слова «*wīh-*» включают старо-норвежское *véar*, «боги» и старо-английское *wīssa*, ведьма «мужского пола», ведьмак[14]. Особый интерес, однако, представляет собой глагол, производный от «*wīh-*»: «*wīhjan*», из которого, в свою очередь, образуется старо-саксонское слово *wīhian*, *weiha*n, готское, древне-верхненемецкий *wīhen*, и современное немецкое *weihen*. *Weihen* обычно переводится как «освящать», и все производные от «*wīhjan*», в основном, обозначают то же самое. «Освятить» – это означает быть вместе с сакральным (в отличие от профанного: от латинского *profanum*, буквально «перед алтарем»[15]). Освященный – тот который кто находится со священным.

Одна из основных вещей, которая характеризует человека – это наша способность отделять повседневные вещи от тех, что Торссон (следуя за Рудольфом Отто) иногда называет «сверхъестественным» качеством. Это проявляется наиболее отчетливо в тех случаях, когда мы создаем религиозный объект, такой как идол или определяем некий религиозный объект, такой как святыня (например, предметы, принадлежавшие святым, или объекты, как полагают, принадлежали лицам, рассматривающимся в качестве особенного или святого). Но перечень, приведенный выше, включает также и другие виды.

Могильный холм, например, является *vé*. Что такое могила? Это участок земли, который обладает особым, сверхъестественным (более или менее) значением, потому что в нем лежит человеческое тело. *Vé* также означает флаг, знамя, или штандарт – как и военное знамя. Это кусок ткани, наделенный особым значением, поскольку он символизирует армию или народ. Может быть, также и потому, что он принимал участие в ряде сражений. Возможно, еще и потому, что он был в руках значительных персонажей или даже окрашен их кровью.

Как было отмечено выше, термин *vébönd* использовался для определения границ вокруг святилища, или вокруг значимого Места. В первом случае, это отделенная или выделенная площадь земли, наделенная особым смыслом, потому что это пространство, в котором люди вступают в контакт с божественным. Во втором случае ситуация похожа: это выделенная земля и наделенная смыслом, потому что это место, где вызываются, усиливаются, или применяются законы народа. Тацит говорит нам, что священник открывал Место с команды молчания (*Germania 11*)¹⁰. Это молчание также разделено: в Месте, ограниченном от остальной части земли, мы удалены от пустословия, и звуки, которые слышны там людям, сопоставимы их собственной душе (так как законы являются проекцией его духа). Оба случая являются сверхъестественным. В обоих случаях это естественная площадь земли, отмеченная и выделенная из пространства, в которой что-то манифестируется: боги или законы (и, конечно, между ними у наших предков была связь).

Руны также дают нам пример того, что означает «*wihaz*». Слово «Руна» происходит от корня «*gip-*», означающего «тайна» или «шепот». Руны не являются «буквами». Письменные знаки, о которых мы обычно думаем как о «рунах», просто символизируют их, они представляют собой эзотерические идеи, которые дают ключ к пониманию фундаментальных аспектов реальности. Но рассмотрим различные названия рун (в переводе): Скот (Cattle), Бык (Ox), Шип (Thorn), Повозка (Wagon), Дар (Gift), Веселье (Joy), Град (Nail), Нужда (Need), Лед (Ice), Урожай (Harvest), Тис (Yew Tree), Лось (Elk), Солнце (Sun), Береза (Birch), Лошадь (Horse), День (Day) и т. д. Каждое

---

¹⁰ «Молчание водворяется жрецами, которые тогда имеют право наказывать. Затем выслушивается король или кто-либо из старейшин (*principes*), сообразно с его возрастом, знатностью, военной славой, красноречием, не столько потому, что он имеет власть приказывать, сколько в силу убедительности. Если мнение не нравится, его отвергают шумным ропотом, а если нравится, то потрясают копьями (*framea*): восхвалять оружием является у них почётнейшим способом одобрения». (Тацит, Германия, гл.11) – прим. перев.

из них «природное». Но каждое было изобретательно «отделено» от естественного и стало «означать» выражение чего-то природного, но выходящего за его рамки. Так, например, «Скот» («Fehu») в качестве руны означает и крупный рогатый скот, но и нечто большее: крупный рогатый скот, символизирующий что-то, или какое-то парадигмальное выражение. (см. мое эссе «Что такое руны?»).

Руна «Fehu», опять-таки, не является письменным знаком. Для понимания руны «Скот» надо смотреть, какую фундаментальную тайну он несет. Эта способность «читать» естественный мир как открытую книгу» является основной особенностью мифо-поэтического ума (который мы сейчас в значительной степени потеряли). Она базируется на главной человеческой способности: наша сила находится под властью Бытия вещей, захвачена им и увлечена им, открывает новые связи, новые слои смысла и значения. *Но, очевидно, я сейчас говорю о ódhr.* Теперь мы понимаем, что существует глубокая связь между «wīhjan», который создает «wīhaz», и «óðhr».

В каждую форму «wīhaz» в случае отдаления от естественного – буквально или образно – от природного, вкладывается некий особый сверхъестественный смысл или значение. Из дерева или камня вырезается идол, или на них наносятся специальные символы; отмечается и выделяется в пространстве участок земли, где находится божественный дух или дух народа, или во имя идеала водружают кусок ткани; природный объект или естественный вид заставляют внимать некоторым фундаментальным аспектам Бытия (руна) и т.д.

В каждом случае, возможность сделать это основана на чем-то более глубоком или более основательном: способность человеческого разума, посредством селективного внимания, «выделяющего» что-то из фона, регистрирующего суть этой вещи и вкладывание в нее некоторого дополнительного значения или смысла. Но откуда этот смысл пришел? Как мы приходим к осознанию этого? Повторю то, что говорил ранее о связи между will и ódhr: Wihaz само по себе зависит от нашей способности *стоять снаружи и вне себя* (буквальное значение эк-стаза) и за пределами непосредственного существования или воспринимать и отмечать как Бытие вещей, а также их возможное Бытие, то, что «должно» быть.

Теперь мы можем увидеть, что существуют глубокие смысловые связи между тем, что представляют собой Один и два его брата, о которых я подробнее скажу в заключительной части этого эссе.

Вернемся, однако, к вопросу, который, кажется, оказался на обочине. Есть ли какая-либо связь, которую можно представить, между Lódhurr и Ve? Мы видели ранее, что есть некоторые основания думать, что Лодур мог быть

Богом Ванов: хтоническим Богом или Богом земли. На основании вышеприведенных размышлений, мы могли бы сказать о Ве, с некоторой осторожностью, в том, что он является Богом *освященной* земли. Общим знаменателем во всех случаях с «wīhjan», как мы обсуждали, является переход от естественных определенных человеческих действий, то, что от земли или выходит из земли – к сакральному. Мы действуем на естественное таким образом, что через него проявляется сверхъестественное, священное или сакральное. Разделение или выделение участка земли и выращивание растений или животных на нем – это тоже пример «wīhjan» – или, по крайней мере, таковым оно было для наших предков. Такие места не были профанными для них. Это были освященные места, и понятно, что пропитание для нас будет только тогда, когда человеческие существа подтвердят свое отношения к богам изобилия внутри священной ограды окультуренной почвы. И поэтому урожай или загон также становится священным, vé[16]. Мы можем представить деревню (или даже бОльшую территорию) по той же схеме. На самом деле, ряд слов, связанных с кланом или большой семьей происходят от индоевропейского корня «vīk-»[17]. Деревня – это пространство, которое мы отграничиваем от окружающей местности. Это пространство, в котором «случайно оказываются» наши люди и, возможно, «появляются» в течение нескольких поколений (подобно тому, как святыня или священная роща является пространством, в котором происходит человеческое и божественное соединение). Постольку как это так, оно имеет особую святость для нас. Это не осквернение земли[18].

5. Выводы: Экстазис, Воля и Освящение.

В целом, боги в этих историях хорошо показывают человеческую природу, как и дары, которые они дают. Надо помнить, что это истории, а не философские комментарии, и что история имеет определенную внутреннюю логику. Это означает, что если кто-то собирается рассказать историю о том, как человеческие существа были созданы из деревьев, есть ряд вещей, о которых надо сказать, что не все из них будут наделены философским значением.

Как признается Аристотель, человеческие существа находятся в двух шагах от растительной жизни. Люди обладают определенными «растительными» характеристиками, такими как рост, размножение и питание – и они обладают характеристиками животного, как, например, способность к передвижению (перемещение с места на место), слухом, зрением и возможностью издавать звуки. Рассказывая историю о том, как

человеческие существа были созданы из деревьев, по этой причине, поэт должен упомянуть и о том, как деревья приобрели свойства животных – а также отметить те, которые принадлежат человеку. И так нам говорят, что деревья приобрели жизненное дыхание (которое я интерпретировал как концептуально связанное со способностью к движению), волосы, речь, слух, и зрение. И, конечно, необходимо упомянуть новую форму или сложение (*ásjónu*), поскольку мы, конечно, не выглядим, как деревья. И эта форма или внешний вид приятен (это как *litu góða*, «хороший цвет»).

Ódhr, конечно, – явное и чисто человеческое свойство, возложенное на деревья: свойство, которое заставляет нас *в корне* отличается от жизни животных. Я буду обсуждать *ódhr* более подробно в более позднем эссе, но я уже связал его (как и другие) с греческим *ekstasis*. Повторяю: кардинально, это наша способность «оставить себя» (стоять вне себя: эк-стазис) в настоящий момент и быть остановленным или охваченным Бытием вещей. Когда это происходит, мы становимся средством для выражения Бытия, мы воодушевлены и мы имеем возможность выражать его и иметь новые возможности, когда просветлены. *Ódhr* лежит в основе поэтического и художественного вдохновения всех видов, в мифотворчестве и философии, и даже научных открытий. *Ódhr* принимает самые разные формы и приходит к нам различными путями. Он может прийти, например, в виде бешеной физической активности – в борьбе, танцах или сексе, можно назвать еще несколько.

Минуту назад я сказал, что *ódhr* изменяет нас, «давая голос» Бытию, и этим вселяет в нас новые возможности. Следует отметить, что старонорвежское *mál* может означать «речь», но также может означать и «язык». Здесь мы должны забыть все, что мы слышали о птицах, китах и горилле Коко¹¹: только человеческие существа имеют язык в прямом смысле. Язык не является в первую очередь средством общения (он существует у всех вышеупомянутых зверей, если, конечно, он есть). Язык, как сказал М. Хайдеггер, это «дом Бытия»[19]. Отличает нас от зверей то, что мы имеем возможность иметь опыт удивляться самим фактом существования. И именно при помощи языка мы фиксируем и выражаем этот опыт – Бытия сущего[20]. Хайдеггер также говорит нам: «человек есть пастырь бытия»[21]. Это сложные идеи, которые я буду обсуждать более подробно в моей последующей статье об *ódhr*.

От трех богов в *Младшей Эдде* – Одина, Вили и Ве – мы можем узнать больше о природе человека. Хотя *ódhr* является даром Вили, отложим это на

---

¹¹ Горилла Коко из США, одна из наиболее развитых в языке жестов и понимании английской речи горилл – прим. перев.

некоторое время сторону, и признаем, что это, по сути, дар Одина, который воплощает в себе это свойство. Ранее в этом эссе я говорил о взаимосвязи *ódhr* и сил, представленных Вили и Ве. Понимание всего незнакомого требует перевода его в знакомые или более привычные формы. И так сейчас я буду представлять богов и возможности, которые они дают в новой терминологии:

Один – Ekstasis (экстазис)[22];

Вили – Воля;

Ве – Освящение.

Следует отметить, что я использую эти термины в специальном, техническом смысле: я предусматриваю, что они означают определенные вещи, тогда как обычные их использование не всегда может передать то, что я хотел бы.

Я решил говорить о Ве, как о предоставляющем «освящение», как способ фиксации, знакомое слово, человеческая возможность, отмечающая такие вещи, как «*Wihaz*» (глагол, который выражает этот акт, конечно, но «*wīhjan*» – это незнакомое слово, которое не имеет английского аналога, подходящего здесь для моих целей)[23]. Я могу утверждать, что в этой триаде возможностей мы имеем суммирование всего, что делает нас людьми. Эти возможности неразделимы, являются частью нашей природы: они взаимосвязаны и дополняют друг друга. Теперь наша задача – разобраться в основных терминах.

Освятить что-то – я снова использую этот термин – значит отделить это от земного (на фоне природного или мирского), чтобы придать какой-то особый смысл или значение. Как только мы это сделали, объект (какой бы он ни был) теперь значит больше, чем он «есть». Тем не менее, было бы лучше сказать, что это сейчас больше, чем было. Это особое, новое Бытие, которое мы даруем вещи или вызываем, чтобы видеть посредством него не то, что видно невооруженным глазом, или под микроскопом, или обнаружено с помощью собаки. Мы единственный вид, который освящает, и единственный вид, способный узнавать священное.

Например, для собаки один участок земли в значительной степени похож на другой, и все они имеют одинаковое значение использования (для хранения косточек, дефекации и т.д.). Но для нас участок земли может довольно сильно отличаться от другого, потому что один является освященным, сакральным пространством, а другой нет. Опять же, однако, это не то, что может быть оценено лишь только органами чувств. Это оценено каким-то загадочным психическим чувством. Освящение постигается посредством культурного участия, обозначающего вещи, освященные

различными средствами: специальными действиями, знаками, ограждениями и т.д. Член этой культуры, который признает что-то в качестве священного, может узнать святыню, *как будто* она обладает физическим, осязаемым свойством.

Но этот акт разделения и освящения вещей лежит глубже основных умственных актов или действий. Все может быть освящено. Освятить эту чашку, стоящую передо мной, значит, придать ей новое свойство, которое выходит за пределы тех, которые ей даны «естеством». Но чтобы сделать это, мы сначала должны узнать о ее свойствах. В терминологии Хайдеггера, она должна сначала открыть свое Бытие нам. Сначала я отмечаю, что *это чашка*, тогда, в некотором смысле, я «накладываю на нее новое качество: она священна, потому что то и это произошло, так и этак держали ее, и т. д. Другими словами, для того, чтобы святить что-то, что мы должны сначала открыть Бытие этой вещи. А потом, сделать еще один шаг: мы должны позволить себе быть одержимым мыслью, что это теперь больше, чем просто чашка, больше, чем просто участок земли.

Чашка раскрывает нам себя в своем Бытии в качестве чашки – а потом, сверх этого, она раскрывает себя как нечто другое. Она открывает другое, сакральное Бытие. Таким образом, чашка – это и чашка и не чашка: это священная реликвия, наделенная сверхъестественным Бытием (например, ею пользовались некоторые люди, к которым мы испытываем почтение). Роща – это и роща и не роща: это место, где мы встречаемся с божественным. Эта ткань – это ткань и не ткань: это символ нашего народа (или штандарт); в некотором смысле это наша общность. Этот скот – и скот и не скот: он представляет собой руну, которая является одной из тайн Бытия. Короче говоря, освящение основывается на *ekstasis* (на *ódhr*): на нашей способности, опять же, стоять вне себя и в раскрытии Бытия.

Освящение основывается на экстазисе. Но и экстаз приходит во время освящения. Экстазис раскрывает нам Бытие по-новому и движет нами к разделению и почитанию отдельных вещей. Экстатиз также доводит до выражения воли. Это, опять же, наша способность изменить или поменять, *чтобы нечто* привести в соответствие с концепцией того, что *должно быть*. Я привел некоторые примеры этого выше. Берем дерево или камень и строим из него дом посредством воли. Лечение болезни – это волевой акт, поскольку она принимается как есть и изменяется (в данном случае убирается) для того, чтобы создать новое состояние, которое хочется иметь: здоровье. Выслеживание противника и неожиданное нападение является актом воли. Создание картины или скульптуры – это воля (из глины, камня, дерева, краски, на холсте и т. д.) и перенесение из него идеала, который существует

сначала в воображении художника. Создание симфонии – это воля. Звуки для композитора, то же, что и краски для художника. Строительство моста – воля. Политическая революция – воля. Социальное планирование – тоже является волей. И так далее.

Воля основана на экстазисе, как и освящение. Воля зависит от нашей способности отмечать Бытие вещей – то, чем они являются – и быть охваченными видением того, чем они могли бы быть или должны быть. Животные тоже способны на действия, но не в том значении воли, которое я использую. Они не могут мыслить образно; они не могут отмечать и представлять того, что может быть. Вот почему у животных нет истории; по существу, у них ничего не меняется. Кошка в наше время точно такая же, как и кошка во времена Снорри.

Воля имеет позитивные и негативные формы. Она становится негативной, когда закрывается от Бытия. Я обсуждал этот аспект воли в моем эссе «Знание Богов»[24]. (Однако манера, в которой я размышляю над волей в этом эссе, выходит за рамки моего отношения к ней в той части, которая была написана более 10 лет назад). Без открытости Бытию, без экстазиса, можно стать Хёниром, лишенным вдохновения Мимира: немощным и не в состоянии действовать. Еще хуже, однако, когда действие происходит – когда осуществляется – без истинной открытости Бытию. Тогда волевой акт извращен, и пытается силой воздействовать на предварительно задуманные планы и замыслы.

В своей позитивной форме, воля идет рука об руку с открытостью Бытию: она позволяет сущему раскрывать то, что оно есть, и свои потенциальные возможности: новый порядок или способ упорядочивания. Она позволяет сущему самораскрываться. Она не требует от него того, что оно не может дать, или действовать так, чтобы исказить и извратить свою природу. Когда истинная открытость к Бытию отсутствует, тогда мы просто навязываем схемы и концепции на сущее, сущее по-прежнему раскрывает себя – но раскрывают себя лишь частично или лишь способом подобия или искажения своей истинной природы. Так бывает, например, когда люди приближают себя к машинам как к вычислительной модели разума. Да, человеческий мозг *может* выглядеть как компьютер, и аспекты человеческой природы проявляют себя, когда мы рассматриваем его в этом ключе. Но сколько еще может быть скрыто. Такая концепция скрывает больше, чем показывает, и, таким образом, вводит в заблуждение в этом вопросе.

Может возникнуть соблазн сказать, что только положительная форма воли основана на экстазисе, и что отрицательная форма ему не свойственна. Но это не тот случай. И негативная и позитивная формы воли основываются на

экстазисе. Человек, который представляет чудовищ, прорезает гигантской бетонной полосой первозданные леса, в экстазе «*оставляет себя*» и захватывается вдохновением. То же самое можно сказать о социалисте-революционере, пацифисте, пуританском фанатике, глобалисте, ученом-атомщике, стороннике мультикультурализма, радикальной феминистке и неоконсерваторе. Экстазис – *ódhr* – не обязательно приводит к чему-то хорошему, как и воля, которая действует по вдохновению.

В положительной форме воли, однако, экстазис предполагает подлинную открытость к Бытию. Как я уже говорил, он позволяет существам раскрывать и они раскрывают свои реальные возможности, а не навязывают предвзятые представления о них. Такое отношение подлинной открытости похоже на то, что Хайдеггер подразумевает под *Gelassenheit* (термин он заимствует у Майстера Экхарта), часто переводится как «отдача бытию». Таким образом, мы можем видеть, что есть положительные и отрицательные формы экстазиса, которые являются основой, соответственно, положительным и отрицательным формам воли.

В позитивной форме воли, основанной на позитивной форме экстазиса, есть что-то, что подразумевает освящение. Настоящая открытость к Бытию вещей и принятие его, предполагает своего рода благоговение. Это благоговение может привести к удалению из сферы повседневного, к освящению – *или* это может привести к тому, чтобы с почтением сделать вещь, которую мы получили в соответствии с идеями от вдохновения, были осведомлены о ней, и о земле, породившей ее. Таким образом, существует тесная связь между позитивной формой воли и освящением.

В целом, мы можем теперь увидеть, что эти три качества – экстазис, воля и освящение – нашли друг друга; они неотделимы друг от друга, и каждое может быть представлено только через два других[25]. Освящение и воля основаны на экстазисе. И экстазис приходит только с помощью освящения и воли. Воля в своей позитивной форме основывается на позитивной форме экстазиса, которая включает в себя подлинную открытость к Бытию вещей. Эта открытость, в известном смысле, благоговейная – и, следовательно, некая положительная форма воли, которая сродни освящению. Отрицательная форма воли основывается на отрицательной форме экстазиса (которое не является истинной открытостью к Бытию вещей), в ней нет ничего благоговейного и, таким образом, ничего священного. (Вот почему негативная форма воли – профанная, непочтительная, нигилистическая и бесплодная; она лежит в основе всех современных бед).

Наконец, следует отметить еще одно особое родство между волей и освящением. Можно понять каждый акт освящения как акт воли, что будет

просто означать (очень широко) изменение того, что становится идеалом, или того, что просветляется посредством него. Это можно пояснить простым примером. Беря дерево или камень и вырезая на нем представление бога – это и будет освящение. Во-первых, мы должны экстатически раскрыть себя Бытию древесины или камня посредством воли – и затем открыть его в качестве подходящего вместилища для бога. Тогда мы идем работать над этим материалом, буквально выявляя в нем бога, который дремлет внутри него. Все эти акты формирования естественного раскрытия сакральному – это акты освящения и воли. «Формирование» здесь, кстати, может и подразумеваться, например, когда мы «видим», что роща – это место обитания богов. Роща теперь «изменилась», но она не была изменена физически. В некотором смысле, таким образом, все акты освящения, это акты воли – но не все акты воли бывают актами освящения, как, например, строительство дома.

В целом, каждая из трех составляющих тесно связана с двумя другими. И эти три вместе раскрывают нам фундаментальные аспекты человеческой природы. Это – мудрость, что завещана нам германским антропогенезом. Только человеческие существа имеют экстазис, волю и освящение. Только человеческие существа могут благоговеть перед Бытием вещей или не почитать его. Только они способны изменить мир, в лучшую или худшую сторону, в соответствие со своей идеей того, *как должно быть*. Только люди воспринимают сакральное, только человеческие существа освящают вещи. Быть человеком – означает иметь эти три составляющие в динамическом взаимодействии.

Однако быть человеком чревато опасностью и это по своей сути трагичное состояние. По крайней мере, это верно – или особенно верно – для западного человека. Как я уже говорил ранее, как положительные, так и отрицательные формы воли основаны на экстазисе. Вдохновение, кажется, хорошим состоянием, но мы часто обманываемся и обольщаемся экстазисом. Один, бог экстазиса, не является совершенно благим Богом. Существует и внутри нас, и внутри него, способность заблуждаться: заходить слишком далеко, чтобы извратить и исказить во имя «хорошего», чтобы восстать против всех ограничений для воли или знаний. Один – это одновременно и *Ginnarr* (Обманщик) и *Sanngetall* (Искатель Истины). Он одновременно и *Sváfnir* (Доставляющий сон) и *Vakr* (Пробудитель). Он одновременно и *Bölverkr* (Злодей) и *Fjölnir* (Мудрейший). У нас внутри такие же противоречия. У нас есть потенциал, чтобы и осуществлять и скрывать это. Мы хотим получить тайну – и раскрыть ее; для того чтобы проникнуть в нее и уничтожить все

тайны. Это то, что я буду называть, опираясь на Освальда Шпенглера, элементом Фауста в нас – в Западном человеке – и Одина, нашего Бога[26].

Один иногда помогает людям и ведет их к истине и благу, а иногда и обманывает их и приводит к гибели. Он прекрасен и страшен. Он нападает без предупреждения и нарушает заветы. Он ищет полное знание, мучая собственное тело на Иггдрасиле в течение девяти ночей, чтобы получить руны и жертвуя глазом, чтобы испить из колодца Мимира. Один приобретает вневременную мудрость от колодца Мимира – но жертвует частью своей способности воспринимать настоящее и сиюминутное. Западный человек сделал подобную жертву, потеряв настоящее в ожидании будущего, идеал; теряя землю в ожидании того, чем должна стать земля.

В своем сочинении «Вопрос о технике» (опубликовано в 1954), Хайдеггер утверждает, что техника является определенного рода «раскрытием»¹²: она определенным образом раскрывает нам существование. По существу, он раскрывает природу в качестве сырья для использования человеком; то, что Хайдеггер называет *der Bestand*, термин, который переводится как «постоянный резерв». Но что участвует в нашей склонности к земле, как постоянному резерву? Хайдеггер отвечает на этот вопрос через свою знаменитую характеристику современности, как *das Gestel*, которая часто переводится как «постав». Что отличает современных западных людей, это тенденция не только упорядочить, но и переупорядочить природу, привести ее в какую-то систему, но и вникнуть в природу с теориями и предположениями, всегда ожидая самоупорядочивания природы в соответствии с нашими «рациональными» идеями.

Но эта идея не просто «современная»: она существовала в самом начале, с основании самого мира, и Один – ее воплощение. Согласно германской космогонии, миру, как мы знаем, предшествовало время, когда беспорядочно возникли титанические существа: огонь и лед собрались вместе, чтобы произвести инеистого гиганта Имира, которого Младшая Эдда описывает как «зло» (*illr*). Мужчина и женщина выросли из его подмышки. Одна из его ног в паре с другой произвели сына. Космическая корова Аудумла (*Auðhumla*) лизала его ледовые глыбы, до тех пор, пока не появился человек. И так далее. Короче говоря, начальный период – это время монструозных существ и чудовищных рождений, без какого-либо реального космического порядка или регулярности.

Затем пришли сыны Бора: Один, Вили и Ве (*Óðhinn*, *Vili*, и *Vé*). Они обладают новым типом сознания. Они обладают способностью предвидеть,

---

¹² «Выходом из потаенности» – дословно у Хайдеггера (прим. перев.)

чем *может быть* эта хаотичная вселенная. Увлечшись этим вдохновением, они режут «злого» Имира, расчлениают его и создают знакомую нам вселенную из его останков. В новой вселенной, есть еще монстры (до сих пор существуют турсы) но есть и красота. И красота рождает красоту. Существуют порядок и закономерность.

Первый акт Одина отвергает мир, как он есть, и накладывает на него новое видение космоса. Имир представляет из себя «постоянный резерв»: Один и его братья «обрамляют» его. Они убивают его и перекраивают в нечто более лучшее или худшее, чем он может быть. Мир, в котором мы живем, таким образом, берет свое начало в убийстве, и мы живем на трупe жертвы. Мы, сыновья Одина, до сих пор совершаем убийства, превращая его в соответствии с нашим видением в то, чем он должен быть и чем может быть. Мы воплощаем его дух, и этот дух – наша великая добродетель и наше великий порок. Это источник всего, что прекрасно в нас, и всего ужасного.

Окончательное рассмотрение: почему Один и его спутники предпочли деревья в качестве основы для создания человека? Возможно, превращение деревьев в человека боги считали соответствующим их желаниям. Деревья уходят корнями в почву, но сами тянутся к небу, как будто пытаются вырваться из земли. Сам Один с самого начала, был творцом физической Вселенной, а не Вселенная, которая родила его и навязала ему свою волю, всегда пребывать позади данного и промышлять предельное. Люди, подобным образом, разрываются между небом и землей, хтоническим и ураническим, реальным и идеальным, настоящим и будущим[27].

Примечания:

[1] Старшая Эдда, переводчик. Ли М. Холландер (Остин: Университет Texas пресс, 1962), стр. 3. – для английского текста – прим перев.

[2] Перевод Холландера, однако у меня есть дополнение в данном контексте к слову *önd*, которое я бы назвал «жизненное дыхание», *óðr*, я бы описал как «дух» и *lár* – «волосы». См. далее объяснения этих переводов.

[3] *Hræring* часто переводится как «движение», но Эдгар С. Полуме отмечает, что «*hræring*» не обязательно относится к физическому движению: в комплексе с *hugarhræring*, а также в многочисленных контекстах и фразах типа *geðs hræringar*, это указывает на эмоции и может быть, даже более, чем *vit*, отражающее коннотации Эддического существительного *óðr*, которое Leiv Heggstad более адекватно соотнес с *hugrørsla* («движения ума»). См. Эдгар С. Полуме, «Некоторые мысли о *Völuspá* (Прорицание Вёльвы)», строфы 17-18, в «Эссе о германской религии» (Вашингтон, округ Колумбия: Институт изучения человека, 1989), стр. 32.

[4] Соответствующий отрывок из Младшей Эдды выглядит следующим образом: «Þá er þeir gengu með sævarströndu Borssynir, fundu þeir tré tvau ok tóku upp trén ok sköpuðu af menn. Gaf inn fyrsti önd ok líf, annarr vit ok hræring, þriði ásjónu, mál ok heyrn ok sjón, gáfu þeim klæði ok nöfn. Hét karlmaðrinn Askr en konan Embla, ok ólst þaðan af mannkindin, sú er byggðin var gefinn undir Miðgarði». Следует отметить, что Старшая Эдда не утверждает, что Хенир и Лодурр - братья Одина. Трое упоминаются просто как «три великих аса». Но ведь они выполняют те же (или практически те же) функции, как братья Vili и Vé в Младшей Эдде, кажется разумным предположить, что они могли быть названными по-разному братьями Одина. (Тот факт, что несколько источников представляют как кеннинги Одина «Друг Лодурра» - *Lodurs vinr* – ничего не значит, так как брат, безусловно, может быть и другом). Далее, в младшей Эдде на самом деле не именуют братьев в соответствии с подарками, которыми они наделяют: текст просто сообщает «первым дал...», «вторым...», «третьим...». Но ранее в тексте трое сыновей Бора и Бестлы (Bestla) описаны как «первый - Один; второй Vili, третий - Vé».

[5] По этому вопросу см. Колин Клири, «Призыв богов» (Сан-Франциско: Counter-Currents Publishing, 2011), стр. 21-22 (сноска 1).

[6] Крис Кершоу, «Одноглазый Бог: Один и (Индо-) *Männerbünde*» (Вашингтон, D.C.: Институт изучения человека, 2000).

[7] Полومه, стр. 39–40.

[8] F. Detter and R. Heinzel, *Beiträge zur Geschichte der deutschen Literatur*, XVIII (1894), стр. 560.

[9] Рудольф Саймек, «Словарь Северной Мифологии», пер. Angela Hall (Рочестер, штат Нью-Йорк: D.C. Brewer, 2000), стр. 190.

[10] Мое использование заглавной «В» в «Бытие» следует из практики английских переводов Хайдеггера при различении «бытия» и «существо» (или «существ»). Сущностями или существующим (иначе известные как «нечто существующее») называются существа, потому что у них есть что-то таинственное, то, что мы называем «Бытие». Они существуют; у них есть Бытие. Но Бытие не существо; оно не является чем-то существующим. Что же такое Бытие (или другими словами, Бытие – как-есть)? Это один из основных вопросов философии Хайдеггера. Мои собственные мысли находятся под сильным влиянием Хайдеггера, но я не следую ему во всем. Но считаю, однако, что его настойчивость на «онтологическом различии» - разнице между бытием и существующим - является абсолютно правильной и необходимой.

[11] Аналитически концепция идеи, вероятно, подразумевается в дарах Vé. Возможно, она встроена в значение *mál*, «речь», так же, как греческие

соответствия могут означать «речь» и «разум». (Я спешу признать, что это весьма спекулятивное предложение).

[12] Кекуле позже произнес знаменитую фразу о своих видениях: «*Lernen wir träumen, meine Herren, dann finden wir vielleicht die Wahrheit – aber hüten wir uns, unsere Träume zu veröffentlichen, ehe sie durch den wachen Verstand geprüft worden sind*» (Учитесь видеть сны, господа, возможно, мы найдем истину - но давайте остерегаться озвучивания своих снов, прежде чем они не будут проверены на практике»).

[13] См. Эдред Торссон, Зеленая Руна (Smithville, Техас: Руна-Raven Press, 1996), стр. 42. Я слегка изменил список.

[14] В «Истинной Вика», однако, Эдред Торссон теоретизирует, что слово Вика может принадлежать к «*vīk*» - групповое слово, означающее «вращение» из-за ассоциации с колдовскими танцами - дополнительно иллюстрирующими субъективную и спекулятивную этимологию слов и групп, которые могут возникать. См Эдред Торссон, «Истинная Вика: исследование Вана-Трот и практика Сейда (Seiðr)», Том I: «Lore и история» (Smithville, Техас: Runa-Raven Press, 1999), стр.71.

[15] Профанные места обычно находятся за пределами обозначенного священного места. Лоуренс Дж. Хатаб пишет: «В мифическом смысле..., профанным является то, что не имеет смысла, священным является то, что имеет смысл». См. Лоуренс Дж Хатаб, «Миф и философия: борьба истин» (LaSalle, Иллинойс: Open Court, 1990), стр. 23.

[16] Я имею в виду философскую точку зрения, не утверждая, что термин *vé* использовался для участков окультуренных земель или скота. Насколько мне известно, такового не было.

[17] Филологи выделяют целый ряд различных групп слов, полученных из «*vīk*-». Слова этих групп имеют тематическое сходство, но различные группы не считаются связанными, хотя все они вытекают из «однокоренного» слова. Калверт Уоткинс в «Американском словаре наследия индо-европейских корней» перечисляет пять групп слов, вытекающих из «*vīk*-»: (1) слова, имеющие отношение к клану; (2) освященность или святость; (3) слова и выражения «быть похожим» (т. е. «вроде этого»); (4) слова, выражающие «согнуть» или «ветер»; (5) слова, выражающие «воевать» или «победить». См. Калверт Уоткинс «Американский словарь наследия индо-европейских корней» (New York: Houghton Mifflin, 2000), р. 97. В принципе, мы должны быть очень осторожными, если слова, которые звучат одинаково, так или иначе связаны между собой. Например, «*virile*» и «*viral*» звучат похоже, и мы могли бы предположить, что оба они вытекают из того же индоевропейского корня. На самом деле, это не так. Возможно даже, что, как и Уоткинс, так и

другие авторы хорошо знают, что один корень может привести к возникновению групп слов, которые не имеют никакой взаимосвязи. Тем не менее, должно быть очевидным, что существует и субъективный элемент такого рода классификаций. Другими словами, Уоткинс перечисляет пять отдельных групп «*vīk-*», потому что он не видит какой-либо более глубокой, содержательной связи между группами. Следует также отметить, - для дальнейшего установления субъективного по своей природе элемента к этому предмету - что разные ученые группы и писатели трактуют слово «*vīk-*» по-разному. Например, «Энциклопедия индоевропейской культуры» дает перечисление староанглийского слова *wêoh*, как «идол» или «священный образ», подразумевая для «*vīk-*» слово, касающееся священного, а также слова, имеющих отношение к «внешности» (или «видимости»). См. «Энциклопедия индоевропейской культуры» под ред. . J. P. Mallory and D. Q. Adams (London: Fitzroy Dearborn Publishers, 1997), p. 25. Те же замечания (с некоторым скептицизмом), в которых некоторые ученые утверждают о связи между группами содержащими «*vīk-*» как имеющими отношение к бою или битве и имеющими отношение к сакральному (там же, стр. 20). Понятия «клана» или «расширенной семьи» соответствуют готическому *weihs* «деревня», а также греческому *εἰκών* (*eikōn*, «образ» слово «быть похожим» или «казаться» и близко в коннотации к староанглийскому *wêoh*. «Изгибающий» или «поворачивающий» включают в себя слова германское «*wikon*» «поворот» и старонорвежское *vikja* «сгибаться», «вращаться». Наше слово "плетеный" происходит от этого корня. И, как было отмечено выше, вика (ведьма) также от него происходит. И, наконец, «борьба» - «*vīk-*» включает старонорвежское «*vīgr*», «способность к бою», готское «*weihan*» - «бороться» и старо-верхнегерманское *wīhan* – «сражаться».

[18] Мне кажется, что руна Отала выражает идею рода как священной ограды. Сама форма става, кажется, передает это.

[19] См. эссе Хайдеггера «Письмо о гуманизме» в Основных Трудах, под ред. и перев. David Farrell Krell (New York: Harper and Row, 1977), стр. 193, 213.

[20] В своем эссе «К чему поэты?» Хайдеггер цитирует Райнер Мария Рильке, который утверждает в письме «Мы - пчелы невидимого. Nous butinons éperdument le miel du visible, pour l'accumuler dans la grande ruche d'or de l'Invisible.» (Мы непрерывно собираем мед видимого, чтобы хранить его в большом золотом улей невидимого). Мартин Хайдеггер, «Поэзия, Язык, Мысли», перев.. Albert Hofstadter (New York: Harper and Row, 1971), p. 130.

[21] Хайдеггер, Основные труды, стр. 210.

[22] Здесь я также ссылаюсь на Хайдеггера. В своем предстоящем эссе я буду использовать анализ Хайдеггеровского *Dasein*, как эк-стазис, что подразумевается под *ódh*.

[23] Следует отметить, что слово «освящение» на самом деле происходит от другой германской группы слов, имеющей отношение к священным или святым. «Священный» происходит от германского «*hailagōn*». См Торссон, Зеленая Руна, стр. 43, и Клири, «Призыв богов», стр. 48-49.

[24] Эссе входит в «Призыв богов».

[25] Это поддерживает идею, что *Vili* и *Vé* являются ипостасями Одина; т.е., три аспекта единого. Эдред Торссон пишет: Существующая Одиическая структура состоит из трех частей. Самое старое название этого трехсторонней сути это *Wōdhanaz–Wiljōn–Wīhaz* (как Один - *Vili-Vé*). Значения этих имен указывают нам, как работает трехсторонняя сущность сознания. *Wōdh-an-az* (мастер вдохновения [*wōdh-*]) это экспансивная всеобъемлющая экстатическая и преобразующая сила в основании сознания и энтузиазма. *Wiljōn* (воля) является сознательным осуществлением задуманного плана и *Wīhaz* (сакральный) это дух разделения в независимом священном «пространстве». Это разделение между сознанием и «природой» (т.е. вне сознания) должно быть осуществлено до каких-либо преобразований или «работы» по созданию места. Все трое необходимы; все должны работать вместе как единое целое. См. Эдред Торссон «Рунелор: Руководство по эзотерической Рунологии» (York Beach, Maine: Samuel Weiser, 1987), p. 179. Как должно быть ясно, мое обсуждение в этом разделе основывается на Торссоне.

[26] В известном эссе, К. Г. Юнг пишет, что «бог немцев – Вотан, а не христианский Бог». «Вотан (Один)», - говорит Юнг, является «фундаментальным атрибутом немецкого народа» и «германской данностью первой важности, подлинным выражением и непревзойденной персонификацией фундаментального качества, что особенно характерно для немцев». Хотя многие эссе Юнга - написанные в 1936 году - имеют дело с Германией своего времени, мы должны понимать, что он говорит в широком смысле и германских народах. См К. Г. Юнг, «Вотан» в цивилизации на переходном этапе», Сборник трудов К. Г. Юнг Том. 10, пер. Герхард Адлер и Р. Ф. С. Халл (Princeton: Princeton University Press, 1970), стр 191, 186.

[27] Я хотел бы поблагодарить Майкла Мойнихана за некоторые поправки в предыдущий вариант этого эссе.

Перевод с английского: Стриглава Уварова

Askr Svarte: **Интервью издательству Fall of Man**

FallOfMan: Приветствую! В России у вас изданы несколько книг и статей, но западной аудитории известна только ваша книга «Gar», единственная на английском языке. Можете рассказать о себе и своей работе нашим читателям?

A.S.: Приветствую! Я возглавляю русскоязычное сообщество «Svarte Aske – Тёмный Ясень», посвященное Пути Левой Руки в германо-скандинавской и славянской традициях, а также изучению языческого традиционализма. Также я являюсь редактором традиционалистского издательства «Svarte Publishing» и, наконец, пишу книги. Основные направления интересов: языческий традиционализм в Железном XXI веке, социальные и политические измерения язычества в истории, Платон и неоплатонизм, германо-скандинавская традиция, немецкая мистика Майстера Экхарта и философия XX века – братья Юнгеры и Мартин Хайдеггер.

Книга «Gar» представляет собой один из ранних и строго эзотерических опытов взглянуть и описать Путь Левой Руки в Единизме. Она носит декларативный характер и я рассматриваю её как первый взгляд, первый опыт особого настроения этого пути, который отличается от общепринятых. На русском языке книга была издана весной 2013 года, с тех пор прошло много времени, многое изменилось, стало видно более ясно и глубоко, а также более аргументировано. К сожалению, эти материалы пока что только на русском языке.

FallOfMan: Что вас толкнуло на изучение язычества и более конкретно – Единизма?

A.S.: Из увлечения обычной эзотерикой меня выдернули книги Доброслава (А. Добровольского) и позже я украл в библиотеке книгу о скандинавской мифологии, чтобы ознакомиться с германской традицией. Мне было лет 16-17. Так вышло, что мои предки континентальные немцы и корни уходят в Шварцвальд, Швабию и Баварию. Я проследил их до зари XVIII века. Но исторически судьба и политические перипетии забросили мою фамилию в Сибирь. Я рассматриваю это как специфическое путешествие через время, географию и народы и уже из этой позиции выстраиваю обратный мост к Германскому Логосу. Это предопределило вхождение в германо-

скандинавскую традицию, я рассматриваю её как венец или красивый цветок, раскрывшийся из общего архаического германского семени.

На дальнейшее становление моего языческого мировоззрения оказали влияние труды Велеслава Черкасова, его поэтичность описания сакрального, и труды Юлиуса Эвола – его безжалостной критики современности.

FallOfMan: Рене Генон, очевидно, сильно повлиял на вашу книгу, но расскажите о других источниках вдохновения? Кого вы бы могли назвать «отцом» современного Одиночества?

A.S.: Я уважаю Рене Генона как основателя философии традиционализма в XX веке и разделяю его критику нашей эпохи, но я не могу сказать, что его влияние на меня очень велико. В книге я рассуждаю и критикую его взгляд на три этапа мирового регресса. Рене Генон отстаивал довольно дуальную концепцию Добра и Зла, во многом схожую с христианской, а для Пути Левой Руки и язычества в целом это неприемлемо. Гораздо большее влияние на меня оказал Юлиус Эвола, его взгляды лежат в основе многих интенций.

В русском язычестве (Родноверии) исторически не было зафиксировано ничего похожего на культы и философию Пути Левой Руки. Есть вопрос: каким он мог быть если бы был выражен русским языком и с использованием русских образов? В наши дни свой вариант ответа предложил Велеслав в нескольких книгах и циклах статей и лекций. Я нахожу его труды чрезвычайно насыщенными, небесспорными, но интересными и важными для языческого традиционализма в России. Он отлично разбирается в Западном Герметизме, но привносит в тексты пронизывающих их русский дух, оттенки и привкус. В книге «Gap» я попытался передать, перенести настроение из его книг в пространство северной мифологии. В конце концов, он ещё и мой хороший друг и помощник.

Касательно современного Одиночества я не знаю, кого можно было бы назвать его отцом. Точнее так: разумеется, его отцом является сам Один-Всеотец. Но среди людей я бы особо выделил первого годи исландской общины «Содружество Асатру» (Ásatrúarfélagið) Свейнбьёрна Бейнтеинссона (Sveinbjörn Beinteinsson). Я нахожу очень интересными и созвучными моим взглядам идеи Коллина Клири (Collin Cleary) и некоторые тезисы Стефана Флаурса (Stephen Flowers).

FallOfMan: Касательно основной темы «Gap», могли бы вы объяснить свое видение Пути Левой Руки? Некоторые люди ассоциируют его

исключительно с сатанизмом и чёрной магией, но ваш подход не следует этому.

A.S.: Как говорится в известной пословице: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поэтому описать видение Путилевой Руки довольно сложно, здесь важно уловить настрой и посыл того, о чем идет речь. Какая-либо форма магии как способа воздействия на материальный мир и привлечения благ мне неинтересна, я почти не касаюсь этой темы. Насчет сатанизма, в предисловии к книге об этом говорится отдельно и надо быть очень верующим в христианского Бога и моральный дуализм, чтобы говоря о язычестве оперировать словами «сатанизм» и тому подобными. Это от недостатка ума.

FallOfMan: Ваш подход к Путилевой Руки очевидно вдохновлен идеями Вамачары; каким образом философские концепты Хинду относятся к язычеству Европы?

A.S.: Вот это очень хороший вопрос. Путьлевой Руки очень хорошо и вплоть до мельчайших бытовых деталей разработан во множестве индийских школ этого направления. Это факт. И да, с точки зрения языка и структурализма (Ж. Дюмезиль) мы имеем общий индоевропейский корень, очень далекий и глубокий. Сегодня многие европейские язычники и мистики стараются копировать внешние атрибуты ведических культов или тантризма, не вникая в суть этих даршан. Получается ситуация, когда европеец по внешности, языку и мышлению, пытается выдать себя за индуса, завернувшись в ткань и придумав себе имя. Это путь в никуда. (Позитивное исключение составляют те люди, которые получают посвящение в Индии, изучают язык и совершают паломничества в эту страну. Но они уже принадлежат традиции Хинду, а не Европы.)

Я вижу ситуацию следующим образом. Не нужно заимствовать из Тантр внешние формы, славления, имена и образы Богов. Не нужно заимствовать структуры ритуалов, обрядов и многого другого – это плоды и проявления сугубо индийской культуры, мышления и даже географии. Больше пользы может принести сравнение мифологии и Богов, но и это не самый глубокий путь.

Из Тантр достаточно взять самые фундаментальные и базовые положения, зачастую они укладываются в одно предложение или два-три слова. Например «идея недвойственности» (адвайта) или «божественный монизм». Все, кроме идеи ничего брать не нужно. Далее следует обратиться к поиску

корней и возможности раскрытия этой идеи в пространстве европейского мышления и традиций. В этом огромное подспорье оказывает Платон, неоплатонизм и некоторые христианские мистики. Например, окунувшись в изучение Майстера Экхарта и Иоганна Таулера, я обнаружил большое сходство в их учении об обретении внутреннего Бога и иерархией людей в Тантрах (пашу-вира-дивья). Все, что нам нужно, уже есть у эллинов и германцев. Наша задача заключается в освобождении этого от наслоений христианства, современной секулярной науки, гуманизма, прогресса и так далее. Потом это следует привести в гармонию, освоить как язык и в этом пространстве эллинско-германского философского языка мы можем выражать аналогичные Тантрам идеи, которые будут полностью комплиментарны европейскому мышлению, культуре и внешним формам.

Индия гораздо лучше и в большем объеме сохранила то, что Европа давно утратила. Поэтому нам не стоит пытаться стать индусами и бежать на Восток, нам надо смотреть на них как в зеркало и видеть разницу.

FallOfMan: В вашей книге вы обращаете внимание на тёмные стороны Богов, традиционно ассоциированных только со Светом, приписывая Одину и Фрейе атрибуты, связанные с тёмными сущностями. Вы согласны с делением мира на черное и белое, где есть четкие линии что есть Зло, а что Добро? Возможно ли наделять человеческими качествами такие бессмертные сущности, как Боги и титаны?

A.S.: Единственное, что я хочу показать – это то, что прочтение фигуры Бога как только «светлого» или только «тёмного», в корне неверно. Боги амбивалентны, они могут иметь свои гневные или менее светлые ипостаси. Из поздней христианской культуры мы привыкли видеть в Боге доброго старика, но языческие Боги – особенно германские! – суровы и не являются кем-то вроде «хиппи». В источниках по германо-скандинавской традиции есть множество упоминаний о нетипичном поведении Богов.

Далее, если каждое Божество может проявлять себя двояко, значит в нем есть то, что предшествует двойственности и объединяет светлое и тёмное проявление ещё до того, как они существуют отдельно. Вот на это Единое и направлен посыл «очернения» Богов. То есть, если Боги могут быть и «светлыми» и «тёмными», то что внутри Бога предшествует его делению на две ипостаси? Вот в чем вопрос.

Возможно ли отнести человеческие качества к Богам? Есть прекрасное мнение, суть которого в следующем: Это не человек переносит свои

качества, например эмоциональность, на образы Богов. Наоборот, у человека есть эти качества, потому что ими обладают Боги.

Вы упомянули титанов и здесь можно вернуться к вопросу о «сатанизме». Сегодня существует идея представить поклонение титанам, йотунам и турсам, а также различным мелким духам, как Путь Левой Руки. Это так называемые турсатру или рёккатру. Я думаю, что это в лучшем случае наивное хобби домохозяек и виккан. Люди, которые этим занимаются и поют им дифирамбы, вообще не понимают логики мифа и воинственной составляющей германо-скандинавской традиции, воинского этоса германских Богов и культуры. Это яркий пример когда Путь Левой Руки сворачивает явно *не туда*. Есть прекрасная книга Фридриха Георга Юнгера «Греческие мифы», где он ясно дает понять разницу между титаническим и Божественным полюсами на примере эллинской традиции.

FallOfMan: Можете ли вы раскрыть термин «манифестационизм» и как он относится к язычеству? Почему креационизм в оппозиции к язычеству?

A.S.: Это два различных онтологических принципа, которые отличают религии креационизма и языческие традиции. Авраамические религии опираются на идею творения мира (*creatio ex Nihilo*), а язычество говорит о проявлении (латинское слово *manifestare*) космоса из Божества (*creatio ex Deo*). Манифестационизм и есть язычество.

Из этой фундаментальной разницы проистекают все различия, вплоть до социальных, политических и идеологических, между язычеством и авраамическими религиями. Если лаконично, то креационизм утверждает непреодолимое различие между природой Бога и природой мира и человека. Язычество говорит, что разница между Богами, миром и людьми иерархическая, но не сущностная. Разумеется, с точки зрения ортодоксального креационизма это утверждение — ересь, поэтому креационизм ведет борьбу с язычеством всю свою историю. А язычество в лице неоплатоников проникает в теологию христианства или мистику ислама и перестраивает его структуры изнутри, устраняя дистанцию между мистиком и Богом.

FallOfMan: Достижение реконструкции до-христианской веры в Европе очень сложно в силу того факта, что у нас нет непрерывной традиции, линия веры прервана. Как вы решаете эту проблему?

A.S.: Этому вопросу я посвятил огромный труд в двух томах «Polemos: Языческий Традиционализм». Суммарно там более 800 страниц, на которых история, передача и проявления языческого наследия рассмотрены в самых разных сферах и примерах. На английском языке доступно оглавление книги, но она пока ожидает своего перевода и издания.

Если кратко: язычество может быть сокрыто, не видимо для нас в обыденной жизни, но принципиально оно никуда не исчезает. Я рассматриваю язычество не как культы и почитание множества Богов, язычество – это особое мышление, язык и состояние. Да, сегодня очень сложно прорваться к нему, найти адекватные формы, книги, авторов. Но при должном усилии и чуткости это возможно.

FallOfMan: Вы основали сообщество «Svarte Aske», расскажите о нем. В чем его суть и цели?

A.S.: Сообщество создано в 2011 году, мы отмечаем четыре самых основных солярных праздника: Летнее и Зимнее Солнцестояния, Весеннее и Осеннее Равноденствия. Помимо этого мы изучаем и освящаем идеи языческого традиционализма, Путилевой Руки, философии. Мы издаем альманах «Warha», в котором регулярно переводим тексты зарубежных авторов и берем интервью у писателей и исследователей, которые ранее вообще не были известны в России. Последние пару лет эта просветительская деятельность является нашим главным проявлением во внешнем мире.

FallOfMan: Над чем вы работаете сейчас, готовятся ли новые книги?

A.S.: В ближайшее время на русском языке выйдет второе издание книги «Gar», на этот раз под названием «Чарующая Бездна». В ней гораздо больше материалов, раскрывающих суть учения и затрагивающих совсем новые темы.

Более того, близится к завершению более сложная работа по исследованию Германского Логоса «Приближение и окружение», в которой затрагиваются темы традиции, германского мистицизма, неоплатонизма, М. Хайдеггера, этимологических особенностей германских и русского языков, что чрезвычайно важно для понимания темы. И это не последний раз, когда мы обращаемся к ней.

FallOfMan: Благодарим вас за ваше время!

Валентин Долгочуб: Философские школы современного Родноверия

Противники возрождения славянского Язычества нередко говорят про него: «Сколько родноверов – столько родноверий». С таким взглядом невозможно согласиться, поскольку «изнутри» Родноверия хорошо видно, что на сегодня в нём сложилось несколько богословских и философских направлений, и сами язычники обычно согласовывают своё мировоззрение с каким-либо из них. Исходя из этого стоит проанализировать основные типы родноверческого мировоззрения (или даже философии) не по формальным организациям, а по их содержанию.

Когда ранее совершались попытки подобного анализа, внимание обычно сосредотачивалось на *методах* возрождения одного и того же *объекта* – славянского Язычества. В самом деле, разные течения сосредотачиваются на разных методах: кто-то – на историко-этнографической реконструкции, кто-то – на воссоздании мировоззрения и мировосприятия при помощи психотехник. Однако эти методы не отображают особенностей взгляда на ключевые положения Родной Веры.

Философские школы зачастую отождествляют с *учением*, которое сложилось благодаря определённой личности («мэтру») и передаётся, практикуется и переосмысливается его учениками. Впрочем, философские школы можно понимать и как размежевание взглядов внутри относительно единой мировоззренческой системы, каковой является Родноверие, ориентирующееся на этническую Традицию.

Одним из вариантов такого размежевания, который мы и проанализируем в первую очередь, является *дуализм* и *недуализм*. Как мы увидим дальше, это деление проходит по многим пунктам вероучения, но в качестве главного определим тот, который имеет место и в индийской Веданте: признание раздельного бытия Бога (Богов) и человеческих духов (и каждого духа отдельно), либо признание полной тождественности Бога/Абсолюта и человеческого Духа. К первым однозначно можно причислить большинство сторонников «Объединения Родноверов Украины» (и производных от него), Владимира Шаяна, «Круг Языческой Традиции», Доброслава (А.Добровольского); ко вторым – «Велесов круг» и многих родноверов-мистиков. Неопределённой и неоднозначной в этом вопросе остаётся позиция «Родового Огнища», «Руського Православного Кола» и ССО СРВ. Причём, нельзя сказать, что этот вопрос их вообще не волнует, поскольку их представители так или иначе касаются этого и других моментов, по которым мы будем дальше проводить деление.

Итак, кроме главного пункта, обозначенные типы отличаются в следующем:

1) Недуализм признаёт пантеистичность (панентеистичность¹³) Рода, что обуславливает утверждение вездесущности Божественного (Лада) и возможности познать себя в *любой* среде (однако это не служит оправданием экофобных идеологий!). Дуализм, как правило, склоняется к политеизму, в котором Боги признаются *персонифицированными* духовными сущностями (вариант: Доброслав склонялся к неперсонифицированному политеизму, в котором Боги полностью отождествляются с разнообразными Силами Природы).

2) Недуализм признаёт субъективность добра и зла, а также то, что творящие и разрушающие силы являются одинаково необходимыми и опасными. Дуализм довольно часто провозглашает объективность добра и зла (особенно настаивают на этом, например, Велимир Сперанский и Доброслав), хотя может признавать то, что мир удерживается равновесием противостоящих сил.

3) Недуалисты, как правило, считают, что люди сами виновны в своих страданиях, страхах и слабостях, хотя по природе являются чистыми и безгрешными (отрицание самого понятия «грех» как такового). Дуалисты часто видят в этом «зле» волю разрушительных вселенских сил. Стоит ли добавлять, что «теория заговора» и всевозможная конспирология более распространена среди вторых?

4) Недуализм признаёт приоритет духовности над моральностью, хотя вторая считается органической составляющей (но только составляющей) первой. Дуализм нередко подменяет понятие духовности понятием моральности (тут, правда, можно ввести дополнительную градацию на почитателей собственно *моральности* и *нравственности* как состояния внутреннего совершенства).

5) Недуалисты, как это имеет место и в индуистской Традиции, охотнее признают возможность выхода из круга перерождений. Славянский дуализм такой возможности не признаёт.

6) Наконец, недуалисты признают право каждого на свободный духовный поиск внутри Родного Обычая, либо даже за его пределами, причём остерегаются заранее оценивать, будет он полезным или принесёт вред.

---

¹³ Панентеизм отличается от пантеизма акцентом на том, что Бог/Абсолют не растворяется полностью в мире, а пребывает и «над» ним, имеет сверхмирный, непроявленный аспект, хотя мир однозначно пребывает в Нём. Ср. со гимном Пуруше из «Ригведы» (X, 90): «со всех сторон покрывши землю, Пуруша возвышается над ней ещё на десять пальцев».

Дуалисты, которые, конечно, так же ищут повсеместно, часто пытаются размежевать полезное и вредное.

Обе философские позиции, на наш взгляд, являются самостоятельными и безусловно имеют право на существование, диалог и апологетику со стороны сторонников, если только она не сводится к грязной клевете и личным оскорблениям (как это имело место в нашумевшей критике Велимира Сперанского учения Велеслава Черкасова).

Иная градация философских позиций в Родноверии касается *парадигм обрядности* (от греч. «образец»), которые не являются официальными, не провозглашаются открыто, но постоянно воплощаются в жизнь непосредственным действием. Первую условно назовём «*имперской*» (по аналогии с «Языческим империализмом» Ю.Эвола): она желает видеть Родноверие догматической обрядовой религией, подгоняя славянскую Традицию то ли под римский, то ли под авраамический стереотип «развитой религии» (формула *тін* этнографии, *тах* религиозного пафоса). Вторую условно назовём «*народничеством*», поскольку она склонна к «культмассовости», оперированию мифологическим сознанием в условиях его искажённости у большинства современников, «скоморошеству», но также и к воссозданию аутентичных форм народной Традиции (формула: *тах* этнографии, *тін* религиозного пафоса).

Первой из украинских течений однозначно придерживается «Родовое Огнище» (с сильным элементом того, что можно было бы назвать *эзотерическим популизмом*), а также руководство «Объединения Родноверов Украины» и «Руського Православного Кола», хотя их общины «на местах» очень часто оказываются яркими представителями второй.

В соответствии этнической Традиции, понимании многих обрядов и спорах с учёным по поводу аутентичности Родноверия первая безусловно проигрывает второй. Зато последняя проигрывает первой в конкуренции с христианством и другими господствующими религиями.

Вновь приведём в качестве примера «Велесов круг», общинам которого, по нашему мнению, удалось в определённой мере примирить обе эти парадигмы: обрядовые тексты подогнаны под фольклор, но при этом сохраняют чёткие отсылки к философским идеям, обряды достаточно торжественны и участвующие в них люди соблюдают положенную дисциплину.

Кроме указанных типов, в современном Родноверии можно выделить ещё несколько философских школ, более напоминающих то, что обычно подразумевается под этим понятием.

Так, стоит указать на *традиционалистов* в узком смысле этого слова: язычников, ориентирующихся и активно использующих наследие философской школы, основанной Рене Геноном. К таковым относятся, в частности, уже упоминавшийся Велеслав Черкасов и Евгений Нечкасов (Askf Svarte), придерживающийся скандинавского Язычества. Для этого направления характерно поиск широких параллелей между разными этническими и оккультными Традициями на основе представления об «Изначальной Традиции», восходящей непосредственно к Абсолюту. В то же время стоит отметить, что названные авторы идут в своих исканиях дальше, чем собственно «школа Генона», - вероятно, это можно считать следствием их причастности именно к языческой среде и пребывания в ситуации Постмодерна. На «школу Генона» в своих трудах нередко ссылается и Галина Лозко, бессменный глава «Объединения Родноверов Украины», однако эти отсылки воспринимаются скорее как декларации, поскольку легко уловить серьёзные противоречия между учением ОРУ и указанной школой.

Ещё одной специфической философской школой, существующей в языческом движении Украины, являются *нетеисты*. Нетеистическую позицию, то есть полное отождествление Богов с Силами Природы и реально жившими Предками, занимает, в частности, «Великий Огонь», одно из старейших языческих объединений Украины (основано в 1992 г.). На фоне всего языческого движения оно скорее маргинально и вряд ли стоило бы выделять *нетеизм* как отдельное направление только ради него одного. Однако в последние годы (2015-2017 гг.) подобную позицию стали развивать Алесь Ясноок, создатель «Аутентичной Украины», крупнейшего украинского языческого сообщества в соцсетях, и Анатолий Ярошенко, глава независимой черниговской общины «Коло Сиверщины». При строгом подходе к реконструкции культурного наследия они развивают взгляд на Богов как на «отображение явлений и процессов в биосфере и атмосфере», причём пытаются подводить под это источниковую базу. Таким образом, это оказывается очередной химерической попыткой соединить Обычай и современную науку, тем не менее, набирающей определённую популярность в украинской языческой среде.

Итак, в современном Родноверии наличествует богословский и философский плюрализм, что, с одной стороны, охраняет языческое движение от догматической застывлености, но иногда провоцирует нездоровые споры, раскалывающие движение изнутри. Очевидно, в ближайшем будущем серьёзных изменений в таком положении вещей ожидать не стоит. Если отдельные личности, создающие вокруг себя философские школы в узком смысле слова, будут способны к диалогу,

качественной, конструктивной полемике, по нашему мнению, возможна минимизация нежелательных последствий философского плюрализма. В целом же он, повторимся, может быть осмыслен и использован как преимущество Язычества по сравнению с господствующими религиями.

Роман Шиженский:

Современное русское жреческо-волховское «сословие» сквозь призму религиозных концептов К.Г. Доусона¹⁴

Религия – это ключ к истории. Мы не сможем понять внутренней формы общества, пока не поймем его религию. Мы не сможем понять его культурные достижения, пока не поймем религиозные верования, стоящие за ними.
(К. Г. Доусон)

Феномен современного русского язычества на протяжении нескольких десятилетий выступает объектом научной рефлексии. Анализу подвергаются источниковая база движения, элементы празднично-обрядового комплекса, история отдельных «младоязыческих» объединений. Вместе с тем, в настоящее время в отечественной исследовательской среде отсутствуют специальные работы, раскрывающие особенности важнейшего элемента язычества XXI века – института служителей культа, ответственного как за формирование, развитие, так и за весь комплекс функционального наполнения данного социального и культурно-политического феномена. Кроме того, открытым остается вопрос об исторической легитимности нового жреческо-волховского сообщества, о самой возможности считать данное «сословие» языческого мира действительной религиозной группой.

В данной связи весьма интересным выглядит освещение проблемы современного языческого духовного класса сквозь призму фундаментальной религиозной гипотезы крупнейшего английского историка, философа и культуролога Кристофера Генри Доусона (1889-1970 гг.). В качестве объектов экспериментальной площадки использовались нарративы, материалы интервью языческих идеологов последней четверти XX – начала XXI веков – А. А. Добровольского (Доброслава) и Н. Н. Сперанского (Велимира). Выбор данных персоналий обусловлен следующими причинами: во-первых, согласно проведённым исследованиям, Добровольского (1938-2013 гг.) следует считать первым язычником советской России, разработавшим оригинальную идеологию, мифологию и празднично-обрядовый комплекс¹⁵. Во-вторых, в настоящее время Сперанский – один из немногих лидеров от языческого лагеря, сумевший синкретизировать целый

---

¹⁴ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Комплексное историко-религиоведческое изучение феномена русского неоязычества» (проект № 15–31–01247).

¹⁵ См.: Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). – 3-е изд., испр. и доп. Нижний Новгород: Поволжье, 2014.

спектр проблемных полей в единое мировоззрение. В-третьих, рассматриваемые лидеры диаспоры¹⁶ обладают необходимым «языческим чином» и наиболее мощной базой опубликованных текстов.

В работе К. Г. Доусона «Религия и культура» тема служителей культа занимает центральное место, являясь одним из двух элементов, формирующих религию как таковую: «Ибо все исторические религии – от низших до высших – сходятся на двух пунктах: во-первых, на вере в существование божественных или сверхъестественных сил... и во-вторых, на ассоциации этих сил с отдельными людьми, вещами, местами или церемониями, которые действуют как каналы сообщения или способы доступа между человеческими и божественными мирами»¹⁷. Тему священных предметов, мест силы и церемониала как необходимых элементов теогамии, согласно терминологии Доусона, рассмотрим ниже. Прежде всего следует обратиться к носителям сакральной традиции, согласно концепции английского учёного. Используя историческую ретроспекцию, К. Г. Доусон фиксирует наличие института духовных лидеров как у представителей первобытных, так и у носителей современных великих культур¹⁸. Соответственно, жречество, а применительно к современному варианту славянского язычества – жреческо-волховской класс, хронологически стагнационен. Жречество – априори одна из страт общества, «религия, воплощенная в постоянном институте»¹⁹.

Признавая различия свойственные многочисленным системам «духовных орденов», философ выводит свойственные всем культурам единые изначальные архетипы. К трём архетипичным типам К. Г. Доусон относит: жреца (его воспитывают и выделяют из общества для выполнения ритуалов и церемоний, образующих сущностную связь между обществом и его богами); царя или законодателя (личные представители или воплощения божественной власти); пророка или провидца (глашатая божественной воли, интерпретатор снов и пророчеств). Автор подчеркивает, что

---

¹⁶ Подробнее о данной дефиниции см.: Шиженский Р. В. Славянская неоязыческая диаспора на территории современной России (по данным сети Интернет) // Диалог государства и религиозных объединений в пространстве современной культуры. Волгоград, 2009. С. 362-367.

¹⁷ Доусон К. Г. Религия и культура / Пер. с англ., вступ. ст., ком; мент.: Кожурин К. Я. – Спб.: Алетейя, 2000. С. 96.

¹⁸ Там же. С. 96-97, 151-152 и др.

¹⁹ Там же. С. 133. Следует отметить своеобразный призыв историка, исследовать специфические формы данного класса в каждой отдельной культуре. Причем, проводимые исследования должны предшествовать процессу осмысления сущности рассматриваемого социального института.

рассматриваемые категории не исключают друг друга, каждая из них может совмещать несколько функций. Предложенная английским специалистом типология находит благодатную почву на отечественном новоязыческом материале. Следует отметить тот факт, что и Добровольский, и Сперанский как представители двух первых поколений – пионеров в конструировании современного политеистического мировоззрения вынуждены, прежде всего в силу «первопроходства», совмещать «должности» жреца, руководителя (законодателя) и пророка. Вместе с тем, произведения языческих идеологов – эклектический конгломерат утопий, от экологических до политических проектов, отражают взгляды современных волхвов на идеальный мир, в том числе на роль своих «коллег» в языческой терра инкогнита. Возникающий аутопоэзис позволяет всесторонне рассмотреть языческие источники как первичного, так и вторичного происхождения.

Доусоновский жрец, в вариации Добровольского, совершает обряды имянаречения и раскрещивания. Ежегодно проводит фундаментальный для современных прозелитов язычества праздник Купалы. Наконец, одним из первых разрабатывает и использует священные тексты: молитвы-обращения, заклатья, заговоры и исповеди. Тема «Доброслав-законодатель» проявляется в период – с 1990 по 1995 гг., когда язычник выступает с просветительскими лекциями. Взяв за основу идеологию васеневского отшельника, поклонники творчества Добровольского создают общество охраны природы «Стрелы Ярилы». Кульминацией законодательно-управленческой функции Доброслава становится признание его вождём русского освободительного движения («РОДа») на объединительном вече общин 22 июня 1997 года²⁰.

Третий архетип – провидец – полнее всего раскрывается на материале апокалипсических изысканий Добровольского, посвященных будущему человечества. В рассуждениях Доброслава по поводу причин наступившего заката человечества можно выделить чётко обозначенную ось зла, краеугольным камнем которой выступает монорегиозность. Многовековое господство монотеизма, по мнению старейшины РОДа, привело человечество к всеобъемлющему кризису, отражающему духовное состояние общества²¹. Одним из главных коней апокалипсиса современной религиозности Доброслав называет провозглашение человека венцом творения, высшей,

---

²⁰ «Основная работа Доброслава на поприще РОДа заключается в просветительно-агитационной деятельности, реализуемой через распространение воззваний (именно в них впервые встречается подпись: «Доброслав, старейшина РОДа»), переписку с единомышленниками и издание книг» - Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). С. 36.

²¹ Доброслав. Природолюбивая религии будущего. Киров: Вятка, 2004. С. 20.

богоизбранной расой, господствующей над природой²². Именно авраамические религии возглавили когорту зла из капитализма и производных от него – рыночной экономики и гонки потребления. В этот же ряд языческий лидер заносит и неприемлемый им технократический путь развития человечества²³. Итогом неправильного выбора обществом своего мировоззренческого пути Доброслав считает духовную деградацию homo sapiens и экологический кризис настоящего времени. Следуя теории Доброслава, в результате земного очищения «явится на свет в крови и слезах родовых мук»²⁴ человек новой формации, с новым мышлением, новым взглядом на окружающий мир. Основу мировоззрения людей недалекого будущего в идеализированном постапокалиптическом мире васенёвского отшельника составит старый, первобытный опыт, соединённый с восторжествовавшим «природолюбием»²⁵.

Тезис Доусона о допустимости совмещения функционала религиозных архетипов также прослеживается на материале источников второго порядка – произведениях Добровольского. В последних жрецы (волхвы) выступают и как посредники между мирами, и как «цари», диктующие социуму свою волю и ведущие его за собой. Образ древнего ведуна окружается ореолом таинственности и своеобразной святости. Выделяя волхвов из возможной иерархии служителей и хранителей языческого культа²⁶, автор склоняется к ницшеанским идеям, гиперболизируя волхвов до уровня сверхчеловека. Сфера деятельности последних всеобъемлюща. Волхвы Доброслава отвечают за рождение нового здорового поколения (через организацию свадебных обрядов в правильных местах силы)²⁷. Именно им принадлежит прерогатива хранения и передачи священных сказаний (с принятием христианства, эта

²² Доброслав. Сказание о Цветах. Б.м.: Хлынов, 2005. С. 85.

²³ Доброслав. Язычество: Закат и Рассвет. Киров: Вятка, 2004. С. 76.

²⁴ Доброслав. Об идолах и Идеалах. Б.м.: Новая Земля, 2007. С. 47.

²⁵ «Возвращаясь к пониманию Мира нашими Предками, нельзя это понимание полностью, буквально и механически переносить в наше время. Нельзя брать прежнее, закатное Язычество один к одному и опять воссоздавать... Следует брать у Древних лишь подход, сам принцип и их основное убеждение, подхваченное современными экологами: ПРИРОДА МУДРА И ВСЕГДА ПРАВА, надо вернуть самое главное – взгляд на Природу, как на ЕДИНОЕ С ЧЕЛОВЕКОМ ЖИВОЕ И РАЗУМНОЕ БЫТИЕ» (Доброслав. Природолюбивая религия будущего. С. 15–16).

²⁶ «Жрецы – просто чиновники при культе, заведующие жертвоприношениями и всяческой боговщиной. А Волхвы – это качественно иное понятие. Во времена христианизации Руси Волхвы были уже пережитком общинно-вечеревого строя, отшельниками – ведунами и ведьмами» (Письмо А. А. Добровольского Р. В. Шиженскому от 06.12.2007. С. 2. Из личного архива автора).

²⁷ Доброслав. Мать-Земля: чудо-чудное, диво-дивное. Б.м, б.г. С. 50.

функция перейдёт к отцам семейств)²⁸, они же ответственны за обучение славянского этноса²⁹. Принципиально важным является тот факт, что волхвы, помимо традиционного религиозно-бытового функционирования, наделяются Добровольским и функцией социально-политической институализации. В работах отшельника славянские «языческие менторы» – духовные лидеры нации, главные руководители вечевых собраний. С принятием новой веры – первые борцы, инициаторы народных восстаний³⁰. Доброслав отмечает, что и волхвы, наряду со старейшинами, отцами семей, – представители религиозной знати, чей статус, положение в обществе перекрывали все претензии на лидерство со стороны светских лиц³¹. Не менее значимо, что конструируемый теократизм Добровольского воинственен. Волхв не только пастырь, но и ратоборец, несущий, а если необходимо, отстаивающий и насаждающий «Воинствующую Добрую Волю».

В свою очередь типологизация Доусона в интерпретации Сперанского также позволяет обнаружить три искомых архетипа. Посредничество между обществом и богами, Велимир осуществляет как через организацию и проведение празднично-обрядовых мероприятий, так и через массовое изготовление (по Сперанскому – «священнодействие») идолов (чуров) и столбов-записов³². По мнению волхва, во время работы мастер может общаться только с представителем своего ремесленного цеха, он не должен ругаться, вспоминать обиды, «его подспудная душевная работа должна быть чистой»³³. К области индивидуальной мистической практики относится и определённый настрой работника на всём протяжении творения: «...мастеру следует в течение нескольких дней мысленно поддерживать свою связь с божеством, которому он собирается изваять идол. Связь в данном случае означает внутренний диалог с ним, а также внимание к своему поведению, к мыслям, к готовности работать и способности хранить и уточнять внутри себя будущий образ... Переход в состояние, когда мастер под руками обнаруживает не тёсаное бревно, а уже воплощение бога, может быть очень

---

²⁸ Доброслав. Язычество как волшебство. Киров: Вятка, 2004. С. 10.

²⁹ Доброслав. Язычество: Закат и Рассвет. С. 10.

³⁰ Доброслав. Волхвы. Б.м., б.г. С. 13.

³¹ Там же.

³² «Типичным символом, обозначающим место присутствия богов, является столб – Запис. Это колонна фаллических очертаний, с четырёх сторон которой изображены символы языческой веры. При установке её ориентируют по сторонам света, на восход и заход светила» - Сперанский Н., Ермаков С. Святилище. Место. Боговы столпы. О священном месте в русской языческой традиции. М.: ИЦ «Слава!», 2009. С. 83.

³³ Там же. С. 92-93 и далее.

быстрым. Ещё пять-десять секунд назад всё казалось обыденным, и вдруг... мастер не один, на него глядит изваянный им образ. И не просто глядит, но и говорит с ним. Мастер чувствует это. Его мысли меняются. Иногда начинает дрожать рука, плывёт сознание, не хватает воздуха...»³⁴. Если не брать во внимание идолы, изготовленные Сперанским до входа в язычество, то, согласно воспоминаниям респондента, общее количество авторских чуров и записов современного волхва-резчика в настоящее время превысило тридцать изваяний. Славянский пантеон в деревянной скульптуре духовного лидера «Коляды Вятчей» представлен изображениями богинь Лады и Мокоши, богов – Святовита, Ярилы, Дажьбога, Велеса, Чернобога. Кроме того, центральное место в жреческом образе Велимира занимает религиозная экстатичность, терминологически характеризующаяся в языческой среде XXI века как «радение». Одним из искомых результатов погружения в изменённое сознание становится непосредственное общение прозелита с божественными сущностями: «По рукам как бы бежит вода, она стекает вниз с пальцев на землю и заставляет легко дрожать холодеющие руки. Вода понемногу обессиливает меня, ослабляет связь с этим миром, зовёт одновременно к движению и к дремоте. Пора. Надеваю маску. Стучу, реву, сзываю всех. Бубен не жалею... От самого себя ощущение, как от ракеты при старте... Мы не на земле, но и не над деревьями. Где-то в промежутке. Осматриваю своих духов. Здесь полная тьма. Теперь они в полноте видения. Всех называю, расспрашиваю о здоровье... Нам надо войти в Навь. Увидеть предков. Передать свой привет и расспросить о тайнах бытия... Взываемся над капищем уже легко...»³⁵.

Второй архетип, реализуется Сперанским посредством собственной периодического издания «Газета этнического возрождения «Дерево Жизни» (выходит с 2003 года), руководство языческой группой «Коляда Вятчей» с 1998 года, публичных выступлениях (с 1992 года) и работой над программными документами язычников, в частности, над «Русским языческим манифестом»³⁶ и т.д.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение пророческой (провидческой) составляющей мировоззрения Велимира. Одна из частных (пошаговых) проявлений языческой ментальности группы, возглавляемой волхвом, отражена в знаковой фиксации всевозможных примет, случаев,

---

³⁴ Там же. С. 88-89., 95-96.

³⁵ Влх. Велимир. Дар шаманизма – дар волхования. М.: Велигор, 2012. С. 314-315.

³⁶ Подробнее см.: Шиженский Р.В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского). – 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Поволжье. 2015. С. 38, 42 и др.

знаков, знамений и чудес. Исходя из данных текстов, содержащих описание подобных явлений, языческие приметы выполняют несколько функций. К таковым относится непосредственно мифологическая (мифотворческая функция) – знамения являют собой зримую волю божества, олицетворяют фактическое присутствие высших сил на обряде. Реализация религиозно-практической функции заключается в выборе места для создания культового сооружения (капища)³⁷, появлении дополнительного стимула в выработке общего настроения на обрядовое действо, «погружении» в миф, снятии дискомфорта преград психологического и духовного порядка у неопитов, создании новоязыческого сборника сакральных чудес³⁸, возможно, с целью утверждения и подтверждения истинности мировоззренческого выбора. Ещё одна группой языческих знамений связывается общинниками «Коляды Вятчей» с появлением на территории капища живых существ: птиц, животных. В «Слове об идолах» Велимир обращается к историографии вопроса, пытается найти рекомендации по отношению к «гостям» в священных местах. Несмотря на неудачу в источниковом поиске, языческий идеолог выносит следующий вердикт: «В наше время наличие птиц при капищах считается естественным явлением. Птицам не препятствуют кормиться с алтарей богов...»³⁹. В качестве положительных знамений выступают случайным образом обнаруженные объекты. Как пишет Сперанский, во время подготовки капища необычные предметы, найденные на выбранной под комплекс территории, автоматически включаются в священное пространство⁴⁰. Естественным образом в поле языческих знаков помещается и «дом божества» – его рукотворное изображение. Нарративы Велимира, соратников волхва свидетельствуют об отсутствии хронологических ограничений в проявлении «идольских знамений». Не связаны они и с какими-либо чётко зафиксированными этапами «жизни» установленного кумира. Чудо может сопровождать сам момент водружения

---

³⁷ «Для обряда выбирается место, которое впоследствии может стать постоянным. Если мы ощущаем от проводимых на новом месте обрядов благо, то со временем на этом месте возникает капище» - Велимир. Нравственная книга: каким родноверу быть и почему. Троицк, 2012. Брошюра №11. С.72.

³⁸ Сперанский подчёркивает значимость устной и письменной передачи молодёжи всего необычного, связанного с существующими и действующими капищными комплексами. См.: Велимир. Слово об идолах и святых местах языческой веры. Троицк: Коляда Вятчей, 2013. Брошюра №12. С. 30.

³⁹ Велимир. Слово об идолах и святых местах языческой веры. С.29.

⁴⁰ Во время обустройства капища в Битцевском парке (сентябрь 1999 года) находкой подобного рода стал череп собаки. См.: Влх. Велимир. Русское язычество и шаманизм. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2006. С. 468.

символа божества и заключаться в содействии высшей силы процессу. Оно же фиксируется и во время уничтожения языческих святынь, проявляясь в защите идола (его части) от последствий воздействия огня⁴¹.

Во многом идентичны представлениям Добровольского «пророческие» взгляды Сперанского на будущее и место, занимаемое волховским сословием в конструируемой языческой утопии. В соответствии с текстами вторичных источников – работ современного волхва – будущее показано исключительно в формате негативной эсхатологии. Грядущие изменения будут вызваны рядом катастроф: экологической, цивилизационной, национальной и расовой. Природный катаклизм⁴² спровоцирует развитие ресурсного дефицита, в первую очередь нефтяного, и, согласно одному из сценариев «Коляды Вятчей», приведёт современные государственные образования, а вслед за ними и цивилизацию в целом, к закономерному краху. Место существующих управленческих институтов займут местечковые авторитеты – новые феодалы, собирающие с деморализованного населения натуральный оброк⁴³. Соответственно, во главу сословия языческого духовенства современности Велимир ставит волхвов – сильнейших из жречества, обладающих, согласно его представлениям, рядом специфических черт. Во-первых, в соответствии с данными нарративов автора и его соратников, данному институту свойственны черты сакрализации и мифологизации. Волхвы обладают элементами шаманской техники (путешествуют между мирами), молятся богу Велесу и почитаются простыми людьми наравне с богами⁴⁴. Во-вторых, религиозное первенство волхвов в сохранении и приумножении опыта и знаний Сперанский дополняет национальной (этнической) ориентацией

⁴¹ «Когда подняли изваяние [Лады] для установки в яму, то оно чудесным образом встало вертикально из лежачего положения само, с нашими минимальными усилиями, и сразу ликом туда, куда хотелось» - Велимир. Богиня Лада в Долине Водопадов // Дерево Жизни. Газета этнического возрождения. Троицк, 2010. № 50. Во время установки идола Велеса (осень 2011 г. Лосиный Остров) по мнению язычников, некую силу проявили алтарные камни,двигающиеся в сторону капища практически самостоятельно. См.: Дерево Жизни. Газета этнического возрождения. «Коляда Вятчей», 2012. №52. Уцелевшей от рук поджигателей, оказалась голова идола Дажьбога. См.: Восстановлено капище в Царицыно! // Дерево Жизни. Газета этнического сопротивления. Троицк -1, 2004.

⁴² «Океан выйдет из своих берегов. Засухи будут сушить тропическую растительность, в Сибири вечная мерзлота разольётся великим морем. Бури и смерчи будут так же часты, как и дожди сегодня» - Влх. Велимир. Дар шаманизма – дар волхования. С.365. Убеждённость в конце этого света фиксируется в текстах «Коляды Вятчей» практически с момента образования общины. См: Васильев М.С, Потапов А.Л, Сперанский Н.Н. Язычники отвечают. Троицк: Трoвант, 1999. С.7.

⁴³ Мезгирь, Велимир, Пересвет. Суть языческой веры. Б.м., 2008. Брошюра №8. С.31-32.

⁴⁴ Там же. С.11.

высшего языческого духовенства. Кроме того, волхвы независимы и от официальных государственных управленческих режимов прошлой Руси и современной России. Будучи более тысячи лет в оппозиции, они сами, согласно текстам Велимира, могут обладать вполне осязаемой экономической и политической властью и даже претендовать на звание народного лидера. Языческий образ жизни по правилам волховского вождизма, по Велимиру, предполагает следование принципам структурированной группы (стаи) с активным участием рядовых членов при авторитете лидера – открытого примера для остальных. Вместе с тем, политическая роль волхвов в государственной языческой системе будущего мыслится Н.Н. Сперанским и в несколько ином ключе. Представляя «следующую» Россию как независимое социалистическое государство с думвиратом в виде народного собрания и монархии, младоязыческий лидер наделяет монарха жреческим функционалом. Волхвы же в данной системе должны представлять отдельный гуманитарный институт, напрямую не связанный с властью⁴⁵. Отметим, что духовное избранничество жрецов и волхвов позволяет им позиционировать себя не только политическими лидерами нации, но и её учителями. Так, языческое религиозное сословие, с точки зрения лидерского коллектива «Коляды Вятичей», ответственно за определение меры погружения человека в цивилизацию. К этому следует добавить и личное мнение Велимира о накоплении культурных ценностей языческой традиции через осмысление и практическую реализацию «рядовыми нативистами» мистического опыта волховского сословия⁴⁶. В прогнозируемом будущем языческая элита позиционируется ещё и как общечеловеческий мессия, призванный сформировать духовность следующих поколений⁴⁷.

Незначительные различия в «процентовке» значимости доброславовских и велимировских жреца и царя находят объяснение в диаспоральном языческом признании рассматриваемых лидеров и специализации последних. Если Добровольский во многих случаях выступал общепризнанным лидером – «русским язычником №1», стоящим у истоков движения и, как следствие, во многом сформировавшим его как определенно организованную систему,

---

⁴⁵ Волхв Велимир. Родноверие. М.: Самолёта, 2012. С. 94.

⁴⁶ Мезгирь, Велимир, Пересвет. Суть языческой веры. С.14.; Велимир. Дарна – учение о жизни в Природе и обществе. Троицк: Тровант, 2009. С. 49.

⁴⁷ «По-видимому, мы призваны сформулировать духовность будущей цивилизации, суть которой в частичном возвращении к традиционному обществу, и балансу между традиционным обществом и государством» - Мезгирь, Велимир, Пересвет. Суть языческой веры. С.31.

то Сперанский в религиозно-политической карьере ограничился духовным руководством отдельной общины и в настоящее время перешёл в весьма распространённую в молодёжнической среде категорию язычников-индивидуалов⁴⁸. Вместе с тем, категории жреца и пророка представлены в мировоззренческом базисе Велимира значительно полнее. Последнее, в том числе, может свидетельствовать о трансформации, определённого рода апгрейде язычества, совершённого лидерами второй волны. В той или иной мере разработав и приняв символику, структуру, источниковую базу, элементы и т.д. нативистское поколение Велимира сосредоточило своё внимание на «внутреннем язычестве»: действенной системе обрядовых и праздничных практик.

Таким образом, концепция изначальных сакральных архетипов Доусона (жрец, царь, пророк), находит отражение в биографиях первых представителей лидерской страты современного русского язычества. Кроме того, архаичные носители религиозных знаний присутствуют в утопиях Добровольского и Сперанского, обретая в текстах идеализированный статус, не приобретённый их создателям в жизни. В обоих случаях, в источниках первого и второго порядка, наблюдается функциональный синкретизм новых жреца-царя-пророка.

Детализируя «портрет» религиозной классовой, К. Г. Доусон выделяет следующие элементы, подконтрольные жречеству: поддержание отношений между обществом и божественными силами; образование общины; учёность; сохранение сакральной традиции⁴⁹. Последняя включает священные литературы, философию, кодекс ритуала и церемоний. Языческий базис рассматриваемых идеологов безусловно включает все перечисленные категории, исключая сохранность. Не только исследователи современного политеизма, но и сами носители данного мировоззрения признают новизну язычества XX-XXI веков⁵⁰. Отметим, что Добровольский и его окружение попытались практически реализовать идею создания языческой общины,

---

⁴⁸ К примеру, согласно проведённому опросу язычников, собравшихся на Купальский праздник 2015 года, преобладающее число политеистов — 321 человек из 429 (74,5%) не являются членами общины структуры. Соответственно, лишь 61 респондент (14,2%) состоит в той или иной языческой организации. Шиженский Р. В., Тютин О. С. Самоидентификация славянских язычников: социальный портрет, государство и образ лидера (по данным полевых исследований) // Новейшая история России. Спб., 2016. №1. С. 202.

⁴⁹ Доусон К. Г. Религия и культура. С.92.

⁵⁰ Доброслав. Природолюбивая религия будущего. Киров, 2004. С. 15.; Щеглов А.М. Возвращение богов. М., 1999. С.3.; Бенуа А. де. Как можно быть язычником. М., 2004. С.200. и др.

стараясь максимально отдалиться от довлеющих рамок городской цивилизации. Соответственно, группа Сперанского, несмотря на проекции закрытых языческих монастырей, с момента создания выбирает и активно разрабатывает (подтверждением служит, в том числе, определённая «педантичность» в ежегодных торжествах в честь календарных «свят» – праздников) именно вариацию городского язычества. Урбанистическое русское язычество является организационной доминантой и в настоящее время⁵¹.

В разделе «Пророки и предсказание» английский мыслитель выводит еще две весьма важные составляющие связанные с жреческим образом. Первая из них – взаимозависимость ордена служителей культа и религиозной традиции: «Во всех этих отношениях духовный класс формирует сакральную традицию, связывающую всю культуру воедино и накладывающую на нее свой характерный отпечаток, и сам, в свою очередь, этой традицией формируется»⁵². Применительно к пионерам современного отечественного язычества принцип «Когда долго всматриваешься в бездну, бездна начинает всматриваться в тебя» проявляется в степени отражения идей «первозычника» Доброслава в творчестве и жизненной позиции Велимира. Последний посещает Купальский праздник Добровольского, принимает от него языческое имя. Сам неофит объясняет выбор кандидата для проведения одного из важнейших действий современного язычества почтенным возрастом Добровольского (55 лет) и нежеланием быть самозванцем: «Доброслав всех нарекал – объединял этим в единый Круг, и я воспользовался этим, чтобы наречься у него Велимиром. После этого, уже через много лет мне стало ясно, что есть «самозванцы» и есть наречённые. И у наречённых есть какая-то невидимая опора в душе, которой нет у самозванцев, независимо от их «величия» или вклада в родноверие»⁵³. В целом, отношение Сперанского к

---

⁵¹ См. подробнее: Шиженский Р. В. Современный языческий рейтинг исторических деятелей России (по данным полевых исследований) // COLLOQUIUM NEPTAPLOMERES: Научный альманах. – Выпуск II. Составители: А. А. Бесков, Р. В. Шиженский. – Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2015. С. 21.

⁵² Доусон К. Г. Религия и культура. С. 108.

⁵³ Шиженский Р.В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского). С. 39. «Моё отношение к Доброславу – сложное... И я всё же тогда попросил его имянаречь меня. Ну, просто не было никакого человека в возрасте, кто мог бы это сделать. Мне не хотелось быть самозванцем, каковыми сегодня являются Селидор, Велеслав, Всеслав-Чародей, почивший дед Остромысл, и т.д.» - интернет-переписка с Н. Н. Сперанским от 23.12.2010. Из личного архива автора. Дневник Велимира сохранил описание обряда, включающего следующие элементы: очищение, посвящение, принятие в род и наречение именем. Подробнее см.: Влх. Велимир. Русское

старейшине отечественной «природолюбивой религии» можно оценивать как двоякое. Положительным в деле Доброслава Велимир считает пропагандируемый культ растений, «возвышенную созерцательность», представление о язычестве как о «естественной духовности русского народа»⁵⁴. Немаловажное значение для волхва «Коляды Вятчей» имеет отшельнический опыт Доброслава, отказ от материалистически-потребленческой жизни в столице⁵⁵. Отмечает Велимир и вклад языческого старейшины в дело совершенствования современной молодёжи⁵⁶. Безусловно, сложное отношение Сперанского к Добровольскому подчёркивается наличием ещё одной стороны доброславовского мировоззренческого базиса, являющейся, по мнению Велимира, основной. Подчёркивая, что «первый лик» васенёвского затворника, «природолюбивая сторона» – не маска, а часть его сущности, идеолог «Коляды Вятчей» переходит к критике реверса концепции основателя РОДа. К неприемлемой части концепции Доброслава Велимир относит идею национал-социалистической революции, сопряжённую с ломкой всего существующего и последующим установлением расовой диктатуры⁵⁷. Неудовлетворительным волхв считает и отношение Добровольского к человеку как индивиду: «...наше язычество до сих пор не проявило интереса к личности русского человека. Апостолом языческого социализма, т. е. язычества, игнорирующего личность, оказался Доброслав»⁵⁸. Безусловно, ни соратником, ни учителем

язычество и шаманизм. М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2006. С. 523-524. Об особенностях данной обрядности как религиозного конструкта языческих лидеров XX-XXI вв. см.: Шиженский Р. В. Христианское таинство и неоязыческая обрядовая практика (к вопросу об обряде «фаскрещивания» и «имянаречения» в русских родноверческих организациях) // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России: материалы Всероссийской научной конференции 14-16 мая 2008 г. Н. Новгород: НГПУ, 2008. С. 317-321.

⁵⁴ «С одной стороны, Доброслав – творец «Арома-йоги». Творец учения йоги ароматов, когда человеку предлагается приблизить себя к интимному миру растений, их запахов и жизни. В результате появится благоговение перед растениями, которое поведёт человека к совершенству». Патриотизм и личностное совершенство // Дерево Жизни. Троицк, 2008. № 34.; Велимир. Смысл и перспективы языческого движения // Дерево Жизни. Троицк, 2009. № 44.

⁵⁵ Интернет-переписка с Н. Н. Сперанским от 30.12.2010. Из личного архива автора.

⁵⁶ Интернет-переписка с Н. Н. Сперанским от 23.12.2010. Из личного архива автора.

⁵⁷ Влх. Велимир. В гостях у Доброслава // Русское язычество и шаманизм. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2006. С. 517. Данное утверждение было оспорено Добровольским в опубликованном в «Дереве Жизни» письме «Слава Яриле!». См.: Слава Яриле! // Дерево Жизни. Троицк, 2008. № 38.

⁵⁸ Патриотизм и личностное совершенство. Указ. соч.

Велимира кировский отшельник считаться не может. Однако и купальское наречение 1993 года, и продолжавшаяся вплоть до 2008 г. переписка, и посещение Сперанским московских лекций Добровольского в начале 2000-х⁵⁹, и, наконец, сам факт двойственного отношения к мировоззрению вятского языческого идеолога позволяют говорить об определённой степени влияния идейного комплекса Доброслава на язычество Велимира. Кроме того, Сперанский использует лозунг Доброслава – «Природа. Родина. Народ», фиксируемого уже в первой изданной работе кировского пантеиста «Стрелы Ярилы»⁶⁰. Соответственно, первое поколение язычества XX века в лице Добровольского формирует существующую традицию «язычества Сперанского». При этом возникшая «лествица» и в настоящее время продолжает функционировать. К примеру, практически все славянские языческие общины России на обрядах активно используют бубен – инструмент, введенный в практическое язычество организаций центральной России Велимиром⁶¹.

Вторая составляющая, непосредственно связанная с жречеством, формулируется Доусоном следующим образом: «... в каждой культуре этот класс определяет и канонизирует человеческие образцы, которые рассматриваются этой культурой в качестве духовных норм или идеалов морального превосходства»⁶². Тема «языческих святых» возникает в

---

⁵⁹ «Был случай. Доброслав приехал в музей К. Васильева читать лекцию, лет 10 назад... Я протиснулся через людей и с перил свесился в зал, так чтобы его увидеть. Он вдруг увидел меня глазами, потом чуть ли не ткнул в меня пальцем, и вдруг заговорил уверенно и сильно. Т.е. моё присутствие сняло с него то массовое неприятие, которое глядело на него со всех сторон глазами московских кисейных барышень и гнилых интеллигентов. Ему необходим был хоть один свой человек, ДЛЯ КОТОРОГО ОН ГОВОРИТ, и который его понимает, разделяет его идеи» - интернет-переписка с Н. Н. Сперанским от 23.12.2010. Из личного архива автора.

⁶⁰ Сравни: «Народ. Родина. Природа – едины, ибо корень один – древний языческий Род» - Добровольский А. Стрелы Ярилы. Пушино, 1989. С.19. и «Потому русские язычники ставят вместе три слова: Природа, Родина, Народ. Эти слова оказываются однокоренными, в их основе лежит один общий корень – имя божества: Род» - Влх. Велимир. Русское язычество вчера и сегодня. Доклад, прочитанный влх. Велимиром на Мировом Конгрессе Этнических религий в Вильнюсе в июне 1998 г. // Русское язычество и шаманизм. С. 334-335.

⁶¹ «Как будто, начал первым работать с бубном я на Луговой в 1998 году. Кожу на бубен купил на рынке в Измайлово в лавке с музыкальными инструментами. А обруч скрутил из фанеры. Кожу намочил и натянул, прибил... На это моё первенство в использовании бубна на обрядах, мне позднее указал Велеслав [И. Г. Черкасов, волхв общины «Родолюбие»]» - Интернет-переписка с Н. Н. Сперанским от 18.08.2016. Из личного архива автора.

⁶² Доусон К. Г. Религия и культура. С. 108.

отечественном язычестве с момента его зарождения одновременно с идеологией прошлого/будущего «золотого века» и конспирологической концепцией-доминантом. Отметим, непосредственным порождением младоязыческой конспирологии следует считать целую плеяду антигероев, выступающих в роли естественных антагонистов «языческих святых». Героические образы как неотъемлемая часть новоязыческой мифологемы, формирующегося мировоззрения ярко представлены на страницах авторских работ Доброслава. Остановившись на выделяемых Добровольским личностях русской истории, прежде всего, следует отметить киевского князя Святослава Игоревича. Вслед за большинством идеологических лидеров отечественного варианта движения Доброслав отмечает своеобразную исключительность эпохи Святослава и даже считает Русь времён правления сына Игоря «языческой Державой». Убийство Святослава рисуется не как политический ход верхушки Византийской империи, боявшейся возрастающей мощи своего соседа, а как реакция христианской державы, не способной с помощью силы оружия подчинить вольный народ и вынужденной ради закабаления Руси уничтожить главного защитника языческой веры. Кроме отдельных индивидов, нарративы А. А. Добровольского содержат целый перечень племён, социальных групп, сыгравших, по его мнению, не последнюю роль в русской языческой истории. Одно из центральных мест в данном перечне, безусловно, занимает балтийское племя руян, населявших в Средневековье остров Руяну (современный Рюген). «... В 1168 г. датский король Вальдемар I, науськиваемый епископом Абсаломом, штурмом взял крепость и сжег дотла вместе со Светилищем. В пламени заживо сгорели последние защитники храма. **НО ПЕПЕЛ ОТ ЭТОГО КОСТРА ДО СИХ ПОР СТУЧИТ В НАШИХ СЕРДЦАХ!**»⁶³. В разряд героических племён попадают и восточнославянские вятичи, и балтийские лютчи (вильцы). Вслед за племенами, попытавшимися противостоять христианству открыто, силой оружия, на историческую арену выходят скрытые борцы с чужеродной религией: скоморохи, последователи еретических течений, бунташный народ XVII века и даже казачество. Безусловно, основной идеей, объединяющей перечисленные славянские племена, следует признать степень сопротивления

---

⁶³ Доброслав. Зов Туле. Б.м: Хлыновский экспресс, 2006. С. 26–27. Проблема исторической судьбы руян, их главного религиозного центра – города-храма Арконы – уже несколько лет является центральной в современном русском языческом движении. Так, участники Битцевского обращения (Битцевское обращение было принято 17.03.2002 родноверами, собравшимися на Чертановском капищном комплексе в г. Москве. Основная цель «Обращения» – объединение и сотрудничество языческих общин России и зарубежья) приняли дату падения города Арконы за основу своего календаря.

последних надвигающейся христианизации, степень жертвенности во имя сохранения былого мироустройства.

В свою очередь, Велимир, по аналогии находя героев в историческом прошлом (шаманы, стригольники, прыгуны, хлысты), выделяет и современных достойных подражания представителей героики. В качестве примера жизни общества в согласии с традиционным общинным правилам языческий автор приводит опыт российских северных окраинных территорий, живущих в определённой изоляции от власти. К плюсам автономного существования северян Сперанский, кроме жизни «по традиции», относит: вечевой способ управления, предполагающий рассмотрение дел на общинном сходе, при фактическом отсутствии контроля со стороны официальных властей: «попов, полиции и чиновников»⁶⁴. Копная форма самоуправления, первоначально являющаяся достоянием превозносимого волхвом родового архаического строя, по Велимиру, находит своё продолжение в нравственных идеях социализма. С крушением коммунистического режима, неправильно понявшего суть социальной справедливости, «правильный социализм» сохранился в идеологических программах русского младоязычества. Особо следует подчеркнуть тот факт, что язычество, априори преподносимое общинным лидером как мировоззрение народное, изначальное и единственно верное, оказывается в «вечной связке» с вечевым институтом, хронологически переходя из одной исторической эпохи в другую.

В главе «Элементы религии: бог и сверхъестественное», анализируя категорию трансцендентного, Доусон приходит к выводу о наличии теснейшей связи между религией и потусторонним, недоступным познанию через традиционный опыт. По мнению философа, трансцендентность характерна для всех религиозных сообществ, от первобытных групп до объединений мистиков. Именно трансцендентное Доусон считает «голубой кровью религии» – «остаточным элементом подлинного религиозного опыта»⁶⁵. Индивиды, обладающие безличной силой, становятся религиозными лидерами, интеллектуальными учителями общины. Примерами вхождения в концепцию откровения (первичный источник религиозной истины, предшествующий, согласно гипотезе автора, интуиции и разуму), общения с высшими силами в работе английского исследователя выступают: мим (танец), транс, пост, музыка и песнопения. Религиозные концепты Добровольского и Сперанского представляют яркий пример, иллюстрирующий действующую языческую трансцендентность. По аналогии

---

⁶⁴ Велимир. Дарна – учение о жизни в Природе и обществе. С. 52.

⁶⁵ Доусон К. Г. Религия и культура. С. 78.

с историческими «маниту», «йоком», «вакондой» первые язычники современной России наделяют определённым термином практикуемый вне посясторонний опыт. В нарративах политеистов трансцендентное обозначается как «дарна» и «сила».

«Дарна» – набор фундаментальных положений языческой философии Н. Н. Сперанского, зафиксированных в большинстве авторских работ последних четырнадцати лет⁶⁶ и представляющих, таким образом, определённый мировоззренческий инвариант Велимира. Сам термин «Дарна» (гармония) заимствован Велимиром из литовской традиции⁶⁷. Вместе с тем, «дарна по-русски» значительно превышает «лимит» первоначального литовского варианта гармонии. Население способно приобщиться к дарне как состоянию постоянному, вневременному через набор действий, характеризующихся волхвом как понятие аскезы. Цель языческой духовной практики – раскрытие сопричастности человека природе (чувствованию природы изнутри)⁶⁸. Содержание должного временного возвращения человека в естественную среду обитания (в соответствии с текстом брошюры Велимира «Дарна») базируется на внутреннем мистическом этапе, включающем: 1. поиск места для установки лагеря, подходящего для налаживания контакта с духами (родина предков, окрестности родной деревни, место, близкое духовно); 2. ступенчатая реализация трёх уровней языческой аскезы: а) индивидуальная «работа с огнём костра». Обряд содержит: непосредственный набор действий-жертвоприношений и молитвенную традицию в виде прошений, славлений. Обретение дарны в привычном мире становится возможным через мысленный настрой на состояние покоя, ощущаемого при горении костра; б) индивидуальная «работа с ночным лесом». Обряд включает: обретение природного страха и самостоятельное избавление от него. Достижение внутреннего настроя через слуховой анализатор и дыхательную технику. Молитвенную традицию – прошение, обращённую к богине Ладе; в) индивидуальная «работа с естественной водной средой». Обряд включает:

---

⁶⁶ Первое упоминание термина (не считая дневниковых записей) встречается в брошюре 1998 года «Международные отношения общества «Вятичи»», последнее – в работе «Нравственная книга». Подробнее см.: Сперанский Н. Н. (влх. Велимир). «Международные отношения общества «Вятичи»». Брошюра №3. Троицк, 1998.; Велимир. Нравственная книга: каким родноверу быть и почему. Троицк, 2012. Брошюра №11. С. 14., 43-45. и др.

⁶⁷ В работе «Harmony and Morality» Йонас Тринкунас – лидер литовских язычников, разработчик данного термина связывает, с дарной следующий понятийный ряд: «делать, работать, урожай, идти вместе, согласие (лад), нравственность» - Trinkūnas J. Baltic religions today. Vilnius: Senovės baltų religinė bendrija. 2011. P. 23.

⁶⁸ Велимир. Дарна – учение о жизни в Природе и обществе. С. 36.

погружение в ночной водоём, первобытный страх от приобщения к «потустороннему ничто». Кроме индивидуальных практик, аскеза Сперанского предполагает и работу по обретению дарны в коллективе. Искомое состояние достигается через славления богов, хождения или танце вокруг костра, хлопанье в ладоши, пение песен: «В целом нужно вести себя так, чтобы, не теряя обрядового состояния, довести своё воображение до внутреннего видения образов и свободного рождения слов... Участники сливаются каждый со своим верхним божеством и образуют единое целое в цепи, связывающей этот мир с миром богов. При этом возникает чувство внутреннего света и тепла. Божество, оказывающееся в данном случае над человеком, соответствует его внутренней сути. Поэтому важно, чтобы характеры участников и их достоинство соответствовали выбранному божьему образу... Для участия в такой мистерии участникам требуется провести в лесу, без контактов с домом и человеческим миром, не менее трёх суток. После этого нужно провести в лесу ещё хотя бы одну ночёвку»⁶⁹.

Соответственно, дефиниция, обозначающая трансцендентное в язычестве Доброслава, получила название «сила». В работе «Промыслы Природы и неразумный хомо сапиенс» идеолог заявляет об отсутствии и духовного и материального начал: «По большому счёту, в Природе нет ни духа, ни материи, как таковых, – оба эти понятия искажены идеалистами и материалистами – а есть только одна основополагающая СУБСТАНЦИЯ – СИЛА, проявляющаяся то в форме материи, то в форме духа, и обладающая всеми свойствами, приписываемыми материи и духу»⁷⁰. Абсолютизируя силу, ставя её над рассмотренными категориями, Добровольский акцентирует внимание на нечеловеческом, ином происхождении данной субстанции, восходящей к природе – главному миротворяющему источнику языческого лидера. К проявлению силы в новомифологическом ракурсе можно относить строки работ Доброслава, в которых речь идёт об отождествлении силы с духами, со столь популярным в современном славянском язычестве образе Рода⁷¹. Известен кировскому почитателю природы и способ постижения человеком мировых духов-сил. Единственным

---

⁶⁹ Велимир. Дарна – учение о жизни в Природе и обществе. С. 64-65.

⁷⁰ Доброслав. Промыслы Природы и неразумный хомо сапиенс. Харьков : Сфера, б. г. С. 13.

⁷¹ Среди «духовных существ» А. А. Добровольский выделяет божественных, полубожественных, демонических, эфирных и астральных. См.: Доброслав. Об идолах и Идеалах. С. 12. «Славяне называли эту исходную жизненную СИЛУ, побуждающую ПРИРОДУ к саморазвёртыванию «изнутри», – РОДОМ. ВСЯ ПРИРОДА – САМОПРОЯВЛЕНИЕ РОДА» - Доброслав. Светославие (очерки языческого мироощущения). Киров: Вятка, 2004. С. 37).

способом познания «славянского маниту» Доброслав признаёт познание сердцем, шире – подсознанием⁷². В параллель с выделяемыми Сперанским постом, песнопением и другими элементами, способствующими вхождению индивида в мир бессознательного, Добровольский придает особое значение практике хоровода. Цикличное, спиральное, хороводное, круговое развитие жизненного пути человечества, шире – Вселенной, – идеал исторического развития Добровольского, нашедший отражение в творениях природы, олицетворяющий круговое движение солнца, защитный магический круг. Как отмечает старейшина РОДа, посредством хороводной обрядности человек напрямую общался с «Родными Светлыми Силами»⁷³. Данные книги языческого идеолога позволяют выделить три необходимых условия, способствующих подобному общению: 1. Вращение хоровода посолонь (слева направо); 2. Наличие нескольких хороводных кругов⁷⁴; 3. Соответствующий внутренний настрой участников (психоэнергетическая цепь). Ожидаемым итогом хороводной мистерии должно было стать вхождение участников «коло» в состояние экстаза, «одержания духами»⁷⁵.

Обозначенные выше дефиниции («сила», «дарна») служат в мировоззренческих концепциях А. А. Добровольского и Н. Н. Сперанского своеобразным мостиком к языческой этике. Здесь мы подходим ещё к одному первоэлементу религиозно-культурной концепции Доусона – божественному закону (космическому порядку)⁷⁶. Подобно выделяемым английским исследователям последователям даосизма и конфуцианства, языческие идеологи современной России разработали свою концепцию «мандата Неба».

Так, Добровольский вводит специальный термин – «ПРАВЕДНЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН», под которым подразумевается служба добру: «Высочайший доступный нам Идеал есть, в сущности, не что иное, как беззаветное служение Добру. Творящий Добро получает как бы в награду

---

⁷² Доброслав. Любовь и Смерть. Б.м., б.г. С. 6.

⁷³ Доброслав. Радость Солнцепоклонника. Б.м.: Сфера Интернет, 2003. С. 23.

⁷⁴ «В настоящее время хоровод уже нельзя правильно составить. Должно быть три круга: первый – формируется из дев, второй – из замужних женщин, третий – формируют все остальные. Вращаются круги в разные стороны» (Видеолекция Доброслава. Москва, 09.2006).

⁷⁵ См.: Доброслав. Радость Солнцепоклонника. С. 22–23.

⁷⁶ «Социальный образ жизни основывается на религиозном законе жизни, а этот закон, в свою очередь, зависит от нечеловеческих сил, которые не могут быть познаны каким-либо образом, но которые остаются по сути своей, таинственными, поскольку они сверхчеловечны и сверхъестественны» - Доусон К. Г. Религия и культура. С. 99. См. также примеры «реформ морали»: С. 113., 196, 199 и др.

осмысленность и радость бытия. Так ИСПОЛНЯЕТСЯ НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН ПРИРОДЫ». Историю возникновения «закона» Доброслав помещает во всячески превозносимый им «Золотой Век человечества» – эпоху первобытнообщинного строя. Находит языческий мистик и прообраз главного вселенского регулятора – нравственные заповеди (закон джунглей) мира животных: «Нравственно то, что служит процветанию Рода; безнравственно то, что губительно для него». Закономерным развитием приведённого посыла выступают тезисы о естественном, природном, безрелигиозном происхождении нравственного и о первоначальном слиянии нравственности и культуры в бесклассовом обществе. В деле доказательства дочеловеческого происхождения нравственных категорий (справедливости, альтруизма) Доброслав прибегает не столько к собственному опыту, сколько ссылается на доказательную базу просветителей прошлого, работу представителя французского утопического коммунизма XVIII века аббата Морелли «Code de la nature» (Кодекс природы, или Истинный дух её законов) и книгу теоретика анархизма, историка XIX–XX веков, князя П. А. Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции». Что же лежит в основе нравственного закона с точки зрения языческого идеолога? Основываясь уже на собственном чувственном опыте, Доброслав заявляет: «Подлинная нравственность – это соболезнование и посильная помощь бесправным существам. Именно это и приносит ощущение собственной значимости. Для этого не требуется ни особенного таланта, ни исключительного интеллекта. Человек становится всё более чутким и отзывчивым. ОН СТАНОВИТСЯ ДОБРЕЕ». Таким образом, в основе «праведного закона» вятского язычника находится идея сострадания ко всему живому и кодекс служения добру.

В свою очередь, банком категорий «языческой правильности» Сперанского становится так называемый «Нравственный Закон Рода». Сам просветитель от альтернативной религиозности находит истоки закона в мифологии славян и практике правовых отношений, уходящей в историческое безвременье, эпоху доистории. В первом случае, в качестве источника волхв использует миф «Творения», реконструируемый «Колядой Вятичей» на основе работ А. Н. Афанасьева, Н. М. Гальковского, Д. М. Дудко, фрагмента текста ПВЛ (Повести временных лет), апокрифических сказаниях и анонимного этнографического материала, собранного в северной России, Украине и Белоруссии. Во втором автор выводит появление нравственного закона из жизненной практики человечества, основанной на методе проб и ошибок⁷⁷.

---

⁷⁷ «Весь опыт жизни человечества показывает, что в будущее приходится идти наощупь, всякий раз пробуя и уточняя свое деяние... И точно так же, пробуя и уточняя свои деяния,

Если хронология возникновения Нравственного Закона теряется в мифологемах конструируемого космогонического мифа, то конец действия установок Рода имеет историческую определённую. Сперанский связывает время отступление от закона с эпохой брежневского застоя, временем «советского расслабления»⁷⁸. В качестве исторического транслятора, фиксируемого передатчика знаний, позволяющего сохранить принципы закона Рода, Велимир называет русские народные волшебные сказки. Из классических произведений отдельному разбору, иллюстрирующему действие закона, Сперанский подвергает роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Подвергая тексты собственной транскрипции, языческий просветитель формулирует основные положения языческого нравственного законодательства. В соответствии с ними человек должен: 1. уважать духов природы; 2. иметь высокий уровень нравственного начала; 3. обладать врождённым чувством такта; 4. соблюдать этику в поведении; 5. самоограничиваться; 6. быть готовым переносить тяготы ради друзей и высоких принципов; 7. уметь сохранить в жестоких условиях достоинство и традицию; 8. уметь трудиться; 9. уважать старших; 10. быть честным; 11. понимать, что власть не является наглядной принадлежностью добра; 12. осознавать, что земная жизнь равнозначно ценна жизни в Ирии (языческом рае); 13. признавать превалирование духовных ценностей над материальными.

Подводя итог в рассмотрении особенностей мировоззрения русских языческих идеологов первой и второй волны, с точки зрения концепции К. Г. Доусона, следует выделить ключевые дискурсы, формирующие «нововолховское язычество изнутри». Прежде всего, современные духовные лидеры возрождаемого политеизма осознанно или нет, но вынуждены синкретизировать в своём лице три изначальных религиозных архетипа – жреца, царя (законодателя), пророка (провидца). Соответственно, под их «юрисдикцию» попадает руководство общинами, отправление обрядов (имянаречение, раскрещивание и т.д.), организация просветительских лекториев и праздников (Купала, в целом торжества годового круга), введение в практику священных текстов и символов, создание образов

люди пришли к выводу, что в мироздании утверждён Нравственный закон, следованию которому во все времена учат народная традиция и языческая вера» - Влх. Велимир. Книга природной веры. М.: Велигор, 2009. С. 268-269.

⁷⁸ Велимир, Велеслав, Власов. Путь волхва. Донецк: Каштан, 2007. С. 797. В данной работе языческий лидер приводит ещё два примера мирового зла. Один из них, реализованный, но неудачно – германский фашизм. Второй, оказавшийся более успешным – превращение христианства в государственную религию. - Там же.

пантеона, наконец, разработка апокалипсических и постапокалипсических проекций. Кроме того, именно формирующееся жреческо-волховское сословие, фактически являясь иллюстрацией, наглядным обнародованным примером сегодняшнего язычества, конструирует своё будущее, отводя себе в постэсхатологическом мире роль вождя теократического общества.

Особенностью новых языческих пророков следует признать не только формирование сакральной традиции, выраженной в частности в появлении культа «языческих святых», но и внутри кастовую трансляцию данной традиции, передачу идейного багажа приемникам – языческому «цеховому товариществу». К проявлениям «волховского минимума», набору языческого дидакала будущего, ведущего социум к благоденствию, относится возможность заглянуть, войти в потусторонний мир через трансцендентное (дарну, силу) и реализацию божественного закона.

Волк Sidhe: Пять древнейших животных островных кельтов

*Множество форм я сменил, пока не обрёл свободу
Я был острием меча – поистине это было;
Я был дождевою каплей, я был лучом звезды;
Я книгою был и буквой заглавною в этой книге;
Я фонарём светил, разгоняя ночную темень;
Я простирался мостом над течением рек могучих;
Орлом я летел в небесах, плыл лодкою в бурном море;
Был пузырьком я в пиве, и был я в ручье водою;
Был в сраженьи мечом и щитом, тот меч отражавшим;
Девять лет был арфы струной, год был морскою пеной;
Был языком огня и бревном, в том огне горевшим...*

Строки эти приписываются барду Талиесину,
«Кад Годдех или Битва Деревьев»,
Мабиногион, легенды средневекового Уэльса.
Перевод с валлийского В. Эрлихмана

Кельтская традиция является одним из наиболее ярких примеров тотемической культуры, где любое божество или кто угодно из волшебного народа может принимать облик зверя. В мифологии кельтов легко обнаружить это древнее, архаичное мировосприятие, указывающее на связь всех явлений мироздания, а самые древние из живых существ предстают в облике великих животных. В целом, следы тотемической культуры можно найти в любой традиции индоевропейского корня, и даже более того: именно на примере великих животных, их функций, их роли в мифах, их архетипических проявлений связь всех традиций индоевропейцев и их общая, единая основа становится наиболее очевидна.

В этой статье, на примере легенды о «Килухе и Олвен», а точнее на примере истории о поисках Мабона ап-Модрон, мы рассмотрим, как видели эту связь островные кельты и поговорим о пяти великих животных.

«...И ровно через год после своего отбытия они вернулись ко двору Артура с мечом Гарнаха Великана и рассказали Артуру обо всём, что с ними случилось.

И Артур спросил их:

- Какую же из этих трудных задач должны мы решить первой?*
- Было бы лучше, - сказали они, - сперва отыскать Мабона, сына Модрон.*

И Артур сказал:

- Гурхир Гвальстауд Иэтоэдд, отправляйся на поиски. Ты ведь знаешь все языки и понимаешь, о чём говорят птицы и звери. И ты, Эйдоэл, по праву должен помогать моим людям искать своего родича. Вы же, Кей с Бедуиром, всегда исполняете всё, за что берётесь. Идите же и найдите Мабона, где бы он ни был.

И они пошли прямо к Дрозду из Килгори*. И Гурхир спросил его:

- Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

И Дрозд из Килгори сказал им:

- Когда я прилетел сюда, я был ещё молод, а на этом месте стояла наковальня. Она была заброшена, и лишь я каждый вечер точил о неё свой клюв. Теперь от этой наковальни остался кусочек размером с орех, но прокляни меня Бог, если за все эти годы я хоть что-нибудь слышал о том, кого вы ищете. Но я сделаю что смогу для посланцев славного Артура. Есть ведь твари, которых Господь создал задолго до меня, и я отведу вас к ним».

Дрозд является младшим из пяти первосозданных животных, но неспроста герои приходят первым именно к нему. В кельтской мифологии дрозды всегда выступают союзниками фэйри – волшебного народа. Например, в легенде о Финне мак Кумале, есть история о том, как к смертельно раненому Финну, который лежал в своей лодке с выпущенными кишками, прилетел чёрный дрозд. Дрозд сказал герою, что тысячу лет ждал он такого шанса и принялся клевать его кишки. Финн поразился жестокостью птицы, но спустя несколько мгновений дрозд превратился в маленького фэйри по поведал ему историю о том, как однажды друид покарал его за жадность и превратил в дрозда, наказав ему быть чёрной птицей до той поры пока он не склюёт три капельки жира с кишок человека, который является воином, магом, мудрецом и королем одновременно. Затем фэйри исцелил Финна, ибо незачем благородному мужу умирать столь бесславно и покуда срок его не пришёл.

Часто в мифах дрозды выступают и как помощники кузнецов. Это мы видим и в этом фрагменте легенды о Мабоне – самый древний из всех чёрных дроздов должен прилетать каждый день в кузню и точить свой клюв о наковальню, и покуда он не сточит её в пыль не настанет его последний день. В Шотландии дрозда даже прозывали птичьим ковалем. Чёрное оперение дрозда кельты связывали, видимо, с тёмным пламенем иного мира и об этом тоже есть своя легенда. Когда-то давным-давно ещё снежно-белый дрозд, прознав о сокровищах короля из Иного Мира, нашёл способ попасть в

подземный мир через холмы фей. От вида несметных сокровищ дрозд позабыл обо всех предостережениях и клюнул зачарованное золото, пробудив тем самым огненного стража. От этого жара перья дрозда почернели, а клюв остался навеки позолоченным из-за магии волшебного золота. Так что дрозд приобрёл ещё и функцию волшебного посланника, того, кто способен открыть путь в холмы фей, и провести между мирами, но и связь с огнём он при этом не утрачивает, и существуют и другие легенды, говорящие о том же. Например, есть история о битве воинов фианны с народом богини Дану. В этом сражении ши (sidhe) выпустили на фениев стаю чёрных дроздов, которые садились на грудь и плечи воинов и опаляли их неугасимым пламенем. В Ирландии верят, что дрозд всегда вьёт свои гнёзда вблизи жилищ волшебного народа, или же что сами фэйри уговаривают птиц селиться поблизости, чтобы иметь возможность всегда наслаждаться их пением.

Но не только пение дроздов считалось волшебным, но и сама птица воспринималась, как средоточие жизненной силы. Кельты полагали, что если дрозд потеряет лапку, то непременно отрастит новую, а его мясо помогает заживлять любые раны. В этом же контексте первого дрозда называли плакальщиком по павшим воинам, храбрецам – дрозд не только складывал прощальную песню, но и провожал душу за грань. Так же считалось, что дрозд обладает способностью видеть чужие слабости и уязвимые места – взгляд из-за грани, из Иного мира всегда более зорок.

Таков младший из пяти первородных существ, и именно чёрный дрозд открывает путь в Запределье и героям легенды о Мабоне.

«И пошли они к месту, где пребывал Олень из Рединфре, и Гурхир сказал ему:

- О Олень из Рединфре, мы, посланцы Артура, пришли к тебе, ибо не знаем животного старше тебя. Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

И Олень сказал:

- Когда я пришёл сюда, лишь по одному отростку было на моих рогах, а здесь не росло ни единого дерева, кроме молодого дуба, который с тех пор разросся в дерево с сотней ветвей, и рухнул, и превратился в трухлявый пень, и с того дня до этого я не слышал ничего о том, кого вы ищете. Но я сделаю что смогу для посланцев славного Артура. Есть тварь, созданная Господом задолго до меня, и я отведу вас к ней».

Значимость оленя для кельтов огромна, этот тотем занимает одно из центральных мест в духовных представлениях. Как мы видим из мифа, Олень – одно из пяти первозданных животных. Олень вообще часто ассоциировался с волшебным народом, он выступал, как проводник в путешествиях в иной мир. Такой олень способен провести следующего за ним героя за грань сквозь туман, либо сквозь расступившиеся воды озера, либо через пещеры и подземные ходы. Преследование оленя или лани очень часто приводила человека в мир потусторонний и этот сюжет по всей Европе сохраняется до наших дней. Белые олени и лани имели особое значение, по всем Британским островам очень распространены представления, что любой персонаж из волшебного народа (Aen Sidhe) может превращаться в оленей; такие истории сохранились во множестве.

Эта же значимость оленя хорошо видна в историях о Финне Мак Кумале. Его сын родился от женщины по имени Садб, превращённой в олениху, а сына их звали Оссиан, «Оленёнок», и он был одним из величайших бардов и воинов своего времени. Даже посвящения в фениев (воинов дружины Финна) возможно имело форму, имитирующую оленью охоту: соискатель заплетал волосы в две косы, которые символизировали рога, и он должен был доказать свою ловкость, скорость и силу, скрываясь от преследующих его фениев. Есть ещё легенда о сражении Финна с королём Донном (имя Donn означает «Тёмный», и считается что это ирландское божество идентично валлийскому Гвин ап-Нудду (Gwyn ap Nudd). Донн умел превращаться в огромного оленя и пас на своих землях оленьи стада. Это ещё один общий и важный мотив – когда божество выпасает оленей, скот божественных существ. Например, в Шотландии есть множество историй о великой оленьей старухе Кайлех Мор Нам Фиа (фия – олень). Она в горах пасёт свои оленьи стада и доит олених. Оленьё молоко у кельтов – символ плодородия, и люди просили у неё это молоко для плодovitости, как своей собственной, так и домашних животных. Кроме того, существует красивый и широко распространённый по всей Европе миф о Дикой Охоте и её предводителе Керне Охотнике. Вообще, тема Рогатого Бога настолько широка, что, пожалуй, мы отложим её для отдельной статьи.

«И они пошли к месту, где жила Сова из Кум-Каулуд.

- О Сова из Кум-Каулуд, - сказали они, - мы посланцы Артура. Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

- Если бы я знала, я сказала бы вам. Когда я появилась здесь, поле, что вы видите, было лесистой долиной, и люди пришли и вырубили лес. Потом здесь

вырос другой лес и за ним третий; и за это время мои крылья иссохли, и я не могу больше летать. Ни разу с тех пор я не слышала о том, кого вы ищете. Но я сделаю что могу для посланцев славного Артура. Я отведу вас к самой древней из тварей этого мира, к Орлу из Гвернабви».

Восприятие совы у кельтов, если судить по сохранившимся текстам и фольклору, было преимущественно негативным. И огромное количество историй о совах говорит так или иначе об отступлении от правил или нарушении границ дозволенного, когда нарушившее некие законы существо превращается в сову-изгнанницу – такой, например, была история о Блoduэдд, Цветочноликой жене Ллеу Ллау Гифеса, которая изменила ему и пыталась убить своего законного мужа. Но тем не менее сова также является одним из первосозданных, древнейших животных, она старше даже оленя, хотя и младше лосося. И, вероятнее всего, её значение в друидической традиции было весьма высоко, хотя сейчас найти эти следы не так легко. Сов очень часто упоминают, как спутниц дикой охоты (сов, филинов, неясителей, ушастых сов, сипух). Сова всегда следует за Рогатым Охотником и помогает ему ловить души. Сова – это птица старухи-ведьмы Кайлех, и самих сов называли Кайлех-эйхе (ночная старуха или ночная ведьма). Из-за тёмного восприятия Дикой Охоты и страха перед ней, сову на Британских островах люди стали считать вестницей бед и несчастий, хуже неё из птиц была только выпь. Из-за того, что на территориях островных кельтов хорошо распространена ушастая сова, она стала связываться в народных представлениях с дьяволом или с Рогатым хозяином леса. И сову даже называли Паком (это один из многочисленных и весьма проказливых лесных духов, от которого никогда не знаешь, чего ждать – добра или худа). Совы очень часто ассоциировались с ведьмами и колдовством в целом. Латинское слово *Stryx*, «неясить», связано со словом *стреха* – ведьма, а также со *стригиями* – близкими к вампирам существам с Балканских островов.

«И Гурхир сказал:

- О Орёл из Гвернабви, мы посланцы Артура. Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

И Орёл ответил:

- Давно я прилетел сюда; и когда это случилось, здесь лежал большой камень, с вершины которого я каждый вечер смотрел на звёзды**. Теперь этот камень не больше кулака, и за всё это время я не слышал о том, кого вы ищете. Но однажды я летел на поиски добычи в Ллин-Ллиу и там вонзил

когти в лосося, думая насытиться им надолго, однако он потащил меня вглубь, и мне едва удалось вырваться и улететь. Тогда я со всем своим родом прилетел туда, желая отомстить, и он послал к нам своих гонцов, чтобы заключить мир. Потом он сам пришёл ко мне, и в спине его я насчитал пятьдесят торчащих острог. Если он ничего не знает о том, кого вы ищете, то этого не знает никто на свете. Я же могу только отвести вас туда, где он живёт».

Вопреки общеевропейским представлениям, у кельтов орёл был связан не с небом и не со светом. Кельты в большей степени ассоциировали орла с водами и с перерождением. Считалось, что орёл, достигнув почтенного возраста прилетает, чтобы окунуться в воды священного источника Сегайс, и погрузившись в эту воду он снова становится юным, сохраняя всю прежнюю память. Одно из первосозданных животных, Орёл был младше лосося, но старше всех остальных. При этом иногда упоминается, что именно орёл сделал великого лосося одноглазым, выклевав ему глаз, когда лосось лежал на речном льду. Но это действие и помогло лосося сохранить жизнь – горячая кровь из глазницы растопила лёд, и лосось смог снова уйти на глубину. В кельтской культуре плотная связь орлов с водой может быть вызвана и тем, что на территории островов распространён в основном орлан-белохвост, который преимущественно питается рыбой, хотя те же мифологические представления распространились у островных кельтов и на беркута.

Ещё один миф, с которым связан орёл в кельтской традиции, это миф о Ллеу Ллау Гиффесе (его история рассказывается в четвёртой ветви Мабиногиона – в ветви о «Мате, сыне Матонви»). После того, как жена Ллеу Ллау Гиффеса Блодуэдд, которую мы уже упоминали в связи с совой, изменила ему с Рогатым Охотником Горонви Пибиром, они решили убить Ллеу, но не смогли. И смертельно раненый Ллеу превратился в орла, сохранив таким образом себе жизнь. И после того очень долго его наставник и опекун колдун Гвидион ап-Дон искал Ллеу, а когда нашёл, то с большим трудом убедил его вернуться в человеческий облик. Но орёл с тех пор считается птицей, связанной, как с Ллеу, так и с Лугом. Пользуясь случаем, поясню, что распространённое мнение о связи Луга с солнцем – ошибочно. Луг – это сияющий бог, как и многие представители народа холмов. Более того, есть версия о том, что и сам Ллеу Ллау Гиффес никто иной, как сам Луг в более поздних мифах. Это ещё одна большая тема, которая требует отдельной статьи и, в том числе, лингвистических обоснований. Желая

развеять профанации, я не мог не упомянуть об этом, не будем отвлекаться от основной на сегодня темы.

«И они пошли туда, и Орёл сказал:

- О Лосось из Лин-Ллиу, я пришёл к тебе с посланцами Артура, чтобы спросить, слышал ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?

И Лосось ответил:

- То, что я знаю, я скажу вам. С каждым разливом я поднимаюсь по реке до стен Глостера***, и в этом месте я вижу много зла и страданий. Если двое из вас сядут мне на спину, я смогу доставить вас туда.

И Кей с Гурхиром уселись на спину Лосося и доплыли на нём до высокой стены, за которой раздавались вздохи и стоны. Гурхир спросил:

- Кто стонет в этом каменном узилище?

- Увы, это тот, у кого хватает причин стонать. Я, Мабон, сын Модрон, заключён здесь, и никто в заключении не страдал больше меня, даже Ллудд Серебрянной Руки и Грейт, сын Эри****

- А можно ли освободить тебя с помощью золота и серебра или других богатств этого мира или с помощью силы?

- То немногое, что от меня осталось, можно освободить только силой.

И они вернулись обратно, и прибыли в место, где находился Артур, и рассказали ему о местонахождении Мабона, сына Модрон».

Лосось - рыба, которая из всех индоевропейских традиций в большей степени важна именно в кельтской культуре. Известен миф об источнике мудрости – Источнике Сегайс, который находится за пределами бытия. В этом источнике бьют пять ключей, связанные с пятью типами знания - знания языка животных, знания языка птиц, владение магическим искусством/рифмой (бардическое искусство), знание будущего (пророческий дар), некая великая мудрость (знание вообще всего). Вокруг источника растут пять орешников мудрости, на которых с первым лучом рассвета появляются одновременно листья, цветы и плоды. Орехи ярко красного цвета, эти орехи, полные абсолютного знания, срываются с ветвей, и на лету их ловят лососи, которые считаются по этой причине самыми мудрыми из всех живущих существ. Кроме того, лосось — это ещё и самое древнее из первозданных животных. Старше него нет существа на земле, память его хранит всё, что происходило на протяжении многих тысячелетий. В друидической традиции превращение в лосося способствовало перерождению и обновлению тела, с полным сохранением памяти и знания.

В символическом пространстве Британских островов, особенно в Ирландии, лосось, вероятнее всего, заменяет образ великого змея или дракона, по той причине, что змеи на территории Ирландии не водятся. Есть занимательная версия о том, что «гадюками» раньше называли друидов и история о св. Патрике об изгнании змей на самом деле повествует об избавлении Ирландии от старой веры. Лосось же связан и с мифом о Финне Мак Кумале, так как было предсказано, что первым из смертных он отведаёт мясо лосося мудрости и обретёт все знания, которые в нём заключены. Финн действительно, после того, как это пророчество сбылось, стал не только великим воином, но и одним из лучших колдунов своей эпохи, который обладал великой мудростью и знанием будущего. У кельтов лосось — это ещё и образ жизненной силы, человеческой витальности, и сама жизнь порой представлялась в образе чёрного лосося, который может выскользнуть из груди человека и уплыть. В Ирландии до сих пор сохранилась поговорка «здоров, как лосось», что показывает лосося, как существо не только духовного, но и телесного совершенства. Есть в Ирландии и истории о красном одноглазом лососе, потусторонней рыбе, которая связана с друидическим знанием. Этот образ, как правило, ассоциируется с божеством по имени Руад Рофесса (Красный Всезнающий или Красный Многознающий) и считается, что это одна из ипостасей Дагды — тот его лик, которые наставляет друидов в магических искусствах и тайных знаниях.

И каждый из таких мифов являет собой ключ к пониманию традиции. На примере сегодняшнего небольшого отрывка всего одного из многочисленных мифов мы можем узнать и о пяти первородных существах, и об их тотемической основе, и о первом дереве — дубе, о том, какой властью обладал король, что даже древнейшие из живых существ готовы помогать его посланникам, и о многом другом. В целом же, миф о Мабоне отражает ещё один общеевропейский мотив о священном ребёнке, который рождается на земле и похищается в иной мир — в то место, о котором никому неизвестно. И для его спасения, для того, чтобы священное существо вновь появилось в мире и совершило положенные великие деяния, героям необходимо обратиться ко всем первоосновам, самым древним силам от начала времён. В случае кельтов это священная пятерица, которая включает не только пять первосозданных животных, но и пять священных деревьев, пять великих дорог, пять областей Ирландии и т.д. Так же, хочется развеять и ещё одно заблуждение — в изначальной кельтской традиции нет осеннего праздника с названием Мабон. Традиция называть осеннее равноденствие Мабоном появилась совсем недавно, в середине 70ых годов 20го века, с подачи Эйдана Келли — одного из видных представителей религии Викка.

Комментарии:

*Обращение за помощью к «старейшим животным» - распространённый сюжет в фольклоре, например, в русских сказках или в созданном на их основе «Коньке-горбунке» П. Ершова. В триаде 92 среди старейших животных Острова Британии упоминаются дрозд из Келли-Кадарн, сова их Кум-Каулуйд и орёл из Гвернабви. Их упоминает и Давид ап-Гвиллим в одном из своих стихотворений. Все упомянутые географические названия относятся к Южному Уэльсу, кроме кум-Каулуйд, местонахождение которого неизвестно.

**В оригинале: «склёвывал звёзды с неба», но, возможно, это ошибка переписчиков. Мы предпочли вариант Ш. Гест как более реалистичный.

***Английский город Глостер (Caer Gloiŵ) находится недалеко от Уэльса. В раннем средневековье Глостер воспринимался валлийцами как символ чужеземного владычества, поэтому в Мабиногионе он связывается со злом и несправедливостью. Кроме данного места, можно привести в пример «глостерских ведьм» из повести о Передуре.

****Из триад известно, что Ллуд находился в плену у своего соперника Эуровидда, который отнял у него жену. Грейт, сын Эри, возможно, назван здесь по ошибке вместо Гвейра, сына Гвейриода, об освобождении которого повествуется в поэме «Preideu Annwfn» из «Книги Талиесина». Вероятно, все эти три героя находились в заключении в подземном царстве, и их освобождение принадлежало к числу подвигов молодого бога или героя. В поэме вождём похода также выступает Артур, но, возможно, прежде его место занимал Гвидион, сын Дон.

Волк Sidhe
2017 от н.х.л.

Nikarev Leshy:

Путевые заметки: Путилевой и Правой Руки в Одилизме

Liber I.I

«К Истине не ведут дороги. Истина должна быть обнаружена...»⁷⁹

Что такое Путь? В Родной вере – это тропа через которую мы приближаемся к Богам. Снаружи нас, внутри нас. Как к архетипам, сути, аспектам природы... Это способ познать, понять их и через это прийти к пониманию себя и Божественного, прибывающего в нас и вокруг нас. То, как мы ступаем по тропе нашего духовного развития, передачи и трансценденции, определяется выбранным нами путем, точнее путем, который выбрал нас. Однако у Пути нет конкретной формулы либо четко определенного направления. Это не значит, что принятые формы обрядов и ритуалов не присущи конкретным направлениям в Пути, каждое из которых включает собственную систему базовых практик в части формы, выражения и целей для сообщества либо одиночки, но значит их абсолютное и категорическое различие на Пути духовной преданности, исследования и погружения.

В Пути неизбежна встреча с препятствиями либо нюансами, требующими пристального внимания, поэтому, продолжая движение по выбранному маршруту, может понадобиться сделать шаг в сторону и продолжить, но уже в другой части той же тропы. Так или иначе, на пути встречаются брешы, встретив которые вы не обязаны продолжать движение по прямой. Такое движение не всегда возможно. Но, тем не менее, вы следуете той же тропой, хотя и под несколько иным углом, по отношению к изначальному направлению и продолжаете движение. Если это происходит, то вы движетесь вперед!

---

⁷⁹ "There is no path to truth. Truth must be discovered, but there is no formula for its discovery. What is formulated is not true. You must set out on the uncharted sea, and the uncharted sea is yourself. You must set out to discover yourself, but not according to any plan or pattern, for then there is no discovery. Discovery brings joy - not the remembered, comparative joy but joy that is ever new. Self-knowledge is the beginning of wisdom in whose tranquillity and silence there is the immeasurable» – Krishnamurti, Jiddu; «Commentaries on Living: From the Notebooks of J. Krishnamurti (Series One)», New York: Harper, 1956. Ed. Rajagopal Desikacharya.

Liber I.II

Возможно ли предположить, что цель различных Путей одинакова? Каждый Путь предлагает различный маршрут для восхождения на гору, но все маршруты ведут к ее вершине, с которой откроется вид на пики, к которым мы стремились. Будут ли эти пики на одной и той же либо на разных горах? К различным или одинаковым целям мы стремимся, следуя разными путями? Настолько ли различно назначение каждого Пути, как и их выражение? Существуют ли смещения, абсолютные различия или оба Пути ведут к одному конечному результату, в поисках которого мы находимся?

Мы смотрим на вершину горы и видим множество маршрутов позволяющих ее достичь. Если ты взойшел на эту самую вершину этой самой горы, то твой взгляд, даже если ты будешь смотреть из этой точки в том же направлении, будет только твоим. Но тогда: взираем ли мы с точки зрения нашей «самости» или взираем с точки зрения Самости погруженной в Бездну – Самости-тени?

Когда происходит отсечение и иллюзии развеяны, мы, в союзе с тем, что мы ищем, в вечной Бездне, перестаем видеть различие Путей, которые перестают существовать. Но Пути Правой илевой руки имеют различные цели, точнее причины их существования – различные цели.

Путь левой руки, упрощенно, состоит в реализации Самости, «Я» стоящего за «Я», смерти Демиурга, уничтожении эго – фальшивой личности. Погружение в примордиальную Бездну сущности. С Путем Правой руки все совсем не так.

Этот путь может быть описан, как исполнение ритуалов, обрядов, развитие и возобновление духовных обычаев рода, славления Богов и предков через Германскую Родную веру — Одиноизм.

Как учит Волхв Велеслав: «Путь реален... Это не средство и не панацея. Это не выбор. Это путь и путь к достижению цели... Цель заключается в достижении вершины горы... Один берет веревку и лезет, другой выдалбливает в скале ступени... но все они достигают одной и той же цели... и как вы пришли к ней – это ваш выбор, и ничей больше».

Для реализации Самости через все формы, дарованные нам Одином, мы не можем выбрать что-то одно: Право или Лево; только Лево. У Пути Правой Руки, в целом, другая цель. Только в момент погружения в Бездну мы не видим никаких путей и, таким образом, реализуем одну и ту же цель.

Liber I.III

Возникает много заблуждений в вопросе соотношения Путей Правой илевой руки с Одиinizмом. Наиболее распространённым из них является мнение, что Путь Правой руки соотносится с «добром», а Путьлевой руки со «злом». Однако к практикующим на Путилевой руки не применимы моральные ограничения и рамки, устанавливаемые этикой. Кто должен устанавливать эти ограничения? Путь Правой руки не является чем-то хорошим или правильным – в ощущении быть правым и Путьлевой руки не является чем-то плохим или неправильным – в ощущении быть неправым. Путаница возникает в разных аспектах.

В первую очередь, необходимо понять, что Пути не откроются только через их описание Западной традицией, особенно той, что относится к Сатанизму, Сетианству, Кроулеизму или Викке. Хотя там и присутствуют интересные нам элементы, было бы ошибкой ограничивать Пути этой Западной интерпретацией.

Во вторую, это падение в семитско-дуалистическое представление о мире, сознательно либо бессознательно, берущем начало в монотеистическом базисе, данном нам при социализации, который мы можем признавать или нет.

Эта путаница должна быть искоренена и мы снова должны осмотреться используя чистое видение, исходя из перспективы Традиции, если на то есть наша воля. В самом деле, можно сказать, что гораздо большее можно почерпнуть на Востоке (Арийско-Ведическая традиция Адвайта-Веданты, Санатана Дхарма, Тантра, Йога, а также Агхора), чем на Западе.

Читая о различиях между Путем Правой Руки и Путемлевой Руки в Западной традиции, мы часто сталкиваемся с понятиями «объективной» и «субъективной» вселенных, но в других традициях, относящихся к Пути, мы этих понятий не находим. Главный для нас вопрос — являются ли они частью нашей интерпретации Пути через Одиinizм?

Эти термины – предмет современной философии, выражающей дуализм, возникающий между природой и разумом. Они могут встречаться в традициях Западного Путилевой Руки, которые являются монотеистическими и ведут к монотеистической онтологии.

Исходя из Традиции мы знаем, что субъективное и объективное суть одно по отношению к целостной картине мира, которая является Одиинистской — растворением в Едином⁸⁰ — Бездне.

---

⁸⁰ См. Концепт Брахма Ниргуны или концепт Единого у Платона в диалоге «Парменид».

Liber I.IV

В каждой традиции существуют два направления, которых следует придерживаться — два различных пути, которые обычно отличаются в зависимости от школы в соответствующей традиции. Также следует понимать, что обычно дорожки тех путей, которые мы избрали, могут пересекаться, но несмотря на это они различны. Таков путь нон-конформизма и растворения жестокости, которая является знаком стагнации и привязанности — того, мы хотим растворить.

Путь, который мы выбираем — мы выбираем только для себя и можем интегрировать оба Пути в повседневной жизни, в части касающейся экзотерических и эзотерических практик — от уровня общины и до уровня индивидуальных поисков. Один открыт для общих или одиночных обрядов и славлений Богов и предков (Право), он же открывается в идиосинкразическом (индивидуальном) стремлении к духовному самопознанию и исследованию себя (Лево). Либо одно, либо другое. Ваше духовное предназначение принадлежит только вам и для него не применимы такие критерии как правильно и не правильно, а также никто кроме вас не сможет решить какой Путь лучше или хуже.

Liber II.I

Путь Правой Руки.

Путь созидания, жизни, Светлых Богов. Путь отправления от природы Самости к природе Мира. Это эзотерический путь о человеке и для человечества. Способ сохранить и продолжить обычаи преданности Богам и предкам в Родной Вере, в настоящем и будущем рода через поколения - духовно адаптироваться к миру. Путь праведности.

Хотя этот путь широк и открыт, он ограничен своим формализмом, но это вовсе не означает ничего плохого. Просто он ориентирован, осознано или бессознательно, на нисхождение Духа в материю — от ядра (центра) к периферии (границе). Это путь безопасности и защиты, семьи и традиции, догмы и комфорта, культурного соответствия и коллективных обычаев. Путь принятых ценностей, норм и традиций в религии, и для больших сообществ их сохранения и передачи. Этот путь, как выдох. Внутрь и наружу, от источника. От внутреннего к внешнему. Внешний путь — от Духа к Материи.

В некотором роде это может быть воспринято, как дуалистический взгляд на мир, тропа унификации, сотворения образа мира. В толковании Волхва

Велеслава: «Десный путь – это путь формирования Образа Мира, для которого сам человек (точнее, его персонифицированный ум) является своего рода Демиургом, т.е. «горшечником Сознания», творящим не саму глину как вещество, но лишь те формы, которые глина приобретает в умелых руках»⁸¹.

Это путь присоединения, подчинения закону цикличности и ограничения. Этот путь принятия, продолжения, подчинения принятым нормам, понимания и единства с Порядком.

Это путь к созданию идеалиста, божьего человека, в котором конечная ответственность за увековечивание, непрерывность передачи, осознания и чистоты ложится на плечи общества, а не отдельного человека - переноса Духа в мир, живого дыхания духовного огня от Белого пламени к народу. Это понимание нас и Богов – единство в двойственности.

В целом: Путь Правой Руки состоит в исполнении ритуала, соблюдении, развитии и продолжении исконных духовных укладов в честь богов и предков в германской родной Вере - Единизме.

Ничто из этого нами не отрицается. Путь не является ложным или неправильным – это выбор пути достижения цели. Там нет ничего плохого в этом пути, и движении по нему – это праведный и достойный путь!

Liber II.II

«Мы созерцаем все содержимое человеческой головы и не можем отсечь эту голову до того момента, пока существует вопрос: «Что останется после отсечения?»»⁸².

Путьлевой Руки.

Путь разрушения, смерти, Темных богов – Хели и Всеотца Одина – повелительницы подземного мира и Бога исцеления, смерти и знания. Путь возвращения из окружающего мира к подлинной Самости. Особый эзотерический пласт духовной традиции и персональной реализации направленный на освобождение и озарение – поиск и путь к духовному самопознанию, бытию, состоящем в освобождении от власти этого мира и механизмов, которые ее реализуют, протекающий через анти-идентификацию, неприятие мира – самореализацию и осознание – озарение.

---

⁸¹ См. Влх. Велеслав «Книга Великой Нави: Хаософия и Русское Навославие», 2011, стр. 46.

⁸² Nietzsche, Friedrich; «Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister», Ch.1.S.9 (1878).

Это путь возвращения к истоку – разрушение связей, приковывающих дух к материи, освобождение материи от возвращения духа.

Вектор Пути направлен на путешествие к своей собственной смерти – освобождение через разрушение иллюзии – привязанностей, ложных личин, ложной Самости и возвращение к Истоку: Само-познание и Само-реализация (неотъемлемые части пути: постижение истинной внутренней природы через возвращение к примордиальной Черной Бездне Гиннунгагап или зияющей Пустоте). Понимание Я, или «Я скрытого за [ложным] Я» – Истинной Самости и Божественного Духа внутри. Недвойственный Путь и преобразование внутреннего Хаоса в Порядок и обратно в Хаос как возвращение в натуральное состояние. Это путь отказа от ложной личности – уничтожение Демиурга и эго – ложной Самости. И даже больше, это путь антиномии к которой придет только истинный искатель.

Этот путь состоит в выдохе: внутреннем потоке, направленном от периферии к ядру, от внешнего к внутреннему, сокровенная тропа – от Материи к Духу. Этот путь опасен и противоположен принятым нормам морали. Путь конфронтации, разложения, смерти и тьмы. Освобождения и озарения через подношения себя Самости. Духа – открытому пламени. Отторжение фиктивного представления через преобразование плоти в кровоточащие кости и гниющую плоть – подлинному отражению природы вещей, постигаемому через Черное Пламя.

Путь разрушения и тьмы, постигаемый через Одинизм – есть Единство в котором нет достижений. В конце концов будет потеряно все – бытие, Возвращение к источнику сущего – Возвращение к истинной Самости, «Я скрытое за Я» – Бездна.

В своей основе Путь левой руки в Одилизме направлен на реализацию Самости, «Я скрытого за Я», смерти Демиурга, разрушении эго – фальшивой личности, присущей нам. Погружение в примордиальную Бездну сущности – сакральную природу истинной Самости.

Liber III.I

Мудрость, которая может быть получена на этом Пути зиждется на специфическом понимании Богов и мифа в традиционной Германской Родной Вере. В сущности Путей, постигаемой через Одинизм нет ничего нового. Многое ранее изображалось через аналогии и терминологию варьирующихся путей и их ступеней, но, в конце концов, Истина кроется внутри; также описания Пути не является самим Путем, но тропой к его пониманию. Необходимо дать описание, если точнее сокровенное или

травматичное, но не уникальное или новое. И это должно быть понято и принято за базис, а в дальнейшем к нему будет приобщено многое. Не слепо преследуй, но следуй! Не принимай и повторяй, но оживляй и создавай.

Liber III.II

Каждый путь может быть путем иллюзий для одного или многих заблуждающихся, слепо следующих пути или верящих в свое чистое восприятие. Мы есть, но есть фрагменты бытия ищущие прорехи. Светлый не значит правильный, также и мы не говорим здесь ни правды ни лжи, только иллюстрируем разные подходы к деланию. Понимание того, что существуют разные способы попасть на вершину горы не есть дуализм, но в основе своей – базовая реальность. Вы можете снять кожуру с банана с одной либо другой стороны и нельзя сказать будет ли это лучше либо хуже, поскольку это абсолютно субъективно. Но, повторюсь, что это понимание не отменяет принципов дуализма.

Liber III.III

Погружение в Черную Бездну не заключается в объятии тьмой, в ощущении бытия противостоящего Свету или занимательной модернистской концепцией «зла и добра». Менее всего, поскольку эти концепции противоречат нашему пониманию Бытия и дуалистической природе этих размышлений. Но более того, трансцендентное состояние созерцания Черного Пламени изнутри, единственно может дать видение сокрытого от внешнего мира во внутренней природе Самости.

В итоге пламя сжигает все и оставляет пепел того, что когда-то было. Или того, что считало себя всем, что было. Пепел не является останками того, что было, есть внутренняя природа этого, видимая только со стороны, есть сокрытое состояние бытия и она есть правда для тех, кто готов принести себя в жертву Самости и получить широкую и конструктивную картину мира через принятие отстраненности.

«Для нас Путь Левой руки – это не черная магия. Это не сатанизм и путь получения богатства. Это не синкретизм и либерализм в духовных пределах. Путь Левой руки в Одинозме – это быстрый, радикальный, нон-конформистский путь к постижению Божественного. Путь Темной стороны чист – это путь не отрицающий комплексное понимание богатой традиции Одинозма, предлагаемого Севером. Мы не противопоставляем себя традиционным интерпретациям Одинозма. Мы, в некотором смысле,

открываем его новые глубины, другие измерения. Как Один – Бог путешественников, и мы следуем его примеру, и идем по новому пути по которому никто не шел ранее.

Постичь это возможно через наследие Севера. Следовательно, Путь левой Руки – это в первую очередь мистическое, философское течение предназначенное для трансформации человеческого самопознания и раскрытие Духа через наиболее радикальные, ужасающие, пугающие, с обывательской точки зрения, образы и практики. Один Всеотец. Он всё и всюду.

Следовательно, мы делаем акцент на том, что мы берем за образец наших блистательных Богов и Устрашающих Начал. Устоявшееся представление гласит, что Боги светлы, добры, а всё, что пугает, к Богам отношения не имеет. Только к демонам, йотунам и злу. Это утверждение верно только частично. Следовательно, в наших текстах может встретиться сближение образов Богов и фигур титанов, демонов и монстров. Присутствует очень тонкий момент. Важно всегда сохранять преданность образам Богов и не допускать смешения образов, не допускать славлений титанов, гигантов, йотунов как Богов. Такая подмена приведет к падению с духовного пути на материальный план. Провал на пути левой руки означает предательство духовного в пользу мирского. Пугающие образы и радикальные практики перестают быть инструментами и становятся средствами к реализации собственных интересов. Это является нормой для примитивной черной магии, некромантии, Сатанизма, те идеологий до которых нам нет дела. Следовательно мы должны быть предельно осторожны при движении в Бездну (Гиннунгаган). Боги и титаны могут казаться одним и тем же и это опасная иллюзия, трудная проверка на Пути левой Руки. Её следует преодолеть и мы заострим внимание на этом сближении в наших текстах»⁸³.

Liber IV.I

Вы спрашиваете: кто и что есть Боги? Какова природа Бога? Ответ на эти вопросы сокрыт в том, что есть природа Самости. Это истина. Точнее, для того, чтобы найти ответ на вопрос кто и что есть Боги, найти и познать правду, понять ее, проще искать внутри. Реальность может быть найдена в темных глубинах вашего собственного бытия, значит ищите и исследуйте себя, чтобы найти Бога и прекратите растрачиваться на иллюзорное

---

⁸³ Nechkasov, Evgeny; Preface, Gap, 2015, p. 7-8.

обозрение отсутствующего. Архетипы, аспекты разума и природы? В действительности – это внутренняя реальность, для Бога – это природа, и Бог – это «Я за Я», Самость за [ложной] самостью. Мы есть и всегда будем связаны с Матерью Землей. Мы часть природы и следовательно подчинены ее законам. Продолжая свои поиски Бога не отдаляйтесь от Самости.

Это Путь Одина – не поклонения ему, а становления им!

По мнению Колина Клири, комментирующего точку зрения Эдреда Троссона⁸⁴, искатель на пути озарения и освобождения – это не тот, кто идет путем поклонения Одину во внешних формах либо единения с ним или иными Богами, но тот, кто идет к единению с Одним внутри себя через саможертвоприношение – к знанию истинной Самости, постигаемой через погружение в Хель. Он есть тот, в чьем жертвоприношении раскрывается становление Одним – этим внутренним искателем Само-реализации и, в конечном счете, реализации Всего – Единичестической Самости которой Один принес себя в жертву. В итоге, Один принес себя в жертву Себе дабы постичь глубинное понимание, знание, внутренние содержание, все-знание – всё, что есть внутри и снаружи, включенное во внутрь, но не разделенное – Единое – Бездну, как сверху, так и снизу. Это является Путем Одина, Путемлевой Руки, Тёмным Путем или Дорогой в Хель – Хельвег.

Как учит Велеслав: *«Единение с Великой Бездной есть основа всех вещей, которая абсолютно отлична от всего того, что мы видим посредством наших глаз из плоти и знаем умом»*⁸⁵.

Также он учит: *«Просветление бывает двух видов: жизнь, которая строится на накоплении жизненного опыта и бескрайнее знание и духовность, которая не строится на знаниях об окружающем, но только на раскрытии единственной истинной природы через духовное самопознание. Первое – удел масс, второе – редкий дар, использование которого делает человека истинно Ведающим или истинным магом»*⁸⁶.

Это то, что является смертью фальшивого себя, устранению фальшивой маски, которую мы носим, купанием в пепле Демиурга, познанием истинного смысла жизни и в конечном счете познанием Я, которое и есть истинная Самость.

---

⁸⁴ Cleary, Collin; «What is Odinism?», Tyr: Myth-Culture-Tradition. Vol. 4, Ultra, 2014, p. 24. For further insight into this see also Cleary, Collin; «What God Did Odin Worship?», in «Summoning the Gods», Counter-Currents Publishing, 2011, p. 81-92 and McNallen, Stephen A.: «A Method of Transcendence in the Germanic Tradition».

⁸⁵ Влх. Велеслав «Книги Внутреннего Покоя, I: Истинный Учитель».

⁸⁶ Влх. Велеслав, January 2013 interview with German magazine «По свету».

Liber IV. II

Принесение в жертву плоти, необходимое для последующего восхода семени истины, которое существует вдали от тени того, что сокрыто глубоко внутри нашего бытия, требует выдержки на пролитой крови, дающей ему прорости внутри разума. Внутреннее, через медитацию и созерцание приведет к великому прорыву в понимании и ясности в Темном Пути, дороге на Хель, обеспечение которого следует в сдержанности, смирении, безупречности, искренности в шагах с откровенностью и преданностью.

Liber IV. III

Образы, возникающие на пути темны, грубы, пугающие и, часто, гротескные, как сбрасывание плоти для обнажения скрытых под ней кровоточащих костей – истинного Бытия. Этот путь не для робких. Но эти образы только служат достижению цели и не являются сутью Пути, являются инструментами. Перспективой и прочтением традиционных форм со специфической и особой точки обзора. Если противостоять страхам, то они исчезнут. Но отметим, что привязываться к средствам, которыми мы уничтожаем страхи является ошибкой. Антиномия – это инструмент, а не цель и многие падают на Путь Возвращения только для поддержания своего заблуждения, считая, что свободны.

Нет верного или неверного пути и каждый свободен в выборе тропы к цели, которую желает достичь. Но путники на дороге в Хель понимают, что этот путь опасен и на нем теряешь все, даже себя. Если вы хотите сохранить то, что было приобретено, или привязанно к Вам за жизнь, то этот путь не для вас.

Но заметим, что также существуют неверные толкования этого специфического подхода на Пути Левой Руки в Единизме и его видения, что также служит для отделения зерен от плевел.

Слепота влияет не только на глаза, но и ум. Те, кто страдает от физической слепоты часто обладают высокочувствительным разумом, но те, кто слеп духовно страдают многим больше, и, таким образом, не могут видеть леса за деревьями.

«Многие люди считают, что они – это то, что они видят в зеркале, кожаная риза и ее социальная роль, и большинство людей боится смерти, обнажения черепа и костей. Но дело в том, что в плоти и крови каждого человека лежит череп и для каждого «ложное эго» скрывает истинную природу человека, его собственной личности. Эти символы смерти

подчеркивают травматический стресс этого опыта, это окончательное воздействие»⁸⁷.

Только познавший тьму может видеть свет в новой перспективе.

Только способные спуститься в глубины собственной природы будут иметь возможность отсеять ложное и выйти за пределы сознания.

Только те, кто ищут тайн Бездны могут надеяться узреть сокровитное в тенях.

Помните, что содержание выше формы!

«Человек не становится просветленным не воображая свет, но осознавая тьму».⁸⁸

Liber IV.IV

Это очень похоже на вихрь, который постепенно питает бурю апокрифического самовозвеличивания и самолюбования. Это направленная казуистика, лживая и ложная присущая нам маска, то, что мы должны ежедневно стремиться удалить и отделить от себя.

Неизбежно на нас будет излито все то, что несет смерть нашей истинной внутренней природе, естественному состоянию, которое мы должны стремиться пробудить, посредством духовной практики, созерцания и медитации.

Liber IV.V

Приобщение к этой жизни и ее материальным составляющим подобно занозе, которую никогда не извлечь. После того, как она попала в тело и отсутствует необходимое лечение, существует серьезный риск, что болезнь распространится и захватит целиком.

И так же, как целью жизни является духовный путь к самости, и поиск истинной природы и *raison d'être*. Может быть, что этот путь просветления и открытия себя, собственной тени, чей путь, если не продолжать странствие, может зарости сорняками. Никогда к сожалению не будет свидетельств первого шага в поиске с целью реализации истины в красоте внутренней, кроме внешних иллюзий и ложной самости. Ищите свет во внутренней тьме, ибо в тени своих собственных глубин может быть найдена истина.

---

⁸⁷ Nechkasov, Evgeny; Interview with N. Leshy, Appendix, Gap, 2015, p. 126.

⁸⁸ Jung, Carl Gustav; The Philosophical Tree, 1945, (Collected Works 13: Alchemical Studies Paragraph 335).

Liber V.I

Этот Путь не для тебя, если ты ставишь форму выше содержания
Этот Путь не для тебя, если ты ставишь вожеление выше озарения
Этот Путь не для тебя, если ты считаешь, что тьма предназначена для развлечения

Этот Путь не для тебя, если ты наслаждаешься эпатированием других
Этот Путь не для тебя, если ты ценишь образ выше правды
Этот Путь не для тебя, если ты возвращаешь эго вместо Самости
Этот Путь не для тебя, если ты ценишь тренды больше скромности
Этот Путь не для тебя, если твои желания воспринимаются как зло
Этот Путь не для тебя, если ты считаешь внешность чем-то значимым
Этот Путь не для тебя, если ты слаб умом
Этот Путь не для тебя, если ты психологически ущербен
Этот Путь не для тебя!

Liber VI.II

Знание истины равнозначно обретению бога, пока правда скрыта под покровом ложной самости, которая есть эго и которую мы целенаправленно стремимся отделить. Это только этап в поиске, но фундаментальный шаг в духовном самопознании, познании Богов, к возвращению и абсолютному познанию нашей истинной Самости – божественной сущности. Если эта часть Пути не пройдена в ваших духовных поисках, то истина, Боги, Самость никогда не будут познаны, и вы будете обречены на жизнь в мире иллюзий – Майе. Освободитесь от плоти и отделите голову, погрузитесь в бездну своих гниющих глаз и поцелуйте кровавые губы, через это одержите победу и вкусите внутренней святости.

Liber VI.III

Мы приходим в этот мир пустыми, без всего. Все, что содержит представление о нас иллюзорно и не более чем инструмент, который мы используем в пути. В начале мы не понимаем, зачем мы здесь и это осознание может никогда не прийти. Мы рождены и мы просто есть. Но если это есть все, что есть мы, то разумным вопросом, который должен возникнуть должен быть – Что есть мы? И кто Я? Это приводит к поиску «Я», «что я?».

Liber VI.IV

Мой подарок вам – смерть, примите его и вы придете к истинной Самости. Только через отделение фальшивой личности, вводящей нас в заблуждение, мы можем понять кто-же стоит перед зеркалом. Стоять на кромке Черной Бездны и не сделать шага вперед недопустимо. Снесите свою голову долой, отриньте Майю, пролейте свою кровь для того, чтобы утопить в ней Демиурга и познайте «Я».

«Я не могу кого-то чему-то научить. Я могу только заставить задуматься» - Сократ.

Sapienti sat!

N. Leshy Sanghrajcara

Пер. Е. Ольшанцев, редакция Askar Svarte

Askr Svarte:

Основания Путилевой Руки в Единизме

Термин «Путьлевой Руки» сегодня употребляется настолько часто, и порой без повода и применительно к спорным экзотерическим доктринам, что его значение и ядро затуманивается от взора и понимания. Ещё сложнее говорить о Путилевой Руки в Единизме, потому что это проявление германо-скандинавской традиции чрезвычайно молодое и поэтому оно подвержено всевозможным влияниям и вмешательствам самых экстравагантных идей. Подробный анализ феномена Путилевой Руки мы провели во втором томе нашего фундаментального труда «Polemos»⁸⁹, ниже мы попробуем кратко резюмировать основные положения в свете германо-скандинавской традиции.

Известно, что в древности германо-скандинавская культура и традиция не знали деления на Правый Путь и Левый Путь, как не было и особых культов и практики почитания гневных и тёмных ипостасей Богов, сродни Веданте и Тантризму в традициях хинду. Сосредоточением сакральности, которую только позднее стало возможно «разделить» на солярно-воинственную (Правую) и сумеречно-экстатическую (Левую), является фигура аса Одина и единический культ. Культ Одина воплощает собой холизм мира Традиции. Ось напряжения пролегает между Богами и титанами (турсами и йотунами), о чем прекрасно сказано Ф. Г. Юнгером на примере греческой мифологии.

Дискурс Путилевой Руки в Единизме (шире – в Асатру или германо-скандинавской традиции в целом) появляется в XX веке и, скорее всего, он связан корнем с западным эзотеризмом и герметизмом, алхимическим учением о трех стадиях делания и влиянием восточных даршан под общим названием Вамачара (Путьлевой Руки в Хинду). На сегодняшний день в Единизме отчетливо можно выделить несколько магистральных течений, которые носят название Путилевой Руки. Но предварительно следует назвать основные положения Путилевой Руки через призму традиционализма, то есть выделить структурные тезисы, которые делают этот путь самобытным и отличным от других, а также позволяет выделить ПЛР в других традициях. Во многом эта структура основывается на адвайта-даршанах, как наиболее древних и разработанных учениях Путилевой Руки в лоне индоевропейских народов. Также мы особенно хотим подчеркнуть роль традиционалистской философии Ю. Эволы («Оседлать тигра»,

---

⁸⁹ Askr Svarte “Polemos. Языческий Традиционализм”, в двух томах, “Велигор”, 2016г. (In Russian language)

«Метафизика пола», «Герметическая традиция» и др.) и Ф. Г. Юнгера («Греческие мифы») и др., которая дает нам методы и ценностные ориентиры в работе по развитию Путилевой Руки в эпоху Рагнарёк.

Структурные положения ПЛР таковы:

- ♦ Признание, что общество и мироздание находится в состоянии упадка: Кали-Юги, Рагнарёк, Железный век. Космос и человечество – остывающий очаг и разлагающийся труп.
- ♦ Нонконформизм поведения, ритуальной практики и эстетики. Одновременно с опорой на смысл и суть прошлых форм, но в ключе их радикального переосмысления либо отрицания уже окончательно отживших форм.
- ♦ Трансгрессия как духовный императив преодоления любой дуальности и вопреки отчуждающей и остывающей среде мироздания. Если «Бог умер» (Ницше), то адепт Путилевой Руки ставит во главу угла практику *imitatio Dei* и сосредотачивает свое внимание и ум на практике умирания, экзистенциальном переживании собственной смерти (смерти ложного Я, *Selbst*, ср. *Nigredo*) и окружающего мироздания, приводя к гармонии и целостности внутреннее и внешнее проживание Смерти.
- ♦ Недвойственность между Богом и человеком в «смерти» (потому что смерть – иллюзия) мира, человека и Бога.

С последнего пункта начинается одно из определений Путилевой Руки в Единизме на Западе (Европа и США). Тысячелетие христианской культуры и несколько веков картезианства Просвещения заложили глубинное субъект-объектное различие в сознание европейского человека. Типичным определением Пути Правой Руки на Западе является практика «почитания и молитв Богу» от лица человека, который отличается от него по своей природе и статусу. Поэтому характеристикой ПЛР становится формула «не преклоняться перед Богом, а становиться Богом». Но проблема заключается в том, что это не исконная проблема в язычестве, а проблема навязанная различием между Богами и человеком в христианстве и позднее разницей между субъектом и объектом у Декарта, которая лежит в основе современного мышления. Для языческого миропонимания разница между человеком и обществом, между человеком и Богами, человеком и миром – отсутствует, все является взаимосвязанным и выстроенным в иерархию эманаций. Мир – это пространство чуда и метаморфоз, пронизанный лучами Божественного света. Поэтому когда западная школа Путилевой Руки в Единизме начинается с тезиса «не поклоняться Богу, но становиться Богом», как это говорят С. Флауэрс или С. А. МакНаллен, – это ещё не Путьлевой Руки, но лишь реставрация естественного для язычества положения вещей.

Разумеется, для современной постхристианской ситуации на Западе такой лозунг – это смелый нонконформизм, но это только первый шаг к оздоровлению ситуации и мышления.

Другим корнем Пути Левой Руки в Одинизме является Вамачара через призму традиционализма и структурализма. Влияние Вамачары на Западный Одинизм менее заметно, более ярко это видно в Европе и нашем собственном учении Пути Левой Руки, которое мы предварительно изложили в книге «Gap. The Left Hand Path approach to Odinism» (Fall of Man, 2017). В связи с этим можно услышать закономерное возражение, что при использовании азиатских доктрин утрачивается сама европейская – северная – сущность Одинизма. На этот счет мы бы хотели процитировать другой наш текст, в котором мы даем лаконичный ответ на эту претензию:

«Путь Левой Руки очень хорошо и вплоть до мельчайших бытовых деталей разработан во множестве индийских школ этого направления. Это факт. И да, с точки зрения языка и структурализма (Ж. Дюмезиль) мы имеем общий индоевропейский корень, очень далекий и глубокий. Сегодня многие европейские язычники и мистики стараются копировать внешние атрибуты ведических культов или тантризма, не вникая в суть этих даршан. Получается ситуация, когда европеец по внешности, языку и мышлению, пытается выдать себя за индуса, завернувшись в ткань и придумав себе имя. Это путь в никуда.

Я вижу ситуацию следующим образом. Не нужно заимствовать из Тантр внешние формы, славления, имена и образы Богов. Не нужно заимствовать структуры ритуалов, обрядов и многого другого – это плоды и проявления сугубо индийской культуры, мышления и даже географии. Больше пользы может принести сравнение мифологии и Богов, но и это не самый глубокий путь.

Из Тантр достаточно взять самые фундаментальные и базовые положения, зачастую они укладываются в одно предложение или два-три слова. Например «идея недвойственности» (адвайта) или «божественный монизм». Все, кроме идеи ничего брать не нужно. Далее следует обратиться к поиску корней и возможности раскрытия этой идеи в пространстве европейского мышления и традиций. В этом огромное подспорье оказывает Платон, неоплатонизм и некоторые христианские мистики. Например, окунувшись в изучение Майстера Экхарта и Иоганна Таулера, я обнаружил большое сходство в их учении об обретении внутреннего Бога и иерархией людей в Тантрах (пашу-вира-дивья). Все, что нам нужно, уже есть у эллинов и германцев. Наша задача заключается в освобождении этого от наслоений христианства, современной секулярной науки, гуманизма, прогресса и так

далее. Потом это следует привести в гармонию, освоить как язык и в этом пространстве эллинско-германского философского языка мы можем выражать аналогичные Тантрам идеи, которые будут полностью комплиментарны европейскому мышлению, культуре и внешним формам»⁹⁰.

Ещё одно неочевидное деление среди всех современных учений Пути Левой Руки в Одинизме и тех, которые выдают себя за таковых. Мы можем условно разделить Путь Левой Руки на два уровня: Высокий (аристократический) и оперативный (магический).

Первый путь сосредоточен на духовной реализации или Божественной Самореализации за пределами любых форм, имен и описаний этого состояния (апофатическое Сакральное или Единое ср. *ĕv*). Это путь внутреннего делания, для которого в качестве ориентира выступают шаманские и трансгрессивные, ночные практики Одина, связанные со смертью и недвойственностью его фигуры как воина-царя и верховного жреца-шамана.

Второй путь сосредоточен на горизонтальной реализации магических умений и навыков, на достижении целей и благ в этом мире, используя трансгрессивные и тёмные практики магии, инвокаций и жертвоприношений. К этому пути относится любая магия, и особенно магия хаоса, сексуальная магия, некромантия и т.д. Эти аспекты очень привлекательны для эзотериков и людей, чей дух не слишком силен для Высокого Пути Левой Руки в Одинизме. А также он привлекателен для разного рода проходимцев, к сожалению. Ещё ниже этого пути, но как его составная часть, располагается чистое поклонение титанам – турсатру, рёккатру и т.п. учения, которые можно назвать «сатанизмом в Одинизме». Эти экзотерические учения очень распространены на Западе (Р. Кальдера как яркий пример) и нередко смыкаются с псевдо-инициатическими оккультными организациями в духе Телемы, культа Сета и т.п. симулякров. В. Гримссон подчеркивал большое влияние это вырожденного эзотеризма в деле укрепления субъект-объектной дихотомии в Пути Левой Руки, противопоставляя этому холизм и адвайту Востока или языческой древности⁹¹. Путь почитания и преклонения перед титаническими силами противоположен пути обожествления, но в эстетическом и трансгрессивном аспектах он может быть в чем-то близок Пути Левой Руки.

Отдельный случай – это феномен фигуры Локи в германо-скандинавской традиции. Известно, что в древности не было культов этого титана.

---

⁹⁰ An interview for Fall of Man, 2017.

⁹¹ W. Grimssons article “Some Preliminary Comments on the Difference between the Left Hand Path in the West and Pre Christian and Heathen Models”.

Сложность начинается уже с определения, был ли он асом или йотуном? Или он, как и Прометей у греков, до некоторого момента выступает на стороне Богов, но потом восстает против Божественного порядка и предает их? Общие черты мифов позволяют утверждать второе. Сначала Локи – это трикстер, Бог плутовства, но позднее – это титан лжи и коварства. Для Пути Левой Руки в Одиниизме, в центре которого стоит сам Один-Всеотец, Локи выступает как его Тень или титанический дубль (в мифе они являются побратимами). Сегодня существуют попытки выстроить культ Локи, но почти все они представляют собой дешевые подделки и симулякры, вдохновленные скорее отходами кинопродукции по мотивам комиксов и викканства, чем серьезные прозрения о сущности этой сложнейшей фигуры в германо-скандинавской традиции.

Наконец, у Пути Левой Руки есть перспективы выйти на новые горизонты, связанные с традиционализмом, философией языка, как это делает К. Клири и С. Флауэрс, освоением поэзии как её видел М. Хайдеггер⁹². Этому, в частности будет посвящена наша грядущая книга «Forthcoming and Encirclement», которая выйдет на русском языке осенью.

---

⁹² C. Cleary “The gifts of Odinn and his brothers”; S. Flowers “Green Rune”, “Red Rune”, “Blue Rune”, “Black Rune”; M. Heideggers essay about Helderlins poetry.

V.L.S.L.V.:
Старые Боги и Хтонический Ужас
в Учении Великой Нави

*В Тёмных Водах Твоих, Мать, где тонут невежды,
дерзают плавать лишь те, чьего Сердца коснулась Ты,
изливая Свою Любовь...*

(V.L.S.L.V.)

Хтоническим Богам очень «не повезло» в Море людей. Демонизирование Их образов началось задолго до прихода христианства и мусульманства со всеми их многочисленными ответвлениями и сектами. Индийские *Асуры*, северные *Йотуны*, греческие *Гиганты*, наши древние *Волоты* (белорус. *Асилки*) и другие Существа — мы приучены видеть в Них не Силы, равные по могуществу Богам, но неких примитивных, глуповатых великанов, какими Они предстают в поздних народных легендах и детских сказках. Между тем, до того, как люди стали почитать Богов, Чьи образы во многом сформированы «по образу и подобию» самого человека, они сталкивались с Силами, касание Которых можно, с некоторой долей условности, обозначить как «Ужас Неопишемого».

Обычный человек, к какой бы религиозной традиции он себя ни относил, на протяжении обозримых веков боялся неизведанного. Не случайно в любой традиционной культуре важное место занимают обереги от Смерти, от всевозможной потусторонней «нечисти» и выходцев с «Того Света», от любых проявлений и олицетворений *Иного*. Если шаман, или волхв, или колдун, или просто человек Пути целенаправленно и осознанно ищет выхода за грани обыденного, то обыватель обычно страшится всего того, что выходит за рамки его представлений, а также с недоверием и опаской относится к тем, кто такого страха не испытывает. Между тем, в глубокой древности отношение общества к олицетворениям первобытного Ужаса, вероятно, было иным или, по крайней мере, весьма отличным от современного.

Когда мы говорим о периодизации Славянского Язычества, невозможно не упомянуть «Слово святого Григория (Богословца) изобретено в толцех о том, како първое погани суще языци клянялися идолом и требы им клали; то и ныне творят», больше известное под сокращённым названием «Слово об идолах», протооригинал коего условно датируется XII в., где читаем: «Се же

словене начали трапезу ставити Роду и рожаницам *перезе Перуна* бога их. *А прежде того* клали требы *упиремь и берегыням*»⁹³. При всей неоднозначности данного источника, следует обратить внимание на древнейший, по словам древнерусского книжника, пласт Славянской Родной Веры, связываемый в «Слове...» с *упырями* и *берегинями*. Академик Б.А. Рыбаков пишет об этой эпохе, в частности, следующее:

Первая эпоха — поклонение и принесение жертв упырям (упилям) и берегиням. И те и другие поставлены во множественном числе, следовательно, это еще не персонифицированные божества. Упыри — вампиры, исчадия и олицетворения зла. Вампиры (исходная форма жпирь), сосущие человеческую кровь, поедающие мертвецов, достаточно хорошо представлены в славянском фольклоре. Слово «вампир» известно во многих индоевропейских языках. Берегини встречаются в «Слове Иоанна Златоуста», очевидно, несколько более позднем, чем «Слово об идолах». Здесь они косвенно приравнены к вилам-русалкам, так как указано число «сестриниц»-берегинь (тридевять = 27), что в «Слове Христолюбца» применялось к вилам. В другом месте этого же «Слова» берегини упоминаются в таком контексте:

«А друзии к кладязем приходяще молятся и в воду мечють велеару [имеется в виду *Велиал* — один из иудейских демонов, который в сознании древнерусского книжника связывается с Сатаной⁹⁴, — **прим. В.**] жертву приносяще. А друзии огневи (молятся) и камению и рекам и источником и берегыням...».

Все это разные формы молений о плодородии, о своевременных дождях, которыми, очевидно, ведали вилы-берегини. Берегини — русалки, но только не в том позднем понимании их, какое отражено в фольклоре и художественной литературе XIX в. (зловредные и коварные утопленницы), а в том, какое сохранилось в болгарском фольклоре о вилах, красивых крылатых девах, заботящихся о посевах и о дожде для нив. Связь русалок во всех видах представлений о них с

---

⁹³ Цит. по изд.: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 15. — *Здесь и далее прим. Велеслава.*

⁹⁴ Разумеется, исконные Славянские Боги не имеют никакого отношения ни к библейским суевериям вообще, ни к иудейским демонам в частности; для древнерусского книжника Их отождествление с Сатаной и другими персонажами иудейской мифологии является не более чем плодом его невежества и культивируемой ненависти ко всему родному, следствием навязанного церковниками низкопоклонства перед библейским чужебесием.

водой не подлежит сомнению. Поэтому на русском Севере даже в XX в. вырезанных на досках сирен-«фараонок» называли берегинями.

Давно обращено внимание на связь слова «берегиня» с двумя различными понятиями: берегом водного пространства и с глаголом оберегать. Думаю, что эта связь не случайна, а вполне закономерна, но только для весьма отдаленных времен, когда человек впервые учился плавать по бурным полноводным рекам и бесчисленным озерам и болотам, образовавшимся после таяния ледника. Для первобытного рыболова эпохи мезолита и неолита было совершенно естественно соединить понятие о береге, о твердой надежной земле с понятием оберегания, охраны от нежелательного. В современных русских диалектах слово «берегиня» уцелело только на Севере, где дольше всего сохранялся архаичный охотничье-рыболовческий быт. Связь берегинь с дождем (понятная в силу их водной сущности) является, очевидно, позднейшим земледельческим переосмыслением.⁹⁵

Таким образом, с некоторыми оговорками можно утверждать, что древнейшая эпоха характеризуется обращением людей к мало структурированному, связанному с дикой Природой (а через неё — с Предвечным Хаосом), смертельно опасным для человека Силам — воплощениям Первостихий, таинственным Старым Богам, предшествовавшим пантеону пришедших Им на смену Новых Богов.

Поздний фольклор донёс до наших дней лишь инверсии образов Старых Богов, сохранив только отдельные, разрозненные крупы Древнего Знания. Гротескные сказочные персонажи, в которых мы можем узнавать отдельные черты Старых Богов, связаны с более поздними и поверхностными пластами мифологии, не имеющими того инициатического заряда, который свойственен архаике, наиболее глубинным пластам Язычества. На определённом этапе развития общества Древние Боги наших далёких Предков оказались вытеснены в «Нижний» Мир или низведены до уровня «низшей мифологии» — зловредной нежити, «побеждённой» и «изгнанной» за пределы нашего Мира поколениями Новых Богов. Отсюда проистекают представления о столь востребованном княжеской властью Перуне, гонящем нежить громовыми стрелами и «воюющем» с Самим Велесом — древнейшим Божеством-олицетворением Хтонического Ужаса.

Рейвен Кальдера, используя при описании Старых Богов образы скандинавской традиции, в составленной им «Книге Йотунов» пишет:

---

⁹⁵ Цит. по изд.: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян... С. 16–17.

Как это ни прискорбно, в дошедших до нас источниках — очень много пробелов, особенно в том, что касается йотунов. Но слишком многие из сохранившихся упоминаний заманчиво намекают на то, что великаны — более древний род, нежели боги (подобно древнегреческим титанам, которых вытеснили олимпийские божества индоевропейского происхождения). А из этого следует, что нам приходится прокладывать себе путь через две полосы препятствий: не только через последствия христианизации, повлекшей за собой утрату устных досредневековых преданий языческих культов, но и через еще более глубокие наслоения «новой» языческой религии, вытеснившей древнейшие верования. От этих верований, бытовавших несколько тысячелетий тому назад, сохранились лишь смутные намеки в изображениях на предметах быта и в этимологии некоторых слов. <...> Христиане, писавшие о языческой религии покоренных ими народов, умудрились демонизировать даже Одина, Тора и иже с ними; так стоит ли удивляться тому, с какой легкостью в их черно-белой картине мира превратились в демонов йотунские боги, демонизированные еще до них?⁹⁶

Отличающийся от среднего человеческого рост, способность менять облик (оборотничество), опасность для человека, несвязанность нормами обывательской морали, законами человеческого общества и даже некоторыми природными Законами этого Мира, необусловленность надуманными идеями «добра» и «зла», связь с производительными силами Природы и Хтоническим Ужасом — вот некоторые черты, отличающие Старых Богов от Их новых «наследников»⁹⁷.

Многоликий Ужас, что испытывает человек, когда человеческое в нём встречается с нечеловеческим, с Запредельным, лишь в относительно поздние времена начал представляться в образах отдельных персонифицированных Богов, Которым люди стали приписывать черты Разрушителей, противопоставляя Их Богам, созидającym и поддерживающим Мироздание. Наиболее архаичные пласты Язычества не разделяют Жизнь и Смерть, Созидание и Разрушение, Ужас и Блаженство, принимая Действительность во всём её многообразии и изначальной нерасторжимой полноте.

---

⁹⁶ Цит. по изд.: *Кальдера Р.* Книга йотунов: работа с великанами Северной традиции / Пер. с англ. *А. Блейз* и *А. Осипова*. М.: Thesaurus Deorum, 2017. С. 8.

⁹⁷ Помимо прочего, здесь интересно вспомнить образы Хтонических Божеств — из так называемых «мифов Ктулху» — в произведениях Г.Ф. Лавкрафта.

В **Учении Великой Нави** говорится о Богах Необусловленного Состояния — олицетворениях Предвечной Бездны НЕРОЖДЁННОГО, и Богах Обусловленного Состояния — Демиурге (Создателе) и подчинённых ему Божествах, являющихся олицетворениями тех или иных ограниченных форм, качеств и свойств Явленного Мира:

- *Богами Необусловленного Состояния* называются Духовные Силы — олицетворения Великой Нави: Велес и Морена, пребывающие по ту сторону всякой двойственности, потому говорится, что Велес и Морена — Одно Неделимое ЕДИНСТВО, выражаемое через образы *Чёрного Солнца* (Велес как Незримый для плотских глаз Светоч Духа) и *Серебряного Серпа* (Морена как Владычица Смерти, отсечения и совлечения всех покровов), а также — *Череп* (Велес как «Обнажённая» Реальность, свободная ото всех мёрочных покровов), из которого растёт *Огненный Цветок* (Морена как Огненная Кровь **Учения Великой Нави**), в объятиях Чёрного Пламени Неосквернённой Мудрости;

- *Богами Обусловленного Состояния* называются *тонкоматериальные* Силы, действующие *внутри* Явленного Мира (Тремирья): Сварог, Боги-Сварожичи и все подвластные им Божества — олицетворения различных качеств души и тела, как благих, так и неблагих, как «высоких», так и «низких», воплощающих в себе двойственность этого Мира.

<...>

Боги Необусловленного Состояния проявляются внутри Явленного Мира как Тёмные Боги-Разрушители, олицетворения Смерти и Растворения, противостоя Демиургу Сварогу, охранителю Демиургического режима Перуну, Красноликому Дажьбогу, олицетворяющему Солнце этого Мира, и др. *Восход* Чёрного Солнца Неспящих в Обители Сердца — это *Вещий Зов*, пробуждающий человека от мёрочных снов обусловленного существования. Нетварный Свет Чёрного Солнца сияет *внутри*, обращая острие Сознания обратиться от внешних объектов к самому Познающему Субъекту внутри. Серебряный Серп Морены испарывает все иллюзорные покровы, в которые Демиург облёк Бессмертные Искры Чёрного Пламени, воплощённые в Явленном Мире как души живых существ. Пробуждаясь от сна обусловленного существования, живые существа освобождаются из-под власти Демиурга и других Богов Обусловленного Состояния, выходя из *Вселенского Яйца* Творения за

его пределы — в *Сияющий Мрак* НЕРОЖДЁННОГО, — после временного странствия *возвращаются* в свой Вечный Дом.⁹⁸

По сути, Богами Необусловленного Состояния называются олицетворения нашей Истинной Природы — Сверхбожественного НИЧТО за пределами всех имён и форм. Пробуждение нашей Истинной Природы проявляется в человеческом существе как *Веющий Зов* — безмолвный Голос Бездны, зовущий нас встать на Путь Возврата к Источнику. Трепет человеческого в нас при встрече с Бездной внутри именуется *Прозрением Ужаса*. Прозрение это наступает во время смертной агонии нашей ложной самости, или ментального «я», находящего свою «могилу» в Сердце у Врат Безмолвия.

Конечно же, в народной культуре Хтонический Ужас неизбежно осмысливается более поверхностно, с неизбежной для такового подхода профанацией, но даже инверсированные отголоски этого Ужаса иногда несут в себе столь мощный заряд трансформирующей энергии, что одно только соприкосновение с ними способно нанести *незаживающую рану* человеческой психике, а точнее — прожечь прореху в привычном образе Мира, которая станет для невежды причиной развития сумасшествия, а для мудрого — Вратами в Неопишное.

[17.07.2017]

Древняя Кровь

МОЯ ВОЗЛЮБЛЕННАЯ — Пламя, горящее на пороге Ночи.

Я наполняю красным вином Чашу из Черепа, черчу над ней лезвием Серпа руну *Квеорт* (ᚦ — руну Сурта; букв. «огонь») и руну *Эар* (ᚼ — руну Хель; букв. «могила»)⁹⁹, и вино пресуществляется в Огненную Кровь, которую я возливаю во славу Старых Богов!

Моя Возлюбленная — Сияние горной Вершины и Тишина подводных Глубин.

---

⁹⁸ Цит. по изд.: *Влх. Велеслав. Учение Волхвов: Путь Великого Совершенства*. М.: Амрита-Русь, 2015. С. 35–37.

⁹⁹ Здесь и далее используются руны англо-фризского футорка, входящие в состав так называемого «атта Хель» (название современное).

Серпом, посвящённым Владычице, я черчу над Чашей руну *Ак* (ᚱ — руну Ангрбоды; букв. «дуб») и руну *Иор* (ᚢ — руну Йормунганда; букв. «змей»), и возливаю из неё во славу Старых Богов!

Моя Возлюбленная — Любовь и Смерть, и мудрость Безмолвия, и безмолвие Мудрости по ту сторону слов. Звезда несмеркаемая, что горит над челом Пробуждённого, Чёрное Пламя Неосквернённой Мудрости, пылающее *внутри*, Чёрное Солнце *Неспящих*, прожигающее стены узилища неведения нашего, Рана Незаживающая — моя тоска по Бездне Предвечной, Древняя Кровь моя!

Серпом вычерчиваю над Чашей руну *Ос* (ᚷ — руну Одина и одновременно Локи, а также Браги; букв. «Бог»), пью Огненную Кровь, дабы Мудрость и Сила Твоя вовеки пребыли со мной, мною и через меня — во славу Старых Богов!..

...

С благоговением я подношу моей Вечной Возлюбленной, моей Богине — Той, которая владычествует в Смерти, — несравненный Огненный Цветок, выросший из Смердящего Черепа.

[21.07.2017]

V.L.S.L.V.:
Танец с Богиней на краю Бездны
(Заметки о путешествии по Германии)

1. Тревожность

<27.04.2017; аэропорт Шереметьево, 9.13>

ТРЕВОЖНОСТЬ — это рябь на зеркале ума, мешающая ему отражать действительность такой, какая она есть. Тревожность — это отголосок страха Смерти; но если смотреть глубже, она есть не что иное, как реакция обусловленного ума на отсутствие Любви.

Если Богиня с тобой, страха Смерти нет, и нет тревожности. Только Любовь и Безмолвие. Только Её улыбка, растворяющая Врата Сердца.

Тревожность присутствует в любом обществе и является мотивацией для многих поступков, вольно или невольно совершаемых людьми. Любое общество невротично, и каждый, кто бессознательно растворяется в нём, испытывает тревогу, будучи не удовлетворён оценкой своего прошлого, не принимая себя настоящего и опасаясь за своё будущее. То, как общество видит становление личности, как оно представляет человека во времени и какие идеи и идеалы навязывает ему, порой под видом защиты от тревоги, не только не освобождает ум человека от беспокойства, но наоборот делает его ещё более расщеплённым, разрывающимся между неосуществимостью выдуманных идеалов и неспособностью принять действительное положение вещей.

Общество — это тюрьма; но освободиться из неё можно, лишь когда мы перестаём бежать от общества. Побег от чего-то — это всё ещё сопричастность, зависимость, обусловленность тем, что мы отвергаем. Не тот свободен от общественного диктата, кто пытается скрыться от общественных отношений, а тот, кто научается работать с обществом, как с инструментом, не ставя себя в зависимость от него. Общество — это то, от чего мы отталкиваемся, чтобы выйти за его пределы.

2. Возлюбленная

<Аэропорт Шереметьево, перед посадкой; далее пишу урывками в самолёте>

ВСЕ вокруг говорят о терроризме, вспоминают о крушениях самолётов, о взрывах в аэропортах — этих знамениях современной эпохи. Страх и беспокойство стали частью нашего окружения настолько, что многие люди, стремясь подавить тревогу, даже пытаются неуклюже шутить на эту тему.

Не существенно, когда в двери нашего восприятия постучится Смерть. Важно, как мы встретим Её. Прямо здесь и прямо сейчас — готовы ли мы умереть? Когда Смерть поцелует меня, я хочу назвать Её именем моей земной возлюбленной, не делая различий между Богиней и той, через кого Она открывается мне, через чьё касание пребывает со мной.

В высшем смысле моя Возлюбленная всегда находится внутри меня, пребывая со мной неотлучно, без разделения, как Анима неотделима от Анимуса, как Шакти нераздельна с Шивой. Неведение заставляет нас порой противопоставлять внешнее и внутреннее, земную возлюбленную и Вечную Возлюбленную. Таков же наш язык: он разделяет на уровне слов то, что нераздельно на уровне Существования.

Когда Смерть придёт ко мне, я хочу приветствовать Тебя в Безмолвии Сердца и одновременно с именем той на устах, через которую я вижу Тебя, через которую Ты говоришь со мной. Здесь нет различия, если смотреть не глазами плоти, но Оком Неразличающей Мудрости. Это знал Кроули, когда через свою Багряную Жену видел Божественную Демоницу Бабалон; это знали древнеиндийские *риши*, описывавшие тантрические практики языком недвойственности; это всегда — без слов и концепций — «знало» Существование, в котором внутреннее и внешнее равно растворены в Невыразимом.

Не говори, что ты живёшь ради Возлюбленной. Возлюбленная — это и есть твоя Жизнь. Не важно, какими словами и на каком понятийном языке ты говоришь об этом. Важно, что когда это переживается, ты — Бог; а когда ты отвращён к иному, все твои слова о «духовности» уже не имеют смысла, ибо твой ум стал пропастью между Богом и Богиней в Тебе, словно бы между Шивой и Шакти, изначально нераздельных, вдруг пролёт целый «путь», не существующий более нигде, кроме как в твоём собственном расщеплённом уме.

3. Тишина

<Пишу по прилёте в Германию>

ДЮССЕЛЬДОРФ¹⁰⁰ встречает нас цветущей весной. Пьём местное тёмное пиво в одном из небольших кафе в Альтштадте — Старом городе. Приглушённый свет проявляет тени за витриной, которые растворяются в проблесках восторженного Солнца.

Духовные искатели, или, точнее, те, кто считает себя таковыми, часто не принимают Божественного, если ОНО проявляется не через привычные для них «духовные» формы. Но в действительности нет ничего в этом Море, что не было бы сопричастно Духу, и нет таких мест, где подлинность Существования не проявлялась бы полно и ослепительно, — лишь бы Богиня танцевала в нас, только бы наше видение не было помрачено нашими представлениями о том, каким «должен» быть Её Танец...

В Богине нет никакого долженствования, нет «правильного» и «неправильного», — Она обрушивается грохочущим водопадом на того, кто обнажился перед Нею, кто стал столь простым, что всякая сложность бежит от него... Но было бы ошибкой путать простоту обыденного недоумия с Божественной Простотой Её *Присутствия*, когда все построения ума вмиг сметаются Её бурлящей и неструктурированной Силой, громогласной и молчащей, опьяняющей и отрезвляющей, — когда на пике экстаза нас вдруг поражает насмерть Её невыразимая Тишина.

4. Женщина — Богиня

<28.04.2017; ранее утро>

НОЧУЕМ в Хорн-Бад-Майнберге. Небольшая уютная гостиница на тихой улочке утопает в цветущих садах. Чистое Небо поутру только начинает наливаться синевой, обретая силу и глубину, словно картина под руками умелого мастера. Ликование Богини разлито повсюду, но за мягкими красками Её весеннего наряда проблескивает холодная сталь таинственного Копья Судьбы.

---

¹⁰⁰ Дюссельдорф — столица федеральной земли Северный Рейн — Вестфалия. Впервые документально деревня Дюссельдорп (*Düsseldorp*) упоминается в 1159 г. В 1288 г. бывший рыбацкий посёлок получает статус города, и на берегу Рейна для защиты города и сбора пошлины строится Дюссельдорфский замок.

В современном обществе на женщину смотрят либо как на второсортное «приложение» к мужчине — это уродливый пережиток уходящего христианства, либо, делая крен в противоположную сторону, пытаются увидеть в ней нечто абсолютно самостоятельное, ещё более «мужественное» в своей предполагаемой независимости и самодостаточности.

Пока общество мечется между этими двумя крайностями, Богиня, проявленная в женщине, остаётся неузнанной. А если нет Богини, то нет и Бога, есть лишь биологический объект — мужчина, не знающий Высшего в себе и потому не способный обнаружить Высшее в женщине.

Когда мы пребываем в отчуждённости от Вечной Игры, происходящей между Богом и Богиней, тогда в нашей жизни нет смысла. Тогда мы — маленькие, страдающие, всегда чем-то напуганные смертные существа, не ведающие, кто они и откуда.

Когда Сила Богини танцует в нас, Бог — наша Истинная Природа — мудро улыбается из сияющей Пустоты раскрывающегося через нас НЕРОЖДЁННОГО.

5. Экстернштайне

<Скалы Экстернштайне; 12.21>

ВЫСОКИЕ каменные громады разрывают Небо этого Мира. Путь белых облаков распростёрся по безбрежной синей бездне над нами, упираясь в Неведомое. Здесь Богиня торжественна и прекрасна в Своем каменном убранстве, в застывших складках Вечности, в обвитых плющом расселинах.

Здесь время практически не чувствуется, оно крадётся, как готовый к прыжку зверь, но всматривающийся в Вечность неподвластен зверю. Герой побеждает Зверя, укрощает его первобытную мощь и направляет пробудившейся Огненной Змеёй, вулканическим потоком вверх, в сияющую высь — туда, где только Небо и всё.

Здесь Богиня в пурпурном одеянии торжествует на спине Зверя, чья Сила пресуществляется в Силу Бога.

6. Савитри Деви

<Экстернштайне; 12.40>

В ДАЛЕКОМ, окровавленном багряными листьями октябре 1953 г. удивительная женщина по имени Савитри Деви, путешествуя по оккупированной Германии, побывала здесь и оставила проникновенные путевые заметки, которые мне посчастливилось прочитать несколько лет назад.

Тогда была осень, и был закат, и Древние Камни — как веками ранее, так и ныне, — отражались в синеве молчаливых вод, и через каменное окно в полуразрушенном Древнем Святилище были видны дали, над которыми пылало прощальным пламенем Небо...

Я долго смотрю в то же самое окно, пронизывая которое, свет Солнца указывал древнегерманским жрецам Священное время Солнцеворота.

Внизу, у подножия скалы, где выбит барельеф на тему христианской мифологии, изображён Ирминсиль — Ось Мира в представлениях древних саксов. Когда Карл «Великий» привёл сюда христианские полчища, дабы предать Древнее Святилище огню и мечу, Священная Кровь Героев, павших от рук крестоносцев, навсегда освятила Экстернштайне, — и мы ныне возливаем из рога красное вино в память обо всех Язычниках, растерзанных врагами, казнённых за приверженность Вере своих Предков.

Торжествуя свою временную «победу», святотатцы изобразили Ирминсиль согнутым, попираемым ногами одного из «новозаветных» персонажей (позднее местные жители отбили ему

ноги, дабы низшее не попирало собой Высшее). Но на самом деле Мировая Ось не может согнуться — просто чудовищный крест с провисшей мертвечиной, выбитый «победителями» посередине композиции, сам оказался отклонённым от подлинной Оси Духа, как все придуманные людьми концепции и их «священные писания» оказываются в стороне от настоящего, от Действительности по ту сторону слов.

Древняя Мудрость, которую ведали древнеарийские жрецы, установившие когда-то здесь Священное Изваяние Ирминсуля, осквернённое и разрушенное Карлом, знали это. Знаем это и мы. Поэтому Древнее Знание не прервётся, не будет уничтожено окончательно, даже если узколобые религиозные фанатики перебьют всех его носителей, разрушат все Святотелища Древних Богов, осквернят все Священные Рощи и Камни, — Древнее Знание будет сохранено в Капище Сердца, и когда настанет срок, оно обязательно выйдет наружу, подобно встающему поутру Солнцу.

7. Памятник Арминию

<Детмольд; 15.30>

В 9-м году новой эры в Тевтобургском лесу состоялось знаменитое сражение, в котором союз германских племён во главе с Арминием наголову разгромил три легиона римских захватчиков под руководством Публия Квинтилия Вара, покончившего с собой, чтобы не попасть в германский плен.

В XIX в. здесь, в Детмольде, в память о легендарном древнегерманском вожде был возведён 53-метровый монумент, изображающий Арминия с обнажённым, поднятым к Небу мечом в руке.

Как это часто бывало в XIX в., древнегерманский вождь изваян... в античной одежде и с голыми ногами, что было естественным для римлян, но невозможным для германцев.

Многие люди недооценивают значимость образа, справедливо, в общем, считая, что главное не в форме, а в сути. Но форма — это естественное выражение сути, и между ними, при гармоничном взаимоотношении, не бывает противоречий.

Невыразимое не может быть вполне воплощено в словах, но слова и образы, при верном подходе, могут некоторым образом указывать на Невыразимое. Так, например, стихи, рисуя определённую последовательность образов, могут рассказать о том, что неподвластно речи философа. Танец или песня могут показать то, о чём будет трудно рассказать. Поцелуй возлюбленной, её взгляд и касание пальцев передадут больше, чем тысяча сказанных о Любви слов.

8. «Вайзе Фрау»

МОЯ колдовская любовь, моя жрица, звёздный взгляд ночного Неба, опьянение пророков, золотой Серп под ветвями омелы, шёлк зари и багряная кровь заката, травами вышита Древних Камней тропа, где ступали ноги Богини, облачённой в Белое. Мечей звон расколел тревожный рассвет, Дуб Древний тайну хранит.

Я помню... А может — всё это только тени играют в камнях, молнящихся рун горделивая вязь застывает росчерками крови, и рвётся душа сильнокрылою птицей под своды холодных Небес...

9. Мимолётное

<Записываю где-то среди ночи>

ЕСЛИ ты не можешь танцевать в грязи, разве сможешь танцевать в Пустоте?..

10. Омела

<29.04.2017; утром, по дороге в Вевельсбург>

ПО ДОРОГЕ в Вевельсбург омела на деревьях чернеет таинственными сферами на фоне клубящейся стали облаков.

Омела в Северной традиции — символ Высшего Сознания, далёкого от всякой приземлённости. Высшая Мудрость не является чем-то необходимым для выживания человека как биологического объекта. Более того: как омела рано или поздно убивает дерево, на котором произрастает, так Духовное Знание разрушает иллюзию нашего плотского существования, растворяет наши *сны* о Мире и о самом себе. Прозрение своей Истинной Природы убивает всё «человеческое, слишком человеческое» в нас...

Потому обычный человек так боится Твоего касания. Ведь Ты — Мудрость, которая убивает; Огненная Кровь, выжигающая ветошь скрывающих нашу Истинную Природу *личин*. Ты — Та, Чьё прикосновение не оставляет нас прежними. Ты — Любовь и Смерть, и звенящее Безмолвие на острие Копья Прозрения. Моя Вечная Возлюбленная. Богиня, Которая всегда со мной.

11. Вевельсбург

<Замок Вевельсбург, полдень; дописываю уже на обратном пути в машине>

НАЧИНАЕМ осмотр внутренних помещений замка с Подвала ведьм. Рассматриваем орудия пыток, каменные темницы, где в стены до сих пор вмонтированы цепи, которыми христиане приковывали «ведьм», не ведая, что Силу нельзя сковать цепями этого Мира, что Дух Истинно Ведающего свободен даже в тюрьме... Последнюю «ведьму» здесь пытали в XVIII в.

...После долгих хождений по коридорам замка, набитого старинными побрякушками, проходим в Северную башню и спускаемся в крипту, где Священный Солнечный Знак выложен в центре потолочного свода. Картины дегенеративной живописи, выставленные здесь по кругу, призваны сбить торжественный настрой у посетителя. Но величественность места не так легко поддаётся воле лукавых манипуляторов, и Дух Рыцарства — Чести и Верности — чувствуется здесь по-прежнему. Прямо по центру зала буквально «с мясом» вырвана часть пола, круглой незаживающей раной обращённая к Священному Символу над ним.

Трудно описать Силу этого места. Здесь всё внутри тебя вдруг умолкает, так что становится очень тихо и пусто, и немного печально, словно просыпается где-то на дне души древняя, давно позабытая тоска по оставленному *Дому*. Словно бы прямо в этот миг ты *знаешь* без слов — и всегда знал — что-то очень важное о самом себе, в чём нельзя соврать, что-то простое и пронзительное в этой своей простоте. Возможно, это знание о том, откуда ты Родом и куда ты идёшь, и что ещё должно быть сделано тобой, даже если расплатой за это будет Смерть. Собственно, Смерть — это расплата за всё, что мы делаем здесь, в этом Мире... В каждом из нас живёт мятежный Дух Прометея, или даже Люцифера, несущего Нетварный Свет в Мир, созданный Демиургом, и за это грядёт неминуемая расплата, — это путь Падающей Звезды, прожигающей своей Смертью стены тюрьмы, космического узилища душ, где живые существа

заперты без права на помилование... Но — я верю, ибо Ведаю: ВЫХОД ЕСТЬ. Мы все, верные своему призванию Рыцари Звезды, неудержимо и стремительно *падаем* в Небо, прожигая иллюзию «себя» смертного, дабы раскрыть Истинного СЕБЯ — Того, Кто СВОБОДЕН и БЕССМЕРТЕН изначально.

...Поднимаемся в верхний зал, где на полу выложено двенадцатилучевое Чёрное Солнце. Прямо на нём расставлены весёленькие разноцветные пуфики и столики. Это ли не лучшая иллюстрация всеядности современного Мира, гламурного оскала диктатуры посредственности, приспособляющей под себя всё, с чем соприкасается?.. Мы предпринимаем попытку немного раздвинуть эту мишуру, но сразу же раздаётся команда через громкоговоритель — немедленно прекратить делать это. Фотографировать в обоих залах также строго запрещено, за этим неусыпно следит доблестная незримая охрана.

Прикасаюсь рукой к чёрному кругу из цельного камня, размещённому в самом центре композиции. Чего здесь больше сейчас — временной истории или Вечности вне времени? Кто смотрит на меня в этот миг чёрным каменным оком — давно ушедшая эпоха, «навсегда уходящее Солнце Героев», или это Сама Бездна НЕРОЖДЁННОГО глядит на всматривающегося в Неё несмеркаемым Оком Предвечной Матери-Тьмы?.. Или это просто Ты глядишь моими глазами на Себя?..

Всю обратную дорогу молчим.

12. Чёрное Солнце

<Замок Вевельсбург, 13.13; это отдельная запись, которая не «вместилась» в предыдущую>

ЧЁРНОЕ СОЛНЦЕ Вевельсбурга... Двенадцать чёрных молний быют в центр круга, становящийся тринадцатой точкой Силы, открывающей Врата Великой Нави. Выход всегда осуществляется через Центр. Духовное Освобождение — это Возвращение к собственному Центру, к Полюсу Духа, к Точке Невозврата внутри, не имеющей продолженности, не связанной путами пространства и времени.

Чёрные молнии — проблески нашей Истинной Воли — указуют на Шуйный путь, или Путь Возврата, знаменуя собой Возвратный Поток, оседлав который, Герой восходит во Внутреннее Святилище, где пресуществляется в Бога.

Чёрное Солнце невозможно увидеть глазами плоти. Оно сияет Нетварным Светом *внутри*, горит Чёрным Пламенем Неосквернённой Мудрости к Центру, прожигая в созданной Демиургом иллюзии бытия прорехи, через которые можно увидеть всю нелепость сценических декораций, поддерживающих театральные подмостки этого насквозь фальшивого Мира. Чёрное Пламя — это зияние Бездны внутри нас, самооткровение нашей Истинной Природы по ту сторону всех имён и форм, ярящаяся сила Антилогоса Рассоздания, обрушивающая космическую иллюзию.

Чёрное Солнце — *всегда* в зените, если правильно видеть: если ты пробудил своё Духовное Сердце.

13. Безумный огонь Бельтайна

<30.04.2017; накануне Вальпургиевой ночи, по пути в Гарц>

БЕЛЬТАЙН И САМАЙН — это двое Врат Смерти в году, через которые в наш Мир входит *Иное*. Но если на Самайн, образно говоря, Мёртвые приходят в Мир Живых, чтобы взять своё, то на Бельтайн Сила *Иного* Мира пресуществляется в Огонь Жизни, пробуждающий дремлющие энергии Земли.

Ярая Жизненная Сила — бешеная, безумная, неструктурированная — порождение вовсе не Космоса, а Хаоса. Космос — это застывающая структура, которая питается этой Жизненной Силой, высасывая её из Хаоса. Демиург — это космический Вампир, выпивающий Силу Богини, подобно тому, как ложная самость в человеке существует, питаясь его собственной Жизненной Силой, источник которой находится вовсе не в личности, а в Сущности — в нашей Истинной Природе. Ложная самость — это тоже своего рода «демиург», который творит в уме человека Образ Мира, обуславливающий нашу личность и становящийся, в конечном счёте, для неё тюрьмой. Демиург захватывает и структурирует Силы Хаоса, используя их для формирования Явленного Мира (равно как и Образа Мира в уме человека), так как своей собственной Силы у Демиурга (равно как и у «демиурга» внутри нас) просто нет.

Собственно, существует всего лишь одна Сила — это Сила Хаоса, которая, проявляясь через разные центры Осознания, принимает множественные формы: от инстинкта выживания до глубин Самопознания. Умение работать с этой Силой некоторыми традициями описывается как овладение Змеиной Силой, подчинение внутреннего Зверя или Дракона.

Зверь не должен быть демонизирован и убит, он должен быть обнаружен и приручён. Рациональное в человеке стремится дисциплинировать и повелевать Зверем, но Зверь не понимает команд ума, не знает смысла мелькающих в нашем уме слов. Чтобы поистине приручить Зверя, нужно быть в Ладу с самим собой. Ибо с Силами Хаоса можно взаимодействовать только через Лад и никогда через Ряд. Рациональные методы от ума не помогут в работе со Зверем, если отсутствует интуитивная Мудрость от Сердца. Всё воинство Перуна окажется бессильным там, где танцует Богиня, где безраздельно властвует неконцептуализируемая Воля Велеса.

...Вещая Ночь приближается, безумный огонь Бельтайна уже горит, и Ведьмы уже собрались на Священной Горе, и моя Богиня в Капище моего Сердца восходит на Трон, приготовленный для Владычицы Шабаша.

14. Вальпургиева ночь на горе Броккен

БРОККЕН (*Brocken*) — самая высокая точка Гарца, высотой 1141,1 м. Гора находится в земле Саксония-Анхальт. По легенде, в ночь с 30 апреля на 1 мая на Броккене собираются Ведьмы на празднование Вальпургиевой ночи, что нашло отражение в «Фаусте» Гёте.

Приезжаем в небольшой городок под названием Вернигероде (*Wernigerode*). На центральной площади уже толпа, половина людей разодета «ведьмами», с метлами и в островерхих шляпах, повсюду снуют выраженные «бесенятами» дети с рожками на головах и красными пластмассовыми трезубцами в руках. Некоторые люди с головы до ног оплетены травами.

Старая, вымощенная камнями площадь разогрета весенним Солнцем. Разноцветные домики с вычурными средневековыми башенками лучатся всеми цветами радуги. Чёрные плащи «ведьм» мелькают в толпе тут и там, раздуваемые ветром. Везде улыбки, ликование, радость на лицах. Никакого ханжества, унылой поповщины или пьяного российского хамства. Даже многие старики переодеты в степенных краснорогих «чертей», и неспешно прогуливаются по мостовой, кивая друзьям при встрече. Какая-то бабушка в «ведьмовском» наряде приехала на праздник на самоходной инвалидной коляске с моторчиком. Весь город по-хорошему сошёл с ума!

...Садимся на винтажный поезд, который тянет настоящий паровоз, весь в дыму, работающий на каменном угле, и едем на Броккен. На крышах домов, на столбах вдоль дороги выставлены похожие на нашу Бабу-Ягу «ведьмы» — с косматыми волосами, горбатыми носами и метлами в руках. В вагоне люди распивают вино из бокалов и радуются предстоящему празднику.

На горе собралось невероятное множество народа. Все ожидают торжественной процессии, которая начнётся ближе к вечеру. В огороженном пространстве неподалёку проходит реконструкторский фестиваль, где неформалы всех возрастов в одеждах викингов, средневековых

монахов и «ведьм» вместе пьют пиво из рогов, слушают этническую музыку, жарят мясо на вертелах, веселятся, соревнуются в метании топоров, вдохновенно беседуют о чём-то своём и т.п.

И вот, наконец, бьют в барабаны, трубят в рога и посередине улицы появляется процессия ряженных. «Черти», «ведьмы», всевозможная «нечисть» и даже «эльфы» с озорными улыбками шествуют между двух плотных рядов восторженной толпы, в которой многие разодеты не менее экстравагантно, чем сами участники шествия. «Ведьмы» в знак благословения легонько ударяют собравшихся своими мётлами, дарят детям конфеты и какие-то безделушки. Пожилые немки с раскрашенными лицами, кивая широкополыми шляпами, опираются на сучковатые клюки. Завершает шествие оркестр «шотландских» волынщиков в традиционных килтах...

В этой разношёрстной толпе ликующих сумасбродов мы встречаем вечер на Броккене, пьём до конца вместе со всеми пьянящее вино алого заката и уже в глубокой ночи возвращаемся в гостиницу.

...Пусть то, что мы видели, в чём участвовали — только карнавал. Пусть всего лишь имитация. Но сам факт существования имитации указывает на первоисточник, на то подлинное, что послужило прототипом для светского фестиваля. Внутренняя потребность человека во взаимодействии с Сакральным, минуя церковный официоз и «респектабельные» формы культа, рано или поздно выплёскивается наружу, прорывая пелену рутинной обыденности, делая карнавал — поистине Мистерией.

Пусть нет, да и не было никогда *таких* «ведьм», пусть *такие* «черти» и «шабаши» — только плод христианских суеверий, но древнее, как сама эта Земля, весеннее горение, безумный огонь Бельтайна пылает в людях и поныне, и Богиня — ныне, как и прежде — танцует Священными Ночами у Майского дерева с ликующими во Имя Её.

15. Ведьмы и Ведание

<1.05.2017; Вернигероде>

УТРОМ просыпаюсь под бой курантов на городской ратуше. А карнавал продолжается! Играют какие-то этнические мелодии и старый рок, байкеры в косухах соседствуют на улицах с интеллигентными пожилыми парами. В приобретённой вчера на Броккене книге «*Mythologie Harz. Märchen & Sagen*»¹⁰¹ нахожу легенду о Славянском Боге Кродо, некогда почитавшемся на землях, входящих в состав современной Германии...

Около полудня поднимаемся вверх на Агнессберг, к живописному замку Вернигероде, известному, по меньшей мере, с XII в. Впрочем, на протяжении столетий своей истории он неоднократно перестраивался и свой нынешний вид приобрёл лишь в XIX в. В замковом дворе, вход в который сторожат колоритные персонажи в одежде из раннего средневековья, продолжается фестиваль, приуроченный к Вальпургиевой ночи. Здесь, как и на Броккене, раскинули свои шатры реконструкторы и торговцы этническими сувенирами. На одном из лотков, среди магических амулетов и глиняной посуды совершенно неожиданно обнаруживаю старое издание «Книги Закона» Кроули на английском и немецком языках, которое продаёт закутанный в чёрный плащ мужичок в выглядывающей из-под него чёрной кожаной одежде, с совершенно безумным взглядом, выражающим пребывание по ту сторону добра и зла. Неподалёку суровые бородатые люди свирепы играют на волынках.

...После обеда вновь едем на Броккен, чтобы в этот раз подняться на самую вершину легендарной горы и там, в уединении, возлить из рога Древним Богам.

---

¹⁰¹ *Hans-Günther Griep. Mythologie Harz. Märchen & Sagen. Verlag Schadach, Literatur aus dem Harz, 2015. S. 52–53.*

Долгая дорога на поезде, затем — серебряными проблесками — белые снега и каменные «Алтари Вейм» на самой вершине горы, и Памятный Камень посередине круга из металлических таблиц с указателями городов, и огненно-рыжая лисица уверенно и осторожно смотрит на меня из-за иссеченного ветрами серого валуна... Здесь со всей пронзительной ясностью переживаются пустота и чистота места, — как, впрочем, это всегда ощущается на Вершине...

Поднимаемся на смотровую площадку в башне, с которой открывается вид на десятки километров вокруг. Отсюда, сверху, круг таблиц, опоясывающих Камень, представляется совершенным Вейминим Кругом, внутри которого хочется безумно славить Богов, молчать и петь, и плясать, и умирать, и возрождаться вновь, и пить Вино Экстаза из Чаши моей Возлюбленной — чтобы быть достойным бездонного взгляда Той, Которая «в огнерыжем лисьем танце» поёт здесь Свою Песнь Любви без слов...

Истинное Ведание открывается не в философских построениях, не в знании о внешнем Мире, но лишь в постижении ТОГО в нас, КТО смотрит на этот Мир изнутри и познаёт через него СЕБЯ. Мы можем знать многое о том, что нас окружает, но подлинное Ведание начинается там, где все знания молчат, где познаваемое и познающий становятся поистине ОДНИМ, где Любовь примиряет несовместимые крайности, и где всякая двойственность растворяется в НЕРОЖДЁННОМ.

Обыватель боится «вейм», потому что они символизируют для него всё то, чем он не дерзнул стать, что осталось за рамками его обыденности и потому угрожает целостности имеющегося у него Образа Мира. В сущности, этот страх — пустой, суеверный и бессмысленный, но он показателен в плане того, что являет собой «обычный» человек.

Когда наше личное соприкасается с Вечным внутри нас, оно испытывает ужас, который сродни страху Смерти. Когда человек готов к Посвящению, он дерзает выйти за пределы этого ужаса, будучи готов умереть в личном, дабы пресуществиться и возродиться в Вечном.

Ведание — это неконцептуализированное знание подлинного СЕБЯ, практически бесполезное для того, кто ищет знаний Мира сего. Это неопикуемый плод Духовного Самопознания — реализованного Знания самого познающего Субъекта, а не познаваемых объектов вонне него.

Истинно Ведающий не боится «вейм», ибо Вейм или Вейма вонне него знают без слов ТО, о ЧЁМ невозможно говорить, а можно лишь молчать, пить Вино Экстаза и трезветь на пике Безмолвия...

16. Ответ

<2.05.2017; после полудня, путь на Дрезден>

ЕДЕМ через стену дождя. Я просматриваю добрую книжку по Демонологии, приобретенную в книжном магазине в Вернигероде. Горы Гарца укутаны маревом облаков.

Удивительная ясность, чистота и спокойствие разливаются по телу. Капли дождя — словно поцелуи моей возлюбленной, тёплые и нежные. Когда Мастер находит свою Маргариту, а Маргарита находит Мастера, проходят страхи и тревоги, улечувивается печаль, Мир приобретает хрустальную законченность и одновременно удивительную прозрачность. За его утончённой хрупкостью вспыхивают звёзды Вечности.

Моя Возлюбленная танцует на острие пламени, улыбается в каждой дождевой капле, и каждая капля равно самой далёкой звезде... И каждый человек, мужчина и женщина, — это Звезда. И каждый миг — это Вечность, и каждая встреча — навсегда, и каждое прощание — это полное и безоговорочное прощание. И во всём Мироздании нет ничего, что не было бы проявлением Божественного, дивным и чарующим танцем, далёкой и одновременно такой близкой песней в Тишине.

Быть — это так божественно просто, когда ты просто есть, когда ты больше не держишься за «себя», за «свои» отношения с Миром, когда ты отпускаешь, прощаешь и любишь. Подлинно быть — значит быть без «как», без метода, без концепции «бытия». Мы все — словно часть общей головоломки, которая не имеет ответа, потому что сама и является Ответом, потому что разгадана изначально. Просто мы задаём не те вопросы, и потому все наши ответы получаются не о том. И мы вновь и вновь проходим мимо главного Ответа, который никто и никогда ни от кого не скрывал.

17. Выбор

<При подъезде к Дрездену>

СОЛНЦЕ вдруг охватило Небо своими лучами, и Огонь залил окоём. Жёлтые рапсовые поля ликут под золотом Небес, и травы зеленеют под мягко ступающими ногами Богини. Столько излито Любви! Столько Огня, и Ветра, и Молчания, и... всего Невыразимого!..

Смерть всё равно придёт ко всем. Либо ликуйте, либо страшитесь, — этот выбор всегда за вами. Моя возлюбленная научила меня ликовать. Моя возлюбленная возродила меня. Моя возлюбленная научила меня умирать в Любви и возрождаться в Вечности. Все Боги признаются в Любви к моей Возлюбленной. Все Богини встали в Священный Хоровод вокруг нас. Мы — Священный Камень, и Древо, и Змей у его корней. Мы — Солнце и Ветер, и благодатная Земля, и Глубина Вод, и сияние Льда в Центре.

Мы — Пламя, горящее внутри. Мы — беспричинная Любовь Бога и Богини, не знающая разделения. Мы — Жизнь, и Смерть, и Возрождение, и сияющая Пустота Освобождения. Мы — Любовь и Безмолвие. И — ...

...

Окровавленными губами я целую горящее Сердце твоё!..

18. Любовь

ЕСТЬ любовь как желание, и есть Любовь как Смерть, и есть ЛЮБОВЬ как Воля к ЕДИНСТВУ. Не говори, что ты *знаешь*, что такое Любовь. Ибо «знать» ты можешь лишь любовь, лишь магнетическое притяжение полов, а всё остальное сияющим Ветром врывается в твои *сны*, и ты вдруг перестаёшь «знать», и Любовь открывает себя, распахивая занавесь твоих *снов*. Лишь Духовное Знание растворяет тебя, пресуществляет тебя, убивает и возрождает тебя. Лишь Сердце способно вместить Солнце, лишь Смерть способна вместить Жизнь, лишь безумие способно вместить Танец моей Возлюбленной, и лишь безусловное принятие может открыть Врата Беспредельности.

Мы можем перестать собирать структуру Миров прямо здесь и прямо сейчас, мы можем перестать играть, если такова наша Истинная Воля. Мы можем любить и наслаждаться всем без исключения, — слышишь, НАСЛАЖДАТЬСЯ ВСЕМ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ!.. — если мы пьём Вино Экстаза, не боясь последствий, не страшись результатов нашего выбора, не опасаясь последствий продолженности нашего обусловленного бытия.

Мы можем ликовать прямо ЗДЕСЬ и прямо СЕЙЧАС, если такова наша Истинная Воля. Мы можем молчать, если наш ум нашёл свою «могилу» в Сердце. Мы... — знаешь, почему я не отделяю сейчас «я» от «мы»?.. — мы можем пребывать без «пребывающего» ТАМ, ГДЕ нет «мы» и нет «я», и нет времени, и нет никакого становления, никакой продолженности, — есть лишь ТО, ЧТО ЕСТЬ, и это поистине прекрасно!..

19. Восхождение на гору Чернобог

<3.05.2017; пишу утром в старинной крепости Баутцена, дописываю позднее на горе Чернобог>

РАНИМ утром башни старой крепости тонут в дымке. Белёсый сумрак мягко обволакивает стены и бойницы, и чернеющие сквозь него кроны ещё не выпустивших листву деревьев напоминают паутины, зависшие в воздухе между Небом и Землёй.

Когда я был здесь впервые, в 2013 г., на местном кладбище у развалин церкви св. Николая мне запомнилось одно надгробие — вырезанная из дерева женская фигура чёрного цвета, которую я назвал про себя «Марой». Каково же было моё изумление, когда вчера вечером я прочитал имя той, чьи останки покоятся под этим надгробием. Её звали *Божена Навка*. Я долго стоял у могилы, не в силах оторвать взгляд от Лика, вырезанного неизвестным мне скульптором для женщины, о которой я не знаю ничего, кроме её имени.

Здесь, на земле лужицких сербов, или сорбов, до сих пор сохранились многие Славянские имена и названия. Так, немецкий городок Баутцен (*Bautzen*) помнит и своё Славянское имя — Будишин (в.-луж. *Budyšin*), а в двадцати с небольшим километрах от него возвышаются две горы, носящие названия Белобог (*Bieleboh*) и Чернобог (*Czorneboh*). В 2013 г. мы с моим другом Артёмом поднимались на них...

Древние места, как и старые дома, хранят свой неповторимый дух. Мы остановились в гостинице, построенной ещё в 1431 г. И это далеко не самое старое здание в городе. В местном букинисте, среди гор старинных книг, нахожу несколько прижизненных изданий Рудольфа Штайнера и пару книг по оккультизму, изданных в XIX в. Старые книги здесь неприлично дешёвы. Беру книгу в руки — и будто окунаюсь в ту эпоху, и время касается моих рук шершавыми страницами давно минувших дней...

После полудня едем к горе Чернобог, расположенной близ деревушки Куневальде (*Cunewalde*; в.-луж. *Kumwald*).

Оставляем машину на парковке за пару километров до вершины. Дальше идём пешком. Ветер свистит в елях и расселинах диковинных камней, разбросанных в хаотическом порядке тут и там. Старые деревья будто переговариваются друг с другом короткими скрипами.

Сначала идём к «Чёртову Окну» — круглому провалу в чёрной слоистой скале. Возливаю из рога густое тёмное пиво на камни и обращаюсь к *Вещему* Владыке. Есть такие места, которые могут открываться нам как своего рода Врата или Окна в *Иное*. На самом деле такое Окно открывается не в камне, а внутри нас самих. Просто в некоторых местах это внутреннее раскрытие почувствовать проще. Здесь ум умолкает у Врат Вечности, и ТО, ЧТО за пределами всех наших умственных построений, вдруг прорывается наружу, растворяя замкнутые круги наших «человеческих, слишком человеческих» обусловленностей.

Далее спускаемся вниз — к Купели Чернобога, огромному Камню-«чашечнику», лежащему на небольшой полянке в окружении сумрачных седых елей. Неподалёку от него лежит Камень поменьше, углубление в котором местные суеверы называют «следом копыта Дьявола».

В Каменной Купели стоит вода, она бездонна, темна и холодна. Черпаю её горстью — прохлада освежает губы. Пью её кристальную Силу, словно собранный ладонями моей Возлюбленной звёздный свет... Переодеваюсь в обрядовую одежду, возливаю из рога к подножию Камня и смотрю, как в воде, словно в зеркале, отражается Небо.

Это — место Посвящений. Здесь время словно остановилось, и слова утопают в сгустившемся Молчании. Здесь тебе не нужно о чём-то просить или предаваться мечтам о суетном — Камень без слов говорит с твоим Духом и о Духе, и всё действительно важное для тебя, что ты не умел высказать, вдруг становится очень простым и ясным. И пусть мы не всегда знаем, каким образом

свершится то, чему должно произойти, но семя уже брошено в почву, и в свой срок оно принесёт урожай...

Люди склонны приписывать «чёрту» всё то, что выбивается из их представлений о действительности, выходит за рамки их обыденности. Особенно, если речь идёт о Силе, способной сокрушить наши иллюзии и разрушить привычный Образ Мира. Чернобог, Велес, Один, Шива — всё это суть разные Имена ТОГО внутри нас, ЧТО способно вывести человека из ловушки «себя» на свободу.

Эта могущественная Сила не предназначена быть банальным раздатчиком житейских благ. Она призвана разрушить то, чему пришла пора завершиться, или сорвать с нас *личины*, с которыми мы ошибочно отождествляем себя. Эта Сила, через Смерть и рассоздание, ведёт нас Тропой Посвящения. Пресуществляя человека, обращает его к самому себе. Предвечная Тьма остаётся неузнанной в гуще мирских забот, но когда ум находит свою «могилу» в Сердце, Она раскрывается нашей Истинной Природой — Бездной НЕРОЖДЁННОГО по ту сторону слов.

20. Невыразимое

<4.05.2017; Баутцен, раннее утро>

РАССВЕТ проливается на красные кирпичные крыши старых домов неслышно, как кошка крадётся по карнизу напротив. Она предельно собрана, но совершенно не напряжена. Она просто движется, следуя своему естеству, как растёт трава или наступает утро. Булыжные мостовые ещё хранят влагу ночи, но день уже вступает в свои права, и город пробуждается, чтобы погрузиться в свою привычную какофонию транспортных шумов и деловых разговоров. Вместе с тишиной ночи чудо уходит, освобождая место для рациональных повседневных забот и «неотложных дел»...

Все мы живём на грани Невыразимого. Неизвестное и уже известное сменяют друг друга, как живая листва сменяется листвою опавшей, как сухая прошлогодняя трава исчезает в свежей зелёной поросли. Но это лишь трансформации, которые мы наблюдаем в плоскости *этого* Мира, которые мы можем описывать и рационально интерпретировать в соответствии со своими знаниями о посюстороннем.

Невыразимое равно дышит через известное и неизвестное, через субъект и объект познания, через нас и этот Мир. То, что мы обычно называем «духовным поиском», на самом деле зачастую является не более чем трепетом алчущего ума, неспособного обладать ТЕМ, ЧТО изначально находится за его пределами, — Невыразимым.

Умом мы стремимся к обладанию, в то время как наша Истинная Природа есть ТО, ЧТО мы ЕСТЬ на самом деле, ЧЕМ мы не можем «обладать», потому что уже являемся ЭТИМ — подлинным САМИМ СОБОЙ. В этом заключается коренная ловушка ума, играющего в игру под названием «духовный путь».

21. Отрубленноголовые влюблённые

<4.05.2017; Баутцен, около полудня>

НА БАШНЕ Маттиаса (*Matthiasturm*)¹⁰² в крепости Ортенбург в Баутцене, в небольшой нише под окном, видим две каменные головы — мужскую и женскую. Местная легенда гласит, что это отрубленные головы влюблённых друг в друга монаха и монахини...

---

¹⁰² Имеется в виду венгерский король Маттиас (Матьяш) Корвин, что значит «Ворон», живший в XV в.

Когда о человеке говорят, что он «потерял голову» от любви, обычно это понимается слишком приземлённо — в том смысле, что человек утратил способность рассуждать разумно, чересчур предавшись эмоциям. Для *гилика*, то есть «плотского» человека, это так и есть, но для более высоких уровней восприятия, для *психика* или *пневматика*, Любовь есть преодоление обыденной рассудочности ради раскрытия Духовного Сердца.

В Мистерии Любви нам *необходимо* лишиться головы, принеся её к стопам Владычицы, чтобы Сила Богини смогла пресуществить нас. Если Любовь не экстатична, не Безумна в высшем смысле, то это не Любовь вовсе, а просто симпатия, или желание обладание, или привязанность, или что-то ещё.

Любовь — если это подлинная Любовь — всегда Смерть. Смерть и Возрождение. Прорыв в Вечность над временем. Упоительное Благословение Богини.

22. Восхождение на гору Белобог

<Сумерки на горе Белобог>

БЕЛОБОГ встречает нас густым непроглядным туманом, — словно белый саван окутывает гору. Сквозь туман тускло светятся призрачные огни на фонарях справа от уходящей в белую высь дороги... На вершине горы, в отличие от Чернобога, нет особых достопримечательностей. Здесь посетителей встречает небольшой, но уютный ресторанчик, за которым возвышается старинная смотровая башня — самое высокое здание на горе.

Рядом с башней, под цветущей яблоней, находится необычное каменное образование, обсыпанное белыми лепестками, словно сама Природа совершает здесь Своё обрядовое подношение Владыке Горы. Если когда-то на вершине и был Алтарь Бога, то для него было бы естественным находиться именно в этом месте.

Возливаю пиво из рога на Камень. В этот самый миг он для меня, безусловно, — подлинный Алтарь...

Яблоневого цвет, тускнеющий в наступающих вечерних сумерках, медленно тает в молоке густого тумана, и мохнатые ели на склонах выглядят далёкими сумрачными великанами, сторожащими покой Древней Святыни... Здесь всё совсем не так, как на Чернобоге, — здесь нет той величественной Силы, идущей из Глубин, и безмолвной Мощи, которую мы ощутили на той горе, но, тем не менее, мы все сейчас испытываем возвышенную торжественность и какую-то утончённую Святость этого места.

На парковке, куда мы возвращаемся к машине, прямо перед нашими глазами оказывается убожённый ветрами и дождями собачий череп... Таким вот открылся нам сегодня Белобог!..

23. Наша Истинная Воля

<5.05.2017; раннее утро в Баутцене>

ИЗ БЕЛОГО безмолвия утра рождается свет дня. Белая замковая башня Ортенбурга, служившая когда-то водонапорной, восстаёт из тумана призраком былых веков...

Как часто мы вспоминаем о годах, давно забытых, скользя воображением по шкале времени, и в этот миг упускаем Вечность, раскрывающуюся прямо здесь и прямо сейчас, неподвластную проходящему времени. Мы измеряем собственную жизнь прошедшими событиями и годами, описывая себя через дела и события, хранящиеся в памяти, — забывая о том, что все эти описания относятся к нашей смертной личности, а не к Сущности. Так за «собой», за *личинами* преходящего мы не видим подлинного СЕБЯ. Так за человеческим мы не замечаем Божественное.

Оставив пустые сожаления и надежды, не держась за привязанности и вожделения, не будь рабом «своих» желаний, но следуй своей Истинной Воле — таков поистине да будет весь Закон!

24. «Зелёный Человек»

<5.05.2017; на улицах Дрездена>

К ПОЛУДНЮ приезжаем в Дрезден на Эльбе, находящийся примерно в 60 км от Баутцена.

Вопреки распространённому мнению, территория, занимаемая ныне Свободным государством Саксония, столицей которого является Дрезден, никогда не была местом обитания саксов (которые жили преимущественно на месте нынешней федеральной земли Нижняя Саксония) и до X в. была населена, в основном, Славянами. После захвата этих земель германскими племенами значительная часть Славян осталась на этой территории, где вскоре была христианизирована, в результате чего практически полностью лишена своей культуры и онемечена.

...Ходим по старой части города, относительно небольшой, практически полностью разрушенной и выжженной бомбёжками союзников (американцев и англичан) в феврале 1945 г. Тогда здесь в огненном смерче буквально горела земля, и плавился камень, и раскалённый воздух выжигал лёгкие обречённым людям... По разным оценкам, за несколько дней погибли десятки тысяч(!) человек, большая часть которых была мирным населением, беженцами — женщинами и детьми, и один из мировых культурных центров практически перестал существовать. В послевоенные десятилетия трудолюбивые немцы, в жилах многих из которых и по сей день течёт кровь древних «вендов», возродили этот замечательный город музеев и дворцов, справедливо названный «Флоренцией на Эльбе», буквально из праха...

Начинаем детальный осмотр достопримечательностей Дрездена со скульптурной композиции «Четыре времени суток» Иоганнеса Шиллинга, созданной им во второй половине XIX в. и установленной на лестничном подъёме, ведущем на террасу Брюля. Я долго вглядываюсь в лицо скульптуры, изображающей Ночь — в облике Женщины с Лунным Серпом над головой. Изваянная рядом с Ней фигура спящего юноши держит в руке несколько опьяняющих растений мака...

Гуляя по центру города, на фасадах кирх и дворцов высматриваем Лики так называемого «Зелёного Человека» — Божества Плодородия и вегетативной Силы Природы, широко известного в разных культурах Европы и во многом похожего на нашего Ярилу — «Зелёного Юрия» эпохи двоеверия. Богатство и роскошь былых веков, запечатлённые в камне, строго и величественно смотрят на нас Древними Ликами, чудесным образом возродившимися, подобно птице Феникс, из пепла пожаров Второй мировой.

Так всегда было, и так будет: древние символы, смысл которых вроде бы давно позабыт, вновь и вновь возрождаются, несмотря на все гонения, ненависть и злобу невежд. Уходят народы, стираются древние руны и забываются имена, но ТО, ЧТО за пределами имён, не умирает, но проявляется в новых формах, как вечно обновляющийся «Зелёный Человек», вновь и вновь прорастая в этот Мир — возрождаясь не из личного, но из Вечного.

25. Танец с Богиней на краю Бездны

<6.05.2017; при выезде из Баутцена>

ПРИ ВЫЕЗДЕ из Баутцена нас провожает каменное Женское изваяние с Полумесяцем над головой... Моя Богиня со мной!

Всё легко и просто, когда Сила Богини с тобой. Но это возможно, лишь когда ты смотришь на Мир не из «себя», не из личности, а из Сущности. Иными словами, это возможно, лишь когда та находишь Божественное в себе и не отделяешь себя от Него.

Любовь Богини — это всегда опасно, словно ты танцуешь с Ней на краю Бездны. Сила Богини в буквальном смысле разорвёт тебя, если ты дерзаешь танцевать с Ней в своём человеческом естестве. Как обусловленное существо, ты — лишь пылинка, вспыхнувшая на миг в свете Её Звезды. Но как НЕРОЖДЁННОЕ — ты един с Нею, ибо Бог и Богиня всегда ОДНО.

...*Кто* ты сейчас?

26. Небо над Берлином

<Восточный Берлин, вечер, пишу на закате>

РОЗОВЫМИ всполохами Небесного Огня окрашена высь, и облака отдают свою белизну кричащей гамме фальшивых красок внизу. Грязь и гомон заполненных толпами улиц, калейдоскоп смуглых и чернокожих лиц, располневшие неопрятные женщины в арабских платках и сопровождающие их бородатые мужчины, с вожделием пожирающие взглядами разлагающиеся останки Старой Европы... Здесь, прямо на наших глазах, в конвульсиях умирают красота, благородство и честь. Здесь всё безвозвратно искажено, растоптано и распродано. Здесь безраздельно царит диктатура посредственности, под бременем которой сокрушительно и остро догорают шпенглеровский Закат Европы.

На контрасте с германской глубиной Берлин кажется всепожирающим людоедом, который будет потреблять и истреблять всё то, благодаря чему он существует, покуда не сожрёт себя до конца и, выблевав окровавленные внутренности, не сдохнет в своих испражнениях.

С фасадов старинных зданий запечатлённые в камне лики — высмеянные и ошельмованные дегенератами образы классической древности — бесстрастно смотрят вдаль, словно зрят *иное* Небо над Берлином; и вдруг мы видим, как, вспарывая закат крылом, стремительная чёрная птица пронесется над смердящей толпой, над убожеством душ, над слюнявостью лиц, над галдящим потоком бессмысленных человекоподобных испражнений «бога», которого нет...

И в Небе над остывающим трупом Берлина, неузнанная и неразгаданная, сияет сквозь сумрак Звезда!

27. «Идолы» и идеалы

<7.05.2017; «Музейный остров» в Берлине; далее пишу у Бранденбургских ворот>

ПОД ЧИСТЫМ Небом утреннего Берлина почерневший камень старинных дворцов, в контрасте с залитыми светом площадями, выглядит строже и сумрачнее. Монументальные скульптуры на фасадах домов в старой части города воплощают величественность и мощь атлантов, чья древняя земля давно затонула в пучине времён. Солнце прячется в зелёной листве, и толпы всеядных, вечно что-то жующих туристов кажутся не более существенными, чем обрывки водорослей или сгустки пены на гребнях быстротечных волн...

У Бранденбургских ворот, где в высоком синем Небе над нами безраздельно царит Богиня Победы на стремительно летящей квадриге¹⁰³, обращённая на восток, буддийский монах в оранжевой одежде размеренно и неторопливо ударяет в обрядовый барабанчик, оставаясь

---

¹⁰³ *Квадрига* — античная двухколёсная колесница с четырьмя запряжёнными конями.

молчаливым среди многоликой и шумной толпы. Рядом группа молодых энергичных людей увлечённо проповедует какие-то «новые» политические идеалы...

Из чего состоят человеческие идеалы? Из памяти о прошлом, откуда нашим умом неосознанно удаляется всё то, что мы не готовы в себе принять. Принимаемая же часть абсолютизируется и доводится до предельных форм в воображении, после чего такое одностороннее произведение нашего ума становится нашим «идолом», которому мы готовы поклоняться, видя в нём свой идеал. Но в действительности за идеалом ничего не стоит, он — всего лишь наше идеализированное прошлое, спроецированное на образ будущего, что существует только в нашем уме и нигде более.

Мы готовы обожествлять то обличье, в каком хотели бы видеть себя, готовы поклоняться идеализированному образу выдуманного «себя», изначально оторванному от действительности. Такими же мы готовы видеть наших «учителей» и наших «богов». Этим пользуются многочисленные подражатели, принимающие образ «духовных наставников» — тот образ, который существует в представлениях толпы, но не имеет ничего общего с фигурой подлинного Духовного Учителя.

Пока мы зачарованы надуманными, обусловленными идеалами (а все без исключения идеалы таковы), мы упускаем Действительность по ту сторону слов. Пока мы ищем образ, сотканный из нашего прошлого, и стремимся к нему как к идеалу, мы не замечаем того, что есть на самом деле. Божественное равно присутствует повсюду без исключения, и единственное «место», где Его нет, это наши *представления* о Божественном. В наших идеалах нет и не может быть ничего Божественного, как в Действительности нет и не может быть никаких идеалов.

Богиня танцует в *разбитом* Сердце Мастера — там, где более нет места «идолам» и идеалам. Не говори, что ты «знаешь» Богиню. Всё, о чём ты можешь знать, есть лишь прогоревший прах под Её стопами, быстротечный поток в песочных часах. Она же — Вечность *над* временем, недоступная для ума, то есть для того в нас, кто может «знать».

Кто есть Я? Поистине, ТОТ, КТО никогда не «знает». Не ум. Не «я». ТОТ, КТО просто ЕСТЬ.

28. Он и она

<8.05.2017; утро в Берлине, глядя на воздушный шар>

КАЖДАЯ Встреча происходит на Небесах, потому что встречаются не тела, а души. Он даёт ей Крылья и Пламень Духа, она ему — Силу и Любовь Земли. Ему не хватит сил взлететь без её Любви, а ей не хватит Воли оторваться от Земли без его устремлённости.

Он без неё — падающий Икар. Она без него — затонувшая в глубинах морских Звезда. С ней он — Люцифер, Несущий Свет. С ним она — Багряная Жена, летящая верхом на Звере.

Он устремляется ввысь — чтобы найти свою Звезду Глубин. Она падает в Небо, чтобы Свет Звезды воссиял во Тьме. Ей нужен его Самосиянный Свет, а ему — Глубина её Тьмы. Он — её Бездны Пламень, а она — его Любовь, его Смерть. При этом он возрождается в ней, а она умирает в нём... И только в ЕДИНСТВЕ они обретают То, Что нельзя «обрести», — подлинное БЕССМЕРТИЕ.

29. Дороги и Путь

<По дороге в Ральсвик>

ЕДЕМ в Ральсвик (*Ralswiek*) — один из прибрежных населённых пунктов Рюгена. В VII–XII вв. располагавшееся здесь Славянское поселение было крупным торговым и ремесленным центром, в гавани которого базировался флот руян. До сих пор в верхней части герба Ральсвика

красуется изображение древней Славянской ладьи... Мне уже доводилось бывать здесь, но я вновь чувствую приятное нарастающее волнение, словно приближаюсь к рюгенским Святыням в первый раз.

Проезжаем бесконечные рапсовые поля, пылающие закатным золотом, и леса гигантов-ветряков над ними. Мы сейчас — словно вечные дон-кихоты, вышедшие сражаться с размахивающими руками великанами, но в самый последний момент постигшие Дао и отказавшиеся участвовать в бессмысленном сражении. И весна прямо на наших глазах вдруг обернулась летом, и склоны по бокам дороги утонули в густой зелени, и степенный аист тяжело и по-летнему утомлённо расправил над нами крыла... И вот, наконец, выезжаем на дорогу к построенному в конце XIX в. замку Ральсвик...

Дорога может стать для тебя Путём, если ты — человек Пути; но даже Путь будет не более чем одной из дорог для того, кто воспринимает только то, что видят его глаза. Путь — это обращение к собственному Духовному Центру, в то время как дорога — движение по периферии материи, изменение не качественное, но количественное.

Если смотреть ещё глубже, то Путь — это тоже иллюзия, созданная умом. Он существует лишь как движение ума от одного обусловленного состояния к другому, тогда как наша Истинная Природа всегда пребывает в Недвижимом Центре за пределами всякого становления. Мы не можем «идти» к СЕБЕ, потому что изначально являемся СОБОЙ. Лишь когда мы пребываем в Центре — в Естественном Состоянии Первоосновы по ту сторону всех «состояний», свободные от иллюзии «пребывающего», — мы поистине Бессмертны.

30. Призраки замка Ральсвик

<Глубоко за полночь, в гостиничном номере замка Ральсвик>

ПРИЗРАЧНЫЙ свет почти полной Луны перламутровым водопадом вливается через окно, парадоксальным образом выявляя призрачность всего вокруг. Пальцы кажутся прозрачными, рука стала светом, тускло мерцает траурная белизна гостиничной постели. А за окном очертываются ночных облаков серебрятся под Лунным прибоем, и бестелесные тени незримо проходят по древним Прямых Дорогам, по которым не ступала нога человека... Я в комнате один, но, поистине, я не одинок!

Сейчас всё вокруг — ликование Богини, и всё возможно, и ни в чём нет преград. И всё без исключения, всецело и бесповоротно, предано Ей, принадлежит Ей одной, существует лишь для Её Наслаждения. Сегодня ночью у моей Владычицы бал, на который приглашены призраки, тени и сны. И только сейчас со всей отчётливостью видишь, сколь призрачно всё, что мнится «реальностью» днём.

На грани бодрствования и сна стакан с водой, ещё хранящий тепло руки, беспределен, и бездна тайн содержится в его бездонной глубине. Сейчас все мы и всё, что окружает нас, и всё то, чего мы не знаем, и эти звёзды на наших ладонях — реальны ровно настолько, насколько реален свет Её Серебра.

31. Приближение к Арконе

<9.05.2017; остров Рюген>

В Бергене-на-Рюгене у так называемого Камня Яромара возливаем красное вино из рога. Заходим в местный краеведческий музей, чтобы рассмотреть выставленные там изваяния

Свентовита. Останавливаемся у Штапельного Камня на площади... Дальнейший наш путь лежит на Аркону.

...Пешком через Путгартен, по дороге, где шла весна, мимо засеянных полей, ждущих звуков лютни дождя, — идём к мысу, от приближения к которому замирает сердце и сбивается дыхание, и все слова подобны мёртвым птицам, камнями падающим в пену волн. Здесь привычный поток мыслей даёт сбой, обнажая рану, которую не излечить. Здесь в человеческом случается прореха, в обыденном — внезапный провал, когда нельзя больше скрываться в «себе».

Не говори, что ты исследовал и изучил Святыню. Возможно, ты лишь прикоснулся к поверхности капли дождя, лишь приблизился к отголоску эха собственного предсмертного крика. Всё, что ты «изучил» и «познал», не твоё. Всё, что ты полюбил, чему отдал себя, то одно не отнимется у тебя.

По размытым веками валам древней крепости, шаг за шагом, иду к обрыву над бездной, где волны веками бьются о белый камень, где по осени всё желто от ягод облепихи, где чёрной галькой утробно поёт прибой... Молчу.

Слишком многое нужно сказать — или не говорить. Слишком долго нужно страдать — или не жить. Слишком много нужно познать — или просто Любить. И над бездной Молчать...

32. Традиция и «традиции»

<10.05.2017; остров Рюген>

ГРОМЧЕ ВСЕХ о своей принадлежности к «древней традиции» говорят люди, не имеющие личного Духовного опыта. Принадлежность к чему-то значимому — традиции, сообществу, «узкому кругу» посвящённых — питает нашу ложную самость, оправдывая нашу личную пустоту и неспособность открывать Действительность самостоятельно.

В сущности, существует только одна Традиция — непосредственная Передача из Источника, самооткровение Духа через каждого из нас. Придуманные людьми, сложившиеся в тех или иных сообществах привычки, обычаи и традиции говорят что-то о наработанном опыте, о прошлом, — но подлинный Духовный опыт раскрывается не в прошлом, а только здесь и сейчас.

Любая традиция — это культурная обусловленность, помогающая нам на начальном этапе освоить тот понятийный язык, на котором в данном культурном пространстве принято говорить о Невыразимом. Но не стоит обманываться: в своей сути Невыразимое не связано ни с какой традицией и ни с каким языком. Божественное можно описывать по-разному, но все описания окажутся равно ложны (или, если так проще, равно правдивы), потому что будут относиться не столько к неопишуемому Божественному, сколько к личности того, кто Его описывает. Иначе говоря, они будут отражать скорее точку зрения смотрящего, нежели ТО, ЧТО он старается увидеть.

Сами по себе традиции не хороши и не плохи. На определённом этапе они могут использоваться людьми в качестве инструментов познания себя и Мира, но когда мы переходим от внешних устремлений к Духовному Самопознанию, мы вступаем на территорию без заранее проложенных дорог, встаём на Путь без пути. Приходит пора, когда всякая привязанность к форме должна быть оставлена.

В данном случае речь не обязательно идёт об отбрасывании формы как таковой. Следует отбросить именно привязанность к форме, обусловленность ею. В конечном счёте, все формы без исключения суть проявления Бесформенного, и когда Бесформенное НЕРОЖДЁННОЕ раскрывается в нас, следовать или не следовать той или иной форме, воплощать или не воплощать через неё свой опыт — становится несущественным.

33. Камень Свентовита

<«Свантевитштайн» в Альтенкирхен; пишу в машине>

ВСЁ УТРО шёл дождь, и листва пахнет свежестью дикой Природы, и травы буйно пустились в рост. Земля готовится к торжеству Жизни, к празднику нового дня и грядущей ночи майского Полнолуния...

Едем в Альтенкирхен. В «Старой церкви» возливаем из рога перед Камнем Свентовита. Я фотографирую «рунические» знаки на кирпичках, а также фигуру Кабана, изображённую почти под самым потолком церкви. Кабан — это древний символ Плодородия в Северной традиции, однако здесь христиане видят в нём символ Дьявола. Что ж, если, не зная истории религии, принимать всерьёз дуалистические библейские сказки и верить, что Божественное действительно таково, каким описывается в «Библии», то, пожалуй, честнее было бы встать на сторону Дьявола...

Обыденное сознание всегда мыслит в категориях двойственности, навешивая ярлыки и разделяя неделимую Действительность на две противостоящие друг другу крайности. «Бог» и «Дьявол», «добро» и «зло», «правильное» и «неправильное» раскалывают ум человека на две половины, между которыми идёт непрестанная борьба. Это столь же смешно и нелепо, как если бы два полушария мозга вступили друг с другом в нескончаемую войну, или правая рука пошла бы войной на левую.

Разделяет ум, тогда как Дух единит. Отождествляясь со своей ложной самостью, человек попадает в ловушку ума и становится в чём-то шизофреником — разделённым, расщеплённым внутри себя, с трагически расколотым Образом Мира. Раскрывая свою Истинную Природу, он восстанавливает изначальное ЕДИНСТВО.

34. Солнце Героев

<Пишу на Арконе>

...**М**ЕДЛЕННО идём к Арконе из рыбацкого посёлка Фитт (*Vitt*), существующего здесь, по меньшей мере, со времён Арконского Храма. Под мелким дождём одежда промокает медленно; галька скрипит под ногами, и шум прибоя вырывает с корнем все поверхностные мысли и заботы.

Переоблачаюсь в обрядовую одежду, наполняю красным вином рог, затыкаю за пояс небольшое изваяние Четырёхликого Свентовита, которое я вырезал пару лет назад из ясмундского бука. (Ясмунд — это национальный парк и реликтовый буковый лес на северо-востоке Рюгена.) Ветер играет волнами, бросает брызги в лицо, омывает нас перед обрядовым действием у подножия белой меловой скалы, где когда-то, на самой вершине, на выступавшей части мыса, что уже давно обвалилась в море, возвышался величественный Храм Свентовита — «Бога богов», Священное Изваяние Которого было обращено четырьмя Лицами на четыре стороны света. Багряные полотнища колыхал ветер Балтийского моря, и содержащийся при Храме белый конь, призрак которого местные жители видят здесь до сих пор, бил копытом в прибрежную твердь.

У подножья скалы возливаю вино, говорю очень мало слов. Долго молчу... На обратном пути, раздевшись по пояс, у Камня Людвиг Козегартена умываюсь волной, размётывая остатки жертвенного вина из рога на все четыре стороны. Последний взгляд на Святыню, последний порыв — и вот я снова «иду Тебе навстречу — голый и святой», и Богиня, сильная и стремительная, летит мне навстречу остриём копья, от которого невозможно уклониться, целует меня кроваво и безрассудно, — и вот мне уже не больно, и умирающему больше не страшно, смертельно раненому больше не «здешне», в Бездну летящему больше не «таково», и нет слов,

чтобы сказать о пылающем древнем Солнце Героев и о Сердце, *разбитом* Молотом Осознания, обнажающим НЕРОЖДЁННОЕ.

35. Что такое Любовь

<В ночи Полнолуния>

СЕЙЧАС я совсем НЕ ЗНАЮ, что такое Любовь. Просто между тем, что вокруг, и тем, что внутри, больше нет различия, и эти капли дождя в порывах тёплого ветра — словно трепетные касания моей возлюбленной, и это блаженство не знает разделения между «я» и «ты», и на языке моём больше нет определений «истинности» или «ложности». Язык мой нем для всего того, что мы «знаем» об ЭТОМ. Сейчас, как, впрочем, и всегда, ОНО невыразимо, безмолвно и безымянно. И фонари зажглись, но даже они не прибавят света, который лучится из *разбитого* Сердца Мастера...

Гуляем по ночному парку... Сейчас каждое дерево на нашем пути — это Огонь, и мы теряемся в его пламени, путаемся крылами в его ветвях. И каждый человек — это Звезда, и каждый вздох — это Рождение и Смерть, и каждый поцелуй, что храним мы в Сердце до встречи, которую ждём, — это касание Вечности...

Будьте безумны, как Звёзды! Будьте прекрасны, как Пламя! Молчаливы — как Камни! Беспредельны — как Вечность!.. Будьте в небытии «себя» СОБОЙ.

Миг безумия, миг чистоты, миг признания безраздельности Любви — это миг самооткровения Духа, когда Я = ВСЁ без исключения, без объяснения и оправдания. Когда не нужно ничего говорить. Когда ничего не нужно. Когда через это «ничего» приходит ВСЁ. Когда каждая крохотная пылинка Мироздания есть ВСЁ, а ВСЁ — есть Любовь, и Любовь — это ВСЁ.

36. Прощание с Рюгеном

<11.05.2017; Ральсвик>

ПОСЛЕДНИЙ день нашего пребывания на Рюгене выдался солнечным. Утренняя тишина наполнена пением птиц. Повсюду разлито какое-то тонкое сияние — трудно выразимое ощущение напоённой светом пустоты и прозрачности, и мне лишь немного грустно оттого, что сейчас рядом нет той, которая ждёт меня дома, в Москве. Впрочем, она теперь *всегда* рядом со мной...

Мы прощаемся с Рюгеном, надеясь когда-нибудь снова вернуться сюда. Здесь — Земля наших Предков, наша древняя Прародина, исток Русского Духа. По всей видимости, именно отсюда, с земель Ругии, пришли летописные варяги «с русью», принеся с собой в земли Восточных Славян само это название — Русь.

Здесь, на Рюгене, стояла Аркона — последнее крупное Святилище Северной традиции, дольше других противостоявшее наступавшим полчищам крестоносных захватчиков. После разрушения Арконского Храма эти земли стремительно онемечиваются, и память о Балтийских Славянах становится легендой, преданием давно забытых времён... Что стало причиной заката Славянской Балтики? Всё как всегда — предательство князей, продажность знати, вечные внутренние распри и междоусобицы...

Но не стоит горевать о былом. Всё в этом Море проходит, и всё остаётся навечно. Прошлое находит своё воплощение в нас нынешних; мы же, воздев десницы к Солнцу, вглядываемся в Вечность над временем, чтобы Вечность глядела в нас.

37. Человек Пути

<12.05.2017; по дороге в Гамбург>

УТРОМ выписываемся из гостиницы, садимся в машину и — *Велесе, в добрый путь!..* — едем по направлению к Гамбургу, старинному ганзейскому городу и крупнейшему порту в Германии. Это второй по величине (после Берлина) город страны. От Ральсвика до конечной точки нашего путешествия нам предстоит преодолеть более 300 км.

По дороге проезжаем указатели с названиями старинных Славянских (ободритских) городов — Ростока («растекания» устья реки Варнов на отдельные потоки) и Любека (происходит от названия княжеской крепости *Любице* — «Любимая»)...

По этой Земле мы проходим либо безродными бродягами, не знающими ни себя, ни пути; либо изнурёнными странниками, бредущими по пыльным и утомительным дорогам без конца и края; либо отвергающими всякое уныние безумствующими Мудрецами — по сияющему неземной красотой Пути, протянутому в Вечность.

«Будьте прохожими», — сказано в апокрифическом «Евангелии от Фомы». Человек Пути — всегда *прохожий* в этом Мире, стремящийся вернуться на свою Истинную Родину. Этим он отчасти похож на бродягу, который тоже нигде не находит себе дома, но сходство это — мнимое, основанное лишь на поверхностном сравнении. Беспутный растворяется в дороге, чтобы умереть однажды на её обочине, а человек Пути растворяет Путь в себе, следуя за Звездой. Дорога поглощает бродягу, а Путник, следуя своей Истинной Воле, сам становится Путём.

Есть ещё Путь Влюблённого — путь ликующего Безумца — путь особый, идти по которому значит танцевать с Богиней на краю Бездны... Рассудок говорит, что такой Танец не может длиться долго, а Любовь говорит, что только он один вечно и длится. Если ты поверишь рассудку, то споткнёшься и падёшь. Если отдашься Любви — взлетишь на Крыльях Духа... Но ведь твой выбор *уже* сделан, не так ли?..

38. «Неоязычество» Гамбурга

<Гамбург; пишу перед зданием ратуши>

ИЗЯЩНАЯ, устремлённая ввысь, подобно готическим соборам, 112 метровая башня городской ратуши встречает нас мозаичным Ликом «богини»... *Гаммонии* — Небесной Покровительницы Гамбурга.

Собственно, Гаммония (*Hammonia*) — это не что иное, как латинское название самого Гамбурга, а «богиня» с таким именем появилась лишь в XVIII в., в эпоху романтизма. Гаммония представлена на мозаике в облике красивой Женщины, увенчанной короной в форме городской стены с башнями. Считается, что она олицетворяет основные ценности Гамбурга, сложившиеся ещё во времена Ганзейского союза: свободу, мир, терпимость, преуспевание, гармонию, благоденствие и свободную торговлю. Как сказал поэт, вложив речь в её уста:

Я не лоретка парижская, нет!
К тебе лишь сошла я открыто, —
Богиня Гаммония перед тобой,
Гамбурга меч и защита!

Конечно, к изобретению новых «богов» и «богинь» можно относиться по-разному, но именно так работает Магия: некое явление или качество осознанно олицетворяется и персонифицируется,

затем это олицетворение наполняется Силой самого Мага и всех людей, направляющих своё внимание на данную персонификацию, питающих её своей верой, — и в результате появляется Существо, реальное ровно настолько, насколько реально то качество, которое оно собою олицетворяет.

Иными словами, люди придумывают имена, но Сущности, которым эти имена придаются, могут быть вполне существующими и до этого, — просто имя помогает более чётко обрисовать эту Сущность, придать ей более определённую форму, выделив из всеобщего безличного Потока Силы. Гамбургская Гаммония — это, конечно, не Богиня в собственном смысле слова, но олицетворённая Душа Города, ставшая на определённом этапе его Духом-Хранителем. Чего больше в истории её появления: психологии или Магии, — на этот вопрос трудно ответить однозначно...

Вообще, если не бояться посмотреть правде в глаза, то придётся признать тот факт, что многие персонажи господствующих «мировых религий» придуманы точно таким же способом, и хотя их последователи готовы с пеной у рта отстаивать реальность героев своих сказаний, в действительности все персонификации, как локально почитаемые, так и имеющие «общемировую» известность, происходят из одного и того же источника — обусловленного человеческого ума, страшящегося Смерти и жаждущего утешения в лице того или иного «спасителя» или «заступника», а потому творящего «богов», что называется — по образу и подобию своему.

39. Город Богини

<13.05.2017; Вольный и ганзейский город Гамбург¹⁰⁴>

ГАМБУРГ — это воистину город Богини, обитель Её ликования и торжества. В средние века Её называли здесь Девой Марией, в эпоху Возрождения — Гаммонией, сейчас Её называют просто — Любовь... И только от самого человека зависит, какой он увидит Богиню: будет ли это Афродита *Урания* — «Небесная», возвышенная и утончённая, или Афродита *Пандемос* — «Всенародная», отдающаяся грубой и невежественной толпе¹⁰⁵.

Походкой беспечной пришла ниоткуда;
Была я извечно, и вечно пребуду.
Какой меня видишь, такой к тебе выйду:
Погибельной страстью, любовью и жизнью!
...
Сделай выбор, маг...

На гербе города Гамбурга, над зубцами двух боковых башен, сияют шестилучевые Звёзды Девы Марии, прозванной — подобно Исиде и Афродите — «Звездой Моря» (*Stella Maris*), в честь Которой тевтонские рыцари на Балтике поднимали свои мечи и строили кирхи, и Которая на протяжении веков была Небесной Защитницей и Покровительницей города. Не случайно Её изображение возвышалось над каждым воротами, которые вели в город...

---

¹⁰⁴ Это выражение — буквальный перевод нем. «Freie und Hansestadt Hamburg» или н.-нем. «Frieen und Hansestadt Hamborg».

¹⁰⁵ Об Афродите *Урании* и Афродите *Пандемос* писал ещё Платон в «Пире». Об этом же — см., напр., по изд.: Рабинович Е.Г. Афродита Урания и Афродита Пандемос // Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 306–318.

В индуистской Тантрической традиции шестилучевая Звезда, или Гексаграмма, означает союз Шивы и Шакти — Духовного Принципа и Его Творческой Энергии. В исламе шестиконечная Звезда называется «Звездой Соломона». В средневековой европейской Магической традиции она более известна под названиями «Звезда Давида» или «Печать Соломона» (последней, впрочем, также называли и Пентаграмму). Следует заметить, что изначально шестиконечная Звезда не являлась специфически еврейским символом и, в отличие от семисвечника, не имела отношения к иудаизму.

Полулегендарный древнееврейский царь Соломон, по преданию, повелевавший зверями и птицами, бестелесными Духами и Демонами, вернувшийся к концу своей жизни к Языческой Вере, воздвигавший Языческие Алтари и приносивший на них жертвы Языческим Богам (об этом очень не любят вспоминать церковники), не случайно был прозван Мудрым. Выбрав своим символом Гексаграмму, он, возможно, понимал её как символ союза Бога Бааля (Ваала — в устаревшей транскрипции) и Богини Анат, в котором Мужское и Женское начала — Дух и Материя — гармонично дополняют друг друга, в отличие от гипертрофированной ветхозаветной патриархальности и последовавшего за ней средневекового христианского женоненавистничества.

...После завтрака вновь идём гулять по старой части города. Под башенными часами городской ратуши разглядываем изображение птицы Феникса — известного ещё со времён античности символа Вечного Возрождения и Обновления.

На площади перед ратушей группа молодых людей, облачённых в костюмы Белоснежки и семи гномов, распивает пиво и пританцовывает в такт играющей музыке. Подойдя ближе, замечаем на лице у «Белоснежки»... чёрную мужскую бороду. Как тут не вспомнить знаменитых «бородатых Венер» древности! Что ж, как говорится, каждому — своё.

Во внутреннем дворе ратуши рассматриваем фонтан со скульптурной композицией, представляющей собой древнегреческую Богиню Здоровья Гигею¹⁰⁶, дочь (или, по верованиям орфиков, Божественную Супругу) Бога Медицины Асклепия, держащую в поднятой правой руке Свою Чашу — ту самую, из коей Богиня кормит Змею и которая стала символом современной медицины. Около ног Богини извивается Дракон. Фонтан был построен в память о жертвах эпидемии холеры, вспыхнувшей в Гамбурге в 1892 г. Фотографирую колоритного бородатого Сатира, сидящего у ног Богини...

Привлечённые задорным «золотым петушком» на крыше собора св. Петра — старейшей кирхи Гамбурга (первое упоминание о ней относится к XI в.), заходим внутрь. Повсюду вокруг царит строгая умиротворённость и возвышенность Духа. В отличие от православных церквей, больше ориентированных на потребности «тепящейся» души, здешние готические соборы являют собой бескомпромиссное «ледяное» устремление Духа к Небесам, возвышающее человека над его «человеческим, слишком человеческим». Также здесь не видно ни пьяных и разжиревших попов, ни зловредных старух, ни бесноватых кликуш на паперти, ни всей той «византийской» роскоши, тяжеловесной и безвкусной, что так наглядно иллюстрирует вопиющую страсть к стяжательству

---

¹⁰⁶ Или *Гигею* — от др.-греч. *Ἑγεία* или *Υγεία*. У Джозефа Кемпбелла читаем: «Великая женская фигура, связанная с Асклепием, — его дочь Гигея, богиня здоровья, от имени которой произошло слово “гигиена”. Она тоже связана с силой змеи. Сила змеи, проклятой в “Книге Бытия”, здесь, как и в большинстве небиблейских культур, представляет жизненную энергию и сознание жизни в теле, в области времени, жизнеспособность духовного сознания в мирской жизни. На барельефе Гигея изображена со змеем. Сама богиня кормит символическое животное, представляющее жизненную силу. Это аллегорическое представление гигиены, или аскезы и дисциплины хорошего здоровья: мы должны дать жизнь и еду и хлеб насущный змеиной силе наших тел, удерживающей нас в области здоровья, и тем самым отбросить тень заболевания» (цит. по изд.: *Кемпбелл Дж. Богини*. М.: Клуб Касталия, 2016. С. 149).

мирских богатств, столь характерную для многих представителей «православного» религиозного бизнеса в нашей стране.

Подходим к каменному идолу Девы Марии с младенцем на руках, установленному внутри церкви у левой стены. Перед изваянием, расставленные на толстом слое песка, горят свечи, возожжённые редкими посетителями. Вокруг некоторых свечей на песчаной поверхности пальцем нарисованы трогательные сердечки, кажущиеся, возможно, не вполне уместными в этих суровых стенах, но изображённые со всей искренностью и нежностью любящей души. И не нужно никаких слов, чтобы почувствовать, что Богиня — каким бы именем Её ни называли — проявляется даже здесь, в этом «ледяном» храме, через этот нарочито «европеизированный» образ, такой благонадёжный и респектабельный в глазах зевающих бюргеров, на лице которого семитские черты старательно сглажены и заменены скульптором, сыном своего времени, на совсем другие черты, более характерные для женщины европейского средневековья...

Каждая эпоха и каждая традиция порождает свой образ Богини. Языческие, христианские, мусульманские, модернистские и даже некоторые современные постмодернистские образы, в каком-то смысле, говорят об одном, но на разных понятийных языках. Богиня может проявить Себя в любой форме и через любые Лики, но доподлинно *узнать* Её человек сможет лишь в том случае, если уже *встретился* с Ней в своём Сердце и затронут Её всепроникающей и беспричинной Любовью.

Мы можем узнать лишь то, чему сопричастны сами, или что сопричастно нам. Потому мудрый во всём видит проявления Мудрости, а глупец — лишь бессмысленность и глупость окружающих его явлений и людей. Любящий же во всём — даже в Смерти — видит проявления Любви, полнящей его Сердце.

40. Прощание с Германией

<14.05.2017; Гамбург, у кромки воды>

БЕЛЫМ лебединым крылом и золотом заката, криком чаек и далёкой мелодией на фортепиано Германия прощается с нами. Любое прощание — это всегда прощание с прошлым, с прежним «собой». Первые капли дождя тонут в расходящихся навстречу друг другу кругах, храня Солнце во множестве лиц. Что наше прошлое? Времени замкнутый круг. Очерт памяти на острие луча, готика потемневшей ратуши на фоне тускнеющего Неба, рябь волн, стирающая лики отражений...

Как выйти из этого круга? Выход *всегда* ЗДЕСЬ. Не нужно никуда «идти». Достаточно просто остановиться в своём бесконечном хождении по кругу — отбросить без сожалений пройденные «сорок тысяч вёрст вокруг самого себя». Как сказал поэт: «Достаточно бросить играть, и Сердце с улыбкой споёт...». Тщетно ищет «выход» из круга твой ум, тогда как ТЫ САМ *всегда* пребываешь в Центре, даже когда не *помнишь* об этом. ТЫ САМ *всегда* был ТЕМ, КТО ты есть изначально. ТЫ САМ никогда и никуда не удалялся, поэтому не можешь ниоткуда возвратиться. ТАТ ТВАМ АСИ (तत् त्वम् असि) — говорится в «Упанишадах»: ТО (*Брахман*) есть ТЫ (*Атман*). Великая Предначальная Бездна и есть Бездна НЕРОЖДЁННОГО в тебе. Различия нет. Разделения нет. То, что представляется разделённым в построениях обусловленного ума, изначально ЕДИНО в Духе. ТО, в ЧЁМ умираю «я», есть ТЫ — ТО, ЧТО в действительности одно только и есть подлинный Я САМ.

Чтобы поистине БЫТЬ, нужно разучиться быть «этим» или «тем» — осознанно рассоздать все покровы и *личины*, разотождествиться с ложным «собой». Нужно напиться допьяна обжигающим Вином Богини, экстазом Любви выжечь смертное в себе, дабы предстать в Сердце своём перед Тем, Кто безмолвствует в трезвении Духа, Кто — как Мудрый Повешенный — *молчит*, пронзив Себя остриём Копья *Прозрения*.

Лишь хранящему Безмолвие в Сердце откроются Священные Руны в Таинстве Смерти, которые суть незаживающие Раны его смертного существа, всполохи Пламени Неосквернённой Мудрости по ту сторону слов и одновременно запечатлённые на грани бытия и небытия Таинства Духа. Лишь умершему при жизни открывается Вечность над временем. Лишь танцующему на краю Бездны отдана безраздельно Любовь Богини.

Только в *разбитом* Сердце Мастера *всегда* в зените Чёрное Солнце *Неспящих*, в невыразимом сиянии которого все мы суть ОДНО.

Ведающему — достаточно.

[2017]

Литургия Митры

Предисловие переводчика

Этот текст сохранился в так называемом Греческом Магическом Папирусе (лат. *Papyri Graecae Magicae*, PGM). Он был составлен в античном Египте в первой половине IV века нашей эры и начиная с XIX века путешествовал по коллекциям антикваров. В 1852 он был продан в Париже с аукциона как экспонат 1073 из коллекции итальянского антиквара Джиованни Анастаси (*Giovanni Anastasi*). Сам Анастаси утверждал, что обнаружил папирус в одной из гробниц Луксора, предположительно в 1825 году. Сейчас свиток хранится в Париже (*Bibl. Nat. suppl. gr. 574*).

Сложно судить, насколько точны сведения Анастаси. Известно, что около 1825 года он продал множество папирусов С. J. С. Reuvenс, основателю и первому директору лейденского Музея Старинного Искусства. Возможно, это были трофеи, добытые в той же египетской экспедиции. С антикварами сложно быть в чём-то уверенным.

Кодекс, похоже, служил рабочим справочником для грекоязычного мага из Египта, и тексты в нём переписаны из разных источников. Всего — 50 текстов, они составили 36 свитков и 3274 строки. Для папируса это очень много много.

Греческий Магический Папирус — крупнейший и единственный достаточно сохранившийся сборник такого рода из античных времён.

Текст литургии Митры расположен на IV свитке, строки 475-834. Первый перевод на европейские языки выпущен в 1928 Карлом Прайзенданцем. Английский перевод выполнил в 1986 году Х. Д. Бенц.

Среди исследователей нет согласия, насколько сильно связан этот текст с римским культом Митры. В нём нет упоминаний о эсхатологии митраизма, а также многих символов, которые обычны для митрариумов Британии и германской границы. Возможно, это просто стилизация под мистериальные тексты. С другой стороны, возможно, что так (или, точнее, примерно так) проходили мистерии в митрариуме Александрии.

В распевах, состоящих из гласных, можно различить куски, похожие на Тетраграмматон. Также есть строка из семи гласных греческого алфавита (a, e, h, i, o, u, w), которые, согласно Евсевию (*Praeparatio Evangelica* 11.6.36), почитались у язычников подобно Тетраграмматону. Для синкретизма, царящего в тогдашней Александрии, это было естественно.

Перевод выполнен с английского с выверкой по немецкому. Названия разделов даны переводчиком.

Заключительный раздел немецкого текста, не имеющий отношение к культу Митры, опущен. В нём описывалась практика изготовления амулетов, которые помогают обрести богатство, смелость и т.п. При всей занимательности, этот раздел не относится к культу Митры.

Вступление

Будьте милостивы ко мне, Провидение и Душа, ибо передаю я на письме этим мистерии для заслуги и наставления и для единственного дитя прошу я бессмертия, инициированного этой практикой (кроме того, это необходимо тебе, о дочь, собрать соки трав и пряностей, который ждёт тебя в конце моего святого трактата), которую великий бог Гелиос Митра приказал через своего архангела мне раскрыть, чтобы я, в одиночестве, мог подняться на небо как исследователь и созерцать вселенную.

Церемония

Вот инвокация церемонии:

Первоисточник моего источника,

AEEIOYO первоначало моего начала,

PPP SSS PHR дух духов, первый из духов во мне,

MMM, огонь, дарованный богом для смеси из смесей во мне, первый из огней во мне,

EY EIA EE вода из воды во мне, первая вода во мне

OOO AAA EEE вещество земли, первое из веществ земли во мне,

YE YOE, всё моё тело

(Я X, чью мать зовут Y), чью форму создала благородная рука и неподкупная десница в мире без света. Я всё же сияющий, без души, и всё же с душою живой,

YEI AYI EYOIE: ныне, если на то есть воля твоя,

PHOTH (METHARTHA PHERIE) YEREZATH, приведи меня к бессмертному рождению, и, следуя этому, к той природе, что лежит в моей основе, так что, после моих теперешних забот, что теснят всё сильнее,

я буду взирать на бессмертные начала с бессмертным духом,

ANCHREPHRENESOYPHIRIGCH,

с бессмертной водой

ERONOI PARAKOYNETH,

с самым стойким воздухом,

EIOAE PSENABOTH;

чтобы я мог опять родиться в сознании

KRAOCHRAH R OIM ENARCHOMAI

и священный дух мог дышать во мне

NECHTHEN APOTOY NECHTHIN ARPI ETH;

чтобы дивился я священному огню,

KYPHE;

что я буду взирать на непостижимые, дивные воды рассвета,

NYO THESO ECHO OYCHIECHOA,

и оживляющий, и крутящий эфир услышит меня

ARNOMETHPH;

сегодня я близок, чтобы созерцать глазами бессмертными – я, рождённый смертным из смертного чрева, но преобразованный силой потрясающей и неподкупной десницей! – и с бессмертным духом, бессмертным Айоном и обладателем огненных диадем.

Освящённый святой хиротонией – в то время, как пребывает, святая, во мне моя человеческая Сила-Душа, которую я вновь обрету после предстоящей мне необходимости, горестной и неумолимой, что давит меня.

Я, Х, чью мать зовут Y, в соответствии с непреложным положением божественным,

EYE YIA EEI AO EIAU IYA IEO!

Так как невозможно мне, рождённому мертвым, восстать с золотым сиянием бессмертного блеска,

OEU AEO EYA EOE YAE 5IAE,

встань, отставь, о брэнная природа смертных, меня в целости и сохранности после необходимости неумолимой, гнетущей.

Для меня, сына PSYCHO[N] DEMOY PROCHO PROA, я MACHARPH[.]N MOY PROPSYCHON PROE!”

Втяните эти лучи одним вдохом, поднимаясь трижды так высоко, как ты можете, и увидите себя выше земли и поднимающимся вверх. так что вы, кажется, окружены воздухом. Вы не слышите никого из людей и иных живых существ, и в этот час вы не видите ничего из дел смертных на земле, но скорее узрите вы вещи бессмертные.

В этот день и час вы увидите божественный порядок небес: бог-правитель поднимается в небо и прочие опускаются. Теперь курс видимых богов пройдёт через диск бога, отца моего, и через трубу, исток ветра-помощника, тем же образом. Для вас она будет видна под солнечным диском, подобно трубе.

Вы увидите поток из неё. Посланный областям Запада, он представляется безграничным, как восточный ветер, что послан областей Востока . А вот безграничный другой, а именно, Западный, такой же, для его собственных областей, И вы увидите, что боги пристально взирают на вас и движутся к вам. Так что сразу же положите указательный на губы и говорите:

“Тишина! Тишина! Тишина! Символ жизни, неподкупный Бог! Храни меня, Тишина, NECHTHEIR THANMELOY!”

Затем издайте долгий шепчущий звук, затем издайте звук хлопка и скажите: “PROPROPHEGGE MORIOS PROPHYR PROPHEGGE NEMETHIRE ARPSENTEN PTTETMI MEOY ENARTH PHYRKECHO PSYRIDARIO (565) TYRE PHILBA.”.

Так вы увидите, что боги глядят на вас милостиво и больше не движутся к вам, а скорее проходят по своим обычным делам. Так что когда вы увидите, что выше них мир чистый и кружащий, и что никто из богов или ангелов вам не угрожает, - ожидайте громкий удар грома, что сортасёт вас.

Тогда скажите вновь

«Тишина! Тишина! А я звезда, что блуждает с тобой, сияющая из глубин OXY O XERTHEYTH.”

Сразу, как скажете это, солнечный диск расширится. И когда вы скажете вторую молитву, где «Тишина! Тишина!» и положенные слова, шипите дважды и хлопните дважды, и тут же увидите множество пятилучевых звёзд, что падают с диска и заполняют воздух.

Тогда скажите снова:

«Тишина! Тишина!»

И когда диск откроется, вы увидите круг, лишённый огня, и пламенный двери, плотно захлопнутые. Тут же закройте глаза и читайте следующую молитву:

“Склони своё ухо, выслушай меня - X, чья мать Y.

О Господь, ты, кто связал твоим дыханием пылающие полосы четырёх оснований,

О Огнеходец, PENTITEROYNI, Творец Света (или Защитник), SEMESILAM, Огнедышащий, PSYRINPHEY, Огнечувствующий, IAO, Светодышащий, OAI, Огненаслаждающий, ELOYRE, Прекрасный Свет, AZAI, Айон, ACHBA, Властелин Света, PEPPER PREPEMPIPI, Огненнотельный, PHNOYENIOCH, Дарящий Свет, Сеятель Огня, AREI EIKITA, Правитель Огня, GALLABALBA, Светопокоритель, AIO, Огнекрутящий, PYRICHIBOOSEIA, Светодвижитель, SANCHEROB, Громовержец, IE OE IOEIO, Свет Славы, BEEGENETEE, Кто Нарращивает

Свет, SOYSINEPHIEN, Кто поддерживает Огонь, SOYSINEPHI
ARENBARAZEI MARMARENTEY, Укротитель Звёзд:

Открой для меня PROPROPHEGGE EMETHEIRE
MORIOMOTYREPHILBA, ибо, по гнетущей и горькой и неумолимой нужде
я призываю бессмертные имена, что никогда не вместились в природу
смертных и не будут возглашены языком человеческим, или речью
смертной,или звуком смертным:

EEO OEEIO IOO OE EEO EEO OE EO IOO OEEE OEE OOE IE EO OO OE
IEO OE OOE IEO OE IEEIO EE IO OE IOE OEO EOE OEO OIE OIE EO OI III
EOE OYE EOOEE EO EIA AEA EEA (615) EEEE EEE EEE IEO EEO OEEEOE
EEO EYO OE EIO EO OE OE EE OOO YIOE

Скажи всё это с огнём и духом, пока не закончишь первое возглашение;
далее, подобным образом, начни второе, пока не завершишь с семьёю
бессмертными богами мира. Когда ты произнёс эти речи, услышишь грохот и
шум шатания; и ты сам ощутишь себя взволнованным. Тогда скажи опять

«Тишина» (молитва)

Тогда открой глаза и увидишь открытые двери и мир богов, что за дверью,
так что дух твой возносится от удовольствия и радости от их лицезрения. Но
оставайся на месте, и лишь раз вдохни из божественного в себя, пока
смотришь внимательно. И когда успокоится твоя душа, скажи: «Приди,
Господин, ARCHANDARA PHOTAZA PYRIPHOTA ZABYTHIX
ETIMENMERO PHORATHEN ERIE PROTHRI PHORATHI».

Когда скажешь это, лучи повернутся к тебе. Смотри в центр между ними.
Ибо, когда вы сделаете это, то увидите там юного бога, прекрасного внешне,
с огненными волосами и в белой тунике и алом плаще, и увенчанного
пламенною короной. Тут же приветствуйте его приветствием огня:

“Славься, о Господин, Великий Силой, Великое Могущество, Царь,
Величайший Богов, Гелиос, Господин неба и земли, Бог богов: мощь в твоём
духе, мощь в твоей силе, о Господин. Если есть на то твоя воля, представь
меня к высочайшему богу, кто родил тебя и сотворил: что есть человек, я, X,
чья мать была Y, кто был рождён из смертного чрева Y, и потока семени, и
кто, если бы он был заново рождён от тебя сегодня, стал бессмертным из
всех мириадов сейчас согласно воле бога всеблагого – решил поклониться
тебе и молю из всех сил человеческих – (здесь назовите сегодняшний знак
зодиака, день и час, добавьте THRAPSIARI MORIROK) чтобы мог он
явиться и дать откровения в благой час, EORO RORE ORRI ORIOR ROR ROI
OR REORORI EOR EOR EOR EORE!”

После того, как вы произнесли всё это, он взойдёт к полюсу мира и вы
увидите его словно бы шагающим по дороге. Смотрите внимательно и

издайте долгий мычащий звук, словно из горна, освобождая всё ваше дыхание и втянув бока, и поцелуйте амулеты и скажите, сначала направо «Защити меня, PROSYMERI!».

Сказав это, вы увидите, что двери распахнулись и пять дев выходят из глубины за ними, одетые в льняную одежду и с лицами аспидов. Они зовутся Парки небесные и носят золотые жезлы. Когда вы увидите их, приветствуйте их следующим образом:

“Славьтесь, о семь Парок неба, о благородные и добрые девы, о святые и спутницы MINIMIRROPHOR, о наисвятейшие охранницы четырёх столпов!

Слава тебе, первая, CHREPSENTHAES!

Слава тебе, вторая, MENESCHEES!

Слава тебе, третья, MECHRAN!

Слава тебе, четвёртая, ARARMACHES!

Слава тебе, пятая, ECHOMMIE!

Слава тебе, шестая, TICHNONDAES!

Слава тебе, седьмая, EROY ROMBRIES!

Также выступают ещё семь богов, с лицами чёрных быков, и льняных набедренных повязках и с семью золотыми диадемами. Их называют Владыки Небесного Полюса, и из вы должны поприветствовать также, каждого по его же имени:

«Славьтесь, о стражи Оси, О сакральные и смелые юноши, что одним повелением обращают ось небесного свода, кто посылает гром и молнию и спазмы землетрясений, и потрясения неблагочестивым народам, но мне, кто благочестив и богобоязнен, вы посылаете здоровье и крепость тела, и тонкость слуха и зрения, и спокойствие в грядущие счастливые часы этого дня. О, мои Владыки и могущественные Боги-Правители!

Слава тебе, первый, AIERONTHI!

Слава тебе, второй, MERCHEIMEROS!

Слава тебе, третий, ACHRICHIOYR!

Слава тебе, четвёртый, MESARGILTO!

Слава тебе, пятый, CHICHROALITHO!

Слава тебе, шестой, ERMICHTHATHOPS!

Слава тебе, седьмой, EORASICHE!»

Теперь, когда они заняли свои места, тут и там, взгляни на воздух и увидишь молнии, бьющие вниз, и вспышки зарниц и сотрясение земли, и бог

спускается: бог безмерно великий, с сияющим видом юного, златовласого; с белой туникой, золотой короной и шароварами. Он держится правой рукой за золотое плечо молодого быка: это Созвездие Медведицы, что движет и поворачивает небо, вверх или вниз в соответствии с часом. И тогда вы увидите, что молнии прыгают из его глаз и звёзды – из его тела. И тогда издайте длинный мычащий звук, напрягая живот, чтобы возбудить все пять органов чувств: мычите долго и до конца, и снова поцелуйте амулеты и скажите: «МОКРИМО РНЕРИМОПНЕРЕРИ, жизнь мою, Х, оставь! Пребывай в душе моей! Не оставляй меня ради других просителей, ENTHO PHENEN THROPIOTH»

И взирайте на бога, пока мычите, и приветствуйте его таким образом:

«Славься, о Господин, о Владыка воды!

Славься, о Основатель земли!

Славься, о Повелитель ветра!

О Громовержец,

PROPROPHEGGE EMETHIRI ARTENTEPI THETH MIMEO YENARO
PHYRCHECHO PSERI DARIO PHRE PHRELBA!

Даруй откровение, о Господин, по просьбе Х!

И взирайте на бога, пока мычите, и приветствуйте его таким образом:

«Славься, о Господин, о Владыка воды!

Славься, о Основатель земли!

Славься, о Повелитель ветра!

О Господин,

Когда рождён вновь, я ухожу прочь

Когда расту и вырастаю, я умираю

Когда я рождён животворящим рождением, я перехожу, запущенный в смерть,

Как ты основал, как ты объявил, как ты установил тайну,

Я PHEROYRA MIOYRI”

Завершение мистерии

Когда произнесёте вы это, он немедленно ответит вам откровением. Вы же ослабнете в душе и будете не в себе, когда он ответит. Он произносит вам пророчество в стихах, и, произнеся, удаляется. Но вы остаётесь молчащими, пока вы не будете способны понять всё сказанное сами. И позже вы будете

вспоминать безошибочно всё, что сказал вам великий бог, даже если пророчество состояло из тысяч стихов.

Правила ритуала для двоих

Если вы хотите явиться со знакомым посвящённым, чтобы он вместе с вами услышал пророчество, он должен провести с вами несколько дней и воздерживаться от мяса и купаний. И даже если вы одни, и вы ручаетесь за то, что сообщил вам бог, ваша речь будет, словно экстатическое пророчество. И если вы хотите показать ему, то убедитесь, достойный ли он человек: относитесь к нему, как если бы на его месте вас бы проверяли на пригодность к бессмертию, и прошепчите ему первую молитву, что начинается с «Первоначало моего начала, АЕЕЮУО». И произнесите последовательно, как посвящённый, над его головой, мягким голосом, так, что он может даже не услышать, как вы помажете его лицо в ходе мистерии. Призыв бессмертия совершается трижды в год. И если кто-то, о дитя, после учения, собирается послушаться, то для него это больше не будет действовать.

Ритуал посвящения

Инструкция для ритуала:

Возьмите солнечного скарабея с двенадцатью лучами и дайте ему упасть в глубокую, бирюзовую чашку, в час, когда луна не видна. Соедините семя лотоса с мёдом. И, после измельчения, приготовьте пирог. И когда вы увидите, как скарабей ползёт вперёд и ест, и, съев это, умирает. Соберите его и бросьте в стеклянный сосуд с превосходным розовым маслом, и рассыпая священный песок на чистом месте, поместите на него сосуд и, произносите над сосудом семь дней, когда солнце в зените:

«Я освятил тебя, так что твой экстракт может быть полезен мне, Х одному, IE IA E EE OY EIA, ты можешь подтвердить, что только мне одному. Я есть PHOR PHORA PHOS PHOTIZAAS (или: PHOR PHOR ORHOTHEI XAAS)

На седьмой день возьмите скарабея и погребите его с миррой и мендосским вином и виссонами. И заройте его на цветущем бобовом поле. Позже, после того, как вы веселились и пировали вместе, выставьте на чистое место мазь для увековечивания.

Если вы хотите показать это кому-то ещё, возьмите сок растения названного кетритис и сбрызните им, вместе с розовым маслом, глаза посвящаемого. И он увидит всё так ясно, что это тебя удивит. Я не нашёл в

мире более превосходного заклинания. Просите бога о том, что вы хотите, и он вам даст.

Теперь приготовьте для великого бога следующее: получив упомянутое прежде растение кентритис в день, когда Солнце и Луна сочтутся в созвездии Льва, получите сок и, после смешивания его с мёдом и миррой, напишите на листе дерева Персея формулу из восьми букв, как указано ниже. И сохраняя себя чистым три дня перед этим, встаньте рано утром лицом к Востоку, оближите лист, что вы покажете солнцу, и тогда он, солнечный бог, будет слушать вас внимательно. Начинайте освящение с появлением новой Луны во льве. А вот формула: “I EE OO IAI.”

Слижите её и тогда вы будете защищены. И, свернув лист, поместите его в розовое масло. Много раз использовал я это заклинание и оно работало великолепно. Но бог сказал мне: “Больше не используй мазь, но, вылив её в реку, вопрошай, когда носишь великую тайну скарабея возрожденного через двадцать пять живых птиц, а также вопрошай теперь один раз в месяц, при полной луне, а не три раза в год».

О растении Кенитрис

Кенитрис растёт на горе Пайни, в области чёрной земли, и похож на вертикальную вербену. Вот как опознать его: если крыло ибиса окунуть в чего чёрную каплю и испачкалась соком, перья будут выпадать, если их коснуться. Когда Господин указал на это, он был найден также в Менелайте Фалагрийском, в речных долинах, возле растений Бэса.

У него один стебель, слегка красный возле корней, а листья скорее завитые и плоды похожи на кончики дикой спаржи. Она похожа на так называемый талапес, как бы дикую свёклу.

Перевод: Александр Теут

Юлиус Эвола:
Символы арийской традиции: Орел
газета "Новая Жизнь" (Vita Nova) 30.11.1941

Символ Орла имеет ярко выраженный традиционный характер. Присутствуя в мифах и символике всех традиционных цивилизаций, орел наиболее полным образом воплощает неизменный и непреложный смысл, лежащий по ту сторону разнообразных значений и наименований, данных ему различными расами. Далее мы уточним, что в традиции ариев символу орла соответствует "олимпийский" и героический характер. Именно это мы постараемся показать посредством обращения к соответствующим аспектам традиции.

"Олимпийский" характер символа орла напрямую связан с посвящением этой птицы олимпийскому богу *par excellence* – Зевсу, воплощению божественного света и царского достоинства у арио-эллинов (подобно Юпитеру арио-романцев). Помимо орла, Зевса почитали вместе с другим символом - молнией. Мы не в праве упускать из виду данный элемент, поскольку, как станет видно в дальнейшем, молния часто дополняет символ орла. Также стоит вспомнить, что согласно древнейшим представлениям ариев о мире, определение "олимпийскому" элементу можно дать, противопоставив его титаническим, теллурическим и прометеическим силам. Кроме того, именно молнией, согласно мифу, Зевс поражает титанов. У ариев древности, воспринимавших любую битву как отражение метафизической битвы между олимпийскими и титаническими силами (считая себя при этом войском первых), мы встречаем орла и молнию, в качестве символов, соответствующих такому мировоззрению. Однако сегодня их глубинное значение практически полностью забыто. Согласно древнейшим представлениям ариев о жизни, бессмертие является привилегией: оно означает не просто жизнь после смерти, но героическое и действенное пребывание в том состоянии сознания, которое соответствует олимпийской божественности. Выявим некоторые параллели. С аналогичной концепцией бессмертия мы встречаемся в традиции древнего Египта. Только части человеческого существа уготовлена вечная небесная жизнь во славе – это Ба, изображаемая иероглифом в виде орла или сокола (вследствие природных условий сокол в Египте заменяет орла, являясь ближайшим субститутом, предлагаемым физической реальностью для выражения той же идеи). Именно в виде сокола преображенная душа умершего предстает в ритуале, описанном в "Книге Мертвых".[1] Она пугает богов, произнося следующие торжественные слова: "Я коронован как Божественный Сокол и теперь могу

войти в Страну Мертвых и овладеть Царством Озириса". Это сверх-земное право наследования полностью совпадает с олимпийским элементом.

Действительно, в египетском мифе Озирис - это божественная фигура, соответствующая изначальному "соляльному" состоянию духа, которая, претерпев изменение и разрушение (смерть и расчленение Озириса), воскрешается Гором. Умерший, приобщаясь к воскрешающей силе Гора, обретает бессмертие Озириса, ведущее к "возрождению" или "воссозданию".

Достаточно просто выявить многочисленные соответствия между традициями и их символами. В эллинском мифе говорится, что существа, подобные Ганимеду, переносятся и сопровождаются "орлами" к трону Зевса на Олимп. В традиции древней Персии царь Кай-Кавус пытается, подобно Прометею, подняться на небо при помощи орла. В индо-арийской традиции именно орел приносит магический напиток, который вновь делает Индру повелителем богов. Классическая традиция добавляет небезынтересную деталь: согласно ей (пусть это даже ненаучно) Орел является единственным представителем животного мира, способным смотреть на солнце, не отводя глаз.[2] Все это объясняет роль орла в некоторых версиях легенды о Прометее. Сохраняя свою "титаническую" природу, Прометей не готов к обретению олимпийского огня; он хочет сделать этот огонь достоянием не "богов", но людей. Во искупление вины, в этих версиях легенды, печень прикованного Прометея постоянно терзает орел. Эта священная птица Олимпийского бога, связанная с молнией, которая поражает титанов, здесь является эквивалентом того самого огня, который хотел присвоить Прометей. Таким образом, речь идет об особой разновидности вечной муки. Прометей не обладает природой Орла, "олимпийски" созерцающего свет Абсолюта; сила, которой он хотел овладеть, становится причиной его мучений и наказания. Это помогает понять внутреннюю трагедию некоторых современных представителей доктрины "титанического сверхчеловека", одержимых и жертв той же самой идеи – от Ницше до Достоевского. В особенности же это касается героев книг последнего.

Возвращаясь в мир арийской мифологии, мы находим в древней индийской традиции одну из вариаций мифа о Прометее. Агни в образе орла или сокола срывает с мирового древа плод, повторяя таким образом поступок семитского Адама, вознамерившегося "уподобиться богам". Агни, который также является персонификацией огня, наказывается за свой поступок. Его перо падает на землю, и из него вырастает растение, из которого позднее будут добывать "земную сому". Сомы, эквивалент амброзии, в Индии является символической субстанцией, позволяющей обрести "олимпийское" состояние. Арийский миф в своей структуре, хоть и более усложненной,

аналогичен египетскому мифу (расчленение Озириса, его восстановление Гором). Здесь можно говорить о несущем страдание прометеическом поступке и последующем "очищении", которое, в конце концов, становится зародышем процесса достижения верной цели.

В традиции арийской Персии орел часто становится воплощением "славы", или Хварено (Фарн), которая, как мы уже отмечали, для арийской расы была не просто абстракцией, но мистической силой и подлинным высшим могуществом, нисходившим на царей и правителей, приобщая их бессмертной природе и свидетельствуя их победоносность. Эта арийская "слава", воплощенная в орле, не терпит отступлений от мужественной этики, свойственной маздеизму. Миф повествует о том, что именно в виде орла слава покидает царя Йиму, когда он оскверняет себя ложью.

На основе подобных соответствий символов и их значений становится очевидно, что в древнем Риме орел нес вполне определенную символическую нагрузку. Ритуал римского имперского апофеоза.[3] является прямым и неопровержимым свидетельством приверженности римлян "олимпийскому" идеалу. В этом ритуале полет орла символизировал переход души умершего императора в состояние "Божества". Напомним детали этого обряда, кодифицированные согласно изначальному ритуалу, проведенному после смерти императора Августа.

Тело умершего императора помещалось в покрытой пурпуром гроб, поставленный на паланкин из золота и слоновой кости. Затем гроб водружали на окруженный жрецами погребальный костер, разложенный на марсовом поле, и начинался обряд декурсии. После того как костер зажигали, между языками пламени взлетал орел, что символически указывало на полет души умершего к небесным сферам для воссоединения с семьей Олимпийцев.[4]

Во время декурсии солдаты, аристократы и военачальники, становясь вокруг царского костра, бросали в него награды, полученные за службу. Глубокий смысл ритуала таков: арии (и римляне) считали, что их вожди обладают подлинной победоносной силой, но не столько на личном уровне, сколько как носители сверхчеловеческого, "олимпийского элемента", им соответствующего. Поэтому у римлян во время торжеств по случаю победы вождь возлагал на себя атрибуты олимпийского бога Юпитера, и именно в его храме хранился лавровый венок; таким образом прославлялся истинный победитель, превосходивший человеческий элемент. В течение декурсии происходила "ремиссия".[5] вышеописанного обряда: солдаты и военачальники возвращали награды, свидетельство их отваги и мужества,

своему императору, подлинному носителю "олимпийского" могущества, освобожденному и переходящему на божественный план.

Это подводит нас к анализу еще одного свидетельства присутствия "олимпийского" духа в романском мире, также связанного с символом орла. Традиционно предполагалось, что тот, на кого садился орел, предуготовлялся Зевсом к высокому предназначению или царской власти; таким образом подчеркивалась "олимпийская" легитимность орла и его избранника. В классической (и в частности романской) традиции также считалось, что орел является предвестником победы арийцев и римлян, как сил олимпийского божества; подразумевалось, что за победой арийской и романской "расы" стоят всепобеждающие силы олимпийской божественности, бога света. Победа людей отражала победу Верховного Божества над анти-олимпийскими, "варварскими силами", и предвестником ее был орел, птица Зевса.

Это позволяет лучше понять изначальный сакральный (а не просто аллегорический) смысл символа орла, изображенного на знаменах имперского Рима, на *signa* и *vexilla*. [6] Уже в эпоху республики, в Риме орел был символом легионов, и говорилось, что "у каждого легиона – орел, и ни одного легиона без орла". [7] Знамя дополнялось орлом с распростертыми крыльями и молнией в когтях. Здесь мы вновь встречаем "олимпийскую" символику: знак могущества Юпитера объединяется с божественной птицей, именно молнией бог побеждает и уничтожает титанов. Стоит особо подчеркнуть следующую деталь: орел не изображался на знаменах варваров. Среди их *signa auxiliarium*⁸ мы встречаем сакральных и тотемных животных (таких как бык или баран), связанных с иными влияниями. Впоследствии эти знаки проникли в романский мир, соединились с орлом, зачастую порождая двойную символику: отныне легион характеризовало второе животное, добавившееся к орлу на знаменах, в то время как орел оставался символом собственно Рима. В имперскую эпоху воинский символ орла часто становился символом самого Империя.

Мы знаем о роли символа орла в последующей истории северных и германских народов. Может сложиться впечатление, что орел надолго покинул романский мир и перешел к германским племенам, проявившись, в конце концов, как чисто северо-европейский символ. Это не вполне верно. Здесь забывают об изначальном происхождении символа орла, который сегодня является эмблемой Германии, как некогда – Австрийской Империи, последней наследницы Священной романо-германской Империи. Германский орел – это в действительности орел римский. Именно Карл Великий в 800 году, в момент провозглашения *renovatio romanii imperii* [9]

восстановил фундаментальный символ орла, сделав его эмблемой своего государства.

В исторической перспективе символ современного Райха – это модификация римского орла. Без сомнения с более глубокой, супра-исторической точки зрения можно предполагать нечто большее, чем просто заимствование. Орел присутствует в нордической мифологии как одно из сакральных животных Одина-Вотана, и эта птица, изображенная на знаменах римских легионов, часто украшала шлемы древнегерманских вождей. Следовательно, можно предположить, что Карл Великий, взяв орла в качестве символа возрожденной Империи, обращался к античному Риму и в то же время бессознательно возрождал символ древней, арио-нордической традиции, сохраненный в фрагментарной и полусознательной форме различными народами в период завоевательных войн. Как бы то ни было, впоследствии орел стал лишь атрибутом геральдики, а его глубокий изначальный смысл забылся.

Как и многие древние символы, орел в наши дни превратился в символ, отождествляемый с множеством идей. Было бы абсурдным предполагать наличие концепций, о которых мы говорили выше во всех случаях, когда орел изображен на флагах и гербах Европы. Но для нас, наследников древнего романского духа, все обстоит иначе, равно как и для еще одного государства, нашего сегодняшнего союзника, являющегося наследником Священной Империи германской нации. Знание изначального значения арийского символа орла, воскрешенной эмблемы наших стран, могло бы наполнить нашу борьбу возвышенным смыслом. Оно помогло бы вернуть изначальную традицию древних арийских государств, которые осознавали себя войском высших сил и действовали, утверждая наивысшее право силы и порядка, под олимпийским знаком, пробуждающим олимпийское могущество, разрушительное для темных титанических сущностей.

Примечания:

1. LXXVIII, 1-4, 46 в переводе Уоллиса-Баджа в текст
2. Luciano, Icarom. (Лукиан, "Икароменипп, или Заоблачный полет"), XIV в текст
3. Apoteosi (ит.) - от греч. Apotheosis, т.е. "обожествление". Здесь: Величественный обряд прощания с Императором и его посмертное прославление. - прим. пер. в текст
4. Dione Cassio (Дион Кассий, "Римская история"), LVI, 34; Erodiano (Геродиан, "История Римских императоров"), IV, 2. в текст

5. Remissione (ит.) - ремиссия, от лат. Remissio, т.е. "уменьшение, ослабление". Здесь: обратный процесс. - прим. пер. в текст
6. Signa, vexilla (vexillum) [лат.] - Элементы военной атрибутики имперского Рима. Вексилла (откуда название науки о флагах - вексиллология) - знамя легиона, Сигна - отличительный знак легиона и когорты, как правило, в виде животного (орла, вепря, льва, минотавра, коня, волчицы и т.д.), который несли впереди войска на длинном древке. На основании этих эмблем военные части иногда получали свои названия. - прим. пер. в текст
7. Cesare, Bell. Gall. (Цезарь, "Записки о галльской войне"), IV, 29; Tacito, Ann. (Тацит, "Анналы") I, 39; Hist. I, 61, 89, 100. в текст
8. Signa auxiliarium [лат.] - Оберегающих знаков. - прим. пер. в текст
9. Renovatio romanii imperii [лат.] - восстановление римской империи. - прим. пер.

Пер. АБ, ред. ИН

Константин Фёдоров: Касты в современном мире

«Порядок каст, высший господствующий закон, есть только санкция естественного порядка <...>, над которой не имеет силы никакой произвол, никакая “современная идея”».
(Ф. Ницше).

Проблематика актуальности кастового деления в современном обществе будет оспорена, надо полагать, не только сторонниками либеральных идей — многие последователи правых взглядов, на поверку оказывающиеся всё чаще банальными шовинистами, отнесутся к такой постановке вопроса с недоумением, поскольку привыкли категоризировать общество по критериям биологического характера — куда более наглядным и куда более примитивным.

Понятие изначально индуистское, выкристаллизовавшееся в законах Ману (деление на варны), касты суть то, что всегда, явно или незримо, присутствовало в любом обществе. Духовенство, воины/управляющие, торговцы/ремесленники, рабочие — вот основа любого общества вплоть до нового времени. Позднее касты вырождаются в сословия, а сословия — в классы. И пускай формально сословно-кастовые различия упразднены, вопрос стратификации общества постоянно реанимируется: например, работы Маркса дали мощнейший толчок по возобновлению структурного деления социума и не теряют популярности даже сейчас, в эпоху декларируемого равенства возможностей на самореализацию в обществе.

В цели эссе не входит подробно рассматривать суть и легитимность деления общества на касты (равно как и затрагивать проблематику возможного отсутствия каст в некоем идеальном обществе золотого века или предшествовавших ему эпохам — в силу спекулятивности этого вопроса), отметим только, что иерархический порядок каст в традиционалистском дискурсе соответствует порядку развертывания вертикальной связи с трансцендентным, наиболее доступной, очевидно, брахманам как высшей касте. Также немаловажно отметить, что деление общества на касты не равноценно делению на элиту и плебс, стремление индивида обособиться от толпы, удалиться от ницшеанских "отравленных родников" высмеивал в своём «Чёрном Монахе» ещё Чехов и легитимно такое желание настолько, насколько по мере удаления от «толпы» человек удаляется и от «индивида» и приближается к «Личности» (в геноновском их понимании). Декларирование принадлежности к высшим стратам не есть отмежевание от «черни», но есть

указание на степень связи с непосредственным источником метафизического знания, притом не книжного, а оперативного.

Как-либо комментировать сущность проявления в современном мире людей высшей касты труднее всего. Вне привязки к индийской кастовой доктрине, вполне четко очерчивающей круг лиц, могущих являться представителями высшей касты, можно только довольно условно указать, что её представляют жречество или духовенство. Однако в условиях современной институционализации церкви, её сращения с государственным аппаратом и в известном смысле профанации сакральной составляющей религии строгость такого соответствия представляется сомнительной. Поддержание *ṛtá* (санскр. ऋत — «порядок вещей») путем ритуальных практик в наше время более не актуально и потому весьма справедливо, вероятно, будет сказать, что сакральная функция стала уделом людей, самостоятельно исследующих вопросы как больших, так и малых традиций, объединяющихся в сообщества по интересам, которые (традиционно для мира различных лож и оккультных организаций) недоверчиво и критично относятся друг к другу. Скорее всего верным будет предположить, что появление людей явно брахманического типа — явление порядка скорее исключительного, особенно если говорить о фигурах масштаба Генона.

Если говорить о представителях второй касты, номинальной обязанностью которых является управление обществом и его защита, то вполне определенно можно утверждать, что современный госаппарат состоит из представителей низших сословий, людей, образованность которых не идёт далее полученных в соответствующем учреждении знаний, и воздержась от злословия по этому поводу, отметим лишь, что в этом отношении представляется вполне закономерным, что в политику подаётся всё больше профессиональных спортсменов и звёзд так называемого «шоу-бизнеса». Управленческая элита оттого и не элита, что конституируется кем угодно, кроме подлинной аристократии. Та же немногочисленная группа лиц, что к аристократии принадлежит не столько по крови, сколько по духу, уже в силу такой своей принадлежности не сочтёт нужным как-либо аффилировать свою деятельность с институционализированным управлением, будь то в госструктурах или в бизнес-предприятиях.

Третья каста внешне переживает сейчас расцвет — дух торгашества воплотился в мощном корпусе аппарата менеджеров, финансовых аналитиков и прочих представителей того рода деятельности, осуществление которой раньше было бы ограничено районами гетто; негибкую же волю этот дух получил в виде строгого приравнивания успеха индивида к его материальной обеспеченности, высоте занимаемого поста или известности

широким слоям населения. Даже если капитализм как наиболее характерное экономическое проявление такой ориентации жизнедеятельности преодолеть удастся, вряд ли придется рассчитывать на какое-либо сущностное преобразование экзистенциального модуса, как то на пересмотр ставшей незыблемой для западного общества парадигмы прогресса. Некогда бывшая прерогативой третьей касты работа с материей превратилась в одержимость материализмом, для таких людей «..стихии разложились на вес и на число...» (М. Волошин).

Задача людей, четвёртой, низшей касты — прислуживать, и в этом смысле характерно возрастающее превалирование сферы услуг над производственным сектором экономики. Здесь хотелось бы отметить скорее соответствие этической направленности нынешней эпохи целям этой касты с её приоритетом «*кама*» — чувственных удовольствий, транслируемых сугубо через физические органы чувств. Грубо говоря, в проекции на наше время, задача людей такого рода — менее всего обращать внимание на что-либо, не касающееся личного комфорта и материального благосостояния. Люди такой касты могут смотреть телевизор или не смотреть его, они могут состоять в партии или ругать власть, быть бандитами или работать в маникюрном салоне, однако любая деятельность не будет включать в себя какую-либо саморефлексию более высоких ступеней, что, впрочем, никак не отражается на твёрдой воле людей такого типа своё мнение выражать и считать его исключительно правильным — как писал Вольтер, «*quand la populace se mêle de raisonner, tout est perdu*» («Когда чернь начинает рассуждать, всё потеряно»).

Таким образом, современное общество являет собой реликт некогда монолитной и справедливой иерархической системы — реликт, чуждый как аристократизму, так и меритократии. Не будет преувеличением сказать, что в России высота занимаемой человеком должности и его финансовая обеспеченность почти всегда в точности обратны его интеллекту и способностям, что, в свою очередь, порождает весьма любопытное явление ресентимента уже со стороны духовной и интеллектуальной элиты, то есть тех людей, которые при нормальном положении вещей находились бы на вершине социальной пирамиды, но сейчас вынуждены быть в подчинённом положении по отношению к оказавшимся наверху носителям плебейского мироощущения.

Имеет смысл обратить внимание также на системы классификации индивидов, которые были присущи неортодоксальным религиозным традициям, априори нацеленным на отбор и стратификацию адептов. И в гностических системах, и в тантризме наличествует троичная система

деления на людей тела («гилики» в гностицизме, «пашу» в тантризме), людей, предрасположенных к духовным практикам («психики» в гностицизме, «вира» в тантризме) и людей, к духовным практикам наиболее способных («пневматики» в гностицизме, «дивья» в тантризме»). При всём различии данных систем в их космологии и подходах к Деланию, они оперируют, как мы видим, схожей классификацией, причём в случае тантризма даже идущей вразрез с классической индуистской системой варн (которая к моменту развития тантрических культов начала вырождаться). Данные способы стратификации изначально не предполагались к проекции на устройство социума и призваны были выделить способных к неортодоксальным практикам адептов; такие классификации, однако, безусловно удобнее в том, что касается описания предрасположенности к работе в инициатическом русле.

Остаётся лишь констатировать, что нынешняя эпоха — время полнейшего смешения, когда люди из низших каст берутся за посильное лишь элите, а аристократия духа оттеснена на тыловые маргинальные позиции. Любым проявлениям истинной воли, склонностей, талантов чаще всего отводится в лучшем случае роль хобби, и человек обрекает себя на фрустрацию, будучи вынужденным заниматься тем, что ему не по душе. Не просто многие, а большинство, получив образование по одной специальности, стремятся искать себя в другой. Несомненно, многое становится общим для представителей всех каст (например, зависимость от технологических устройств, перманентная погруженность в информационное поле; программист — «герой» нашего времени). «Вместе с шудрами они будут жить, шудрам служить, будут есть еду шудр, шудрам будут давать своих дочерей и будут жениться на дочерях шудр» — говорится в ведических текстах по поводу вырождения высших каст.

Какова должна быть позиция внутренне дифференцированного человека в свете всего вышесказанного, каждый должен решать для себя сам. Представляются справедливым взгляды Ю. Эволы, который считал, что человеку стоит стремиться к позиции царя-жреца, или, по Генону, «царя мира», царская власть которого должна быть интериоризирована во власть над самим собой, а «мир» должен спроецироваться на микрокосм. Через внутреннюю неподвижность такой человек сможет влиять уже и на внешний мир в его социальном, политическом или каком-либо ином аспекте — если такая необходимость для него вообще возникнет.

В заключение нужно подчеркнуть, что демократическое равенство совершенно иллюзорно. Различия между людьми существенно глубже любых расовых, национальных или тем более имущественных признаков.

Принципиально неравенство между людьми, базирующееся на критерии принадлежности к различным кастам, неравенство, принять которое общество победивших низших каст по своей сути неспособно. Любое декларирование отличности духовной конституции как минимум не поощряется, а в худшем вытесняется на периферию мысли. Впрочем, тем, кто спешит причислить себя к аристократии духа, мироточащей голубой кровью и воспаряющей над пучиной обывательства и мещанства, стоит памятовать о весьма точном замечании Николаса Гомеса Давилы «Нет уже высшего класса и народа: есть только богатый и бедный плебс».

Askr Svarte: Чаша из черепа: вопрос имени

Использование чаш, сделанных из человеческого черепа, широко известно в различных традициях мира. В культуре воинского сословия известная практика создания ритуального праздничного кубка из головы побежденного врага, предводителя войска противников. Или, например, в Песне о Вёлунде из Старшей Эдды, плененный кузнец мстит конунгу Нидуду, убивая двух его сыновей и делая чаши из их черепов.

24.
Sneið af höfuð
húna þeira
ok und fén fjöturs
fætr of lagði;
en þær skálar,
er und sköllum váru,
sveip hann útan silfri,
seldi Níðaði.

24.
Головы прочь
отрезал обоим
и под меха
ноги их сунул;
из черепов
чаши он сделал,
вковал в серебро,
послал их Нидуду.

В тексте на древнеисландском головы – höfuð и чаши – skálar, соответственно.

В сфере трансгрессивной ритуальной практики (Путь Левой Руки) наиболее известно использование человеческих черепов в Индии, в Тантризме и шива-шактизме, в сектах капаликов и агхори, а также в тантрическом Буддизме. Из этой традиции получил широкое распространение в современном эзотеризме и сам термин, означающий «ритуальную чашу из человеческого черепа» или просто череп – капала, на санскрите कपाल (kapāla). Также капала (верхняя полусфера) используется для изготовления ритуального барабана дамару, используемого в ритуалах Тантризма, Буддизма и Бон-по (Чод).

Но насколько правомерно использовать термин kapāla для обозначения ритуальной чаши из черепа вне контекста тантрических традиций, с точки зрения языкового пуризма и культурной апроприации? В контексте Вамачары звучание термина органично, оно отсылает к соответствующим практикам, школам (капалики – собиратели черепов, ср. украшению из голов у Кали) или мифам (об отсечении головы Брахмы). Иными словами, в своем аутентичном контексте слово kapāla образует вокруг себя созвучие

ассоциативных полей, символов и сюжетов. Заимствование слова «капала» из этой языковой и ритуальной традиции в контекст Одинизма, и вообще в германо-скандинавский культурный круг, изолирует его в языке: оно не вызывает аналогичного ассоциативного ряда и выбивается лексически, при его использовании виден факт заимствования и восполнения некой лакуны. Наконец, использование иноязычного термина всегда будет требовать пояснения, которое есть далекий экскурс из германо-скандинавской традиции в даршаны хинду и их тонкости, чтобы просто пояснить употребление одного слова. Путь заимствования легок и не укрепляет ту традицию, в которую оно приходит, но косвенно способствует распространению традиции-донора слова. Ниже мы пройдем иным путем и прольем свет на более аутентичные слова, для обозначения ритуальной чаши из человеческого черепа в практике, тем более что в европейской культуре они присутствуют и так, нужно лишь снова актуализировать их наличие.

Санскритское слово *karāla* восходит к праиндоевропейскому корню **karōlo*, означающему «голову» или «чашу», и связано с корнем **karut*, от которого происходят: латинское *caput* (голова [анатомия], глава, главный), немецкое *Haupt* (главный, голова [должность, чин]) и древнеисландское *hǫfuð* (*höfuð*), с аналогичным немецкому значением. *Hǫfuð* мы встречаем в первой строке 24го стиха Песни о Вёлунде. Отличие последних примеров от капалы в том, что в них пока отсутствует семантика «сосуда», «чаши», но общим для *karāla/caput/hǫfuð* является анатомическое значение человеческой головы (черепа) и главы как статуса человека.

С. Старостин приводит пример Блумфилда [Сравнительно-историческое языкознание, 2005, с.36], который указывает, что в средневековых текстах для описания разбивания чьей-то головы в немецком языке появляется слово *Korff*, которое восходит к латинскому *cirra* – сосуд для питья. От этого же латинского слова ведет свою этимологию современное английское слово *cup*, чашка. То есть голова воспринимается как сосуд для её содержимого, крови и мозга, которые выплескиваются, если его разmozжить. Также этимологию *Korff* возводят к прагерманскому **kurrpaz*, от праиндоевропейского **kur-* (словарь Старостина-Николаева), вновь с двойным значением «голова» и «чаша». В словаре праиндоевропейских лексем Старостина-Николаева, возможной этимологией немецких *Korff* и *Haupt* указан уже знакомый нам корень **karut-*. Реконструкция праиндоевропейских корней и лексем допускает дискуссию о родстве значений «чаша» и «голова [как сосуд и часть тела]», но позднее мы уже видим устоявшееся слияние семантик. Голова становитсяместищем органов, а значит и сосудом, из которого можно пить и делать чаши. Пример отсутствия этого слияния есть в той же

Песне о Вёлунде, где для обозначения головы используется *höfuð*, а для обозначения получившихся из черепов чаш слово *skálar*, форма множественного числа слова *skál*, означающего «кубок» или тост, застольное восклицание. В русле народной этимологии ему соседствует слово *skalli*, означающее обнаженный череп.

В итоге мы имеем набор слов, которые равно подходят для обозначения идеи «ритуальной чаши из человеческого черепа» (некоторые даже имеют дальнейшее родство с исходной *kapāla*): древнеисландские: *höfuð*, *skál* и/или *skalli*; немецкое: *Kopf/Toten Kopf*.

Актуализировав термины в нашем знании, мы показали, что в языке нет лакуны, которая заполнялась заимствованием из Тантризма; по крайней мере, оно вызвано не бедностью языка, а скорее культурными факторами (обаяние Азии, *soft theology*).

Исландские варианты задействуют ассоциативные поля в традиционном контексте, отсылают к сюжету соответствующего мифа. Немецкий вариант, если строго верить Блумфилду, больше связан со Средневековьем. Оба примера локализованы в семантическом поле второго сословия, связаны с мстостью или баталиями. Здесь мы уже переходим от проблематики этимологии к семантике использования слов и непосредственно самих ритуальных чаш из черепа, в интересующем нас контексте Путилевой Руки. Здесь путь открыт.

Ведослав: Визионерские очерки

Сокрушитель Древа

Когда-то очень давно я был Змеёнышем, мирно спавшим в водах предвечного Океана. Моё несуществующее тело баюкали несуществующие волны. И была Бездна как мать, и было Сияние как отец.

Когда-то очень давно маленькое семя упало в податливую молодую Землицу. Из семени того в страстных муках и великом блаженстве восстало могучее Древо. Мой сон был прерван, а *тело* – вотожествлено. Первый преломлённый *луч* пронзил моё Сердце, закружив в водовороте вечного возвращения.

Когда-то очень давно из меня вышел Орёл, взлетевший на вершину кроны. Своим клекотом Он оглушил и разъярил меня так, как иного ярыгу¹⁰⁷ не возъяряет мёд воинского безумия.

С тех пор мой образ тройственен.

Люди, пившие холод полярных льдов, говорят, что я впился ядовитым жалом в корни Древа и подтачиваю их, приближая гибель мира. Имя моё в северных устах звучит как *Нидхёгг*.

Люди, видевшие пронзивший меня *луч*, понимают, что я всего лишь укусил себя за хвост, напоминая таким образом о недифференцированной Бесконечности и принципе Неосквернённой Мудрости. Усмешкой познающего, страхом осознавшего, бесстрашием ставшего пожираю я самого себя. Поистине, я пожираю века, проносящиеся сквозь плёнку мгновения. Века же содержат в себе пространство, как персонифицированный ум содержит и удерживается мышлением. Могу ли я выжрать себя полностью? Вряд ли, ибо тогда моя пасть должна быть чем-то отличным от поглощённого хвоста. А выход всегда там же, где вход. Моё имя у таких людей – *Уроборос*. Впрочем, гипербореям я известен также как *Ёрмунганд*.

Люди, живущие у южных пределов арийских земель, пожалуй, мудрее иных. Ведь они знают, что Древо – это их собственный хребет, и я извиваюсь в его корнях, объятых пламенем животного естества. Путём хитрейших телодвижений и телостояний они пытаются заставить меня ползти *вверх* по Стволу, как факиры заставляют кобр вылезать из сосуда. Должен сказать, у многих выходит. Они зовут меня *кундалини*, а также *Ахи Будхнья*.

---

¹⁰⁷ Ярыга – здесь: ярый воин, берсерк.

Ты же сам пришёл сюда и сам заглянул в мои очи, поэтому и я сам нашепчу тебе о трёх своих тайнах, сокрушающих Древо, обрушивающих его в *огненную реку*, что замыкается сама на себе. Эти три тайны подобны двум моим зубьям и раздвоенному языку.

Первый зуб хранит в себе Яд Неразличения и укус им заставляет понять, что преодоление *иллюзии двойственности* невозможно, пока для тебя существуют понятия «благого» и «неблагого», благоприятного и неблагоприятного исхода. Пусть даже если под «благом» имеется в виду это самое преодоление.

Второй зуб хранит в себе Яд Неразделения и укус им заставляет понять, что пока для тебя существуют понятия *части* и *целого* (все эти –*космы*) – поистине, ты не Единый, пусть даже если осознаёшь себя как «целое».

Чувствуешь прикосновение моего языка к своей шее? Слышишь, как он шепчет тебе: стремясь выйти за черту всех обусловленностей, не допусти, чтобы само это стремление стало твоей обусловленностью?

Укус же обоих зубьев заставляет осознать, что любой процесс *достижения* – иллюзорен. Именно поэтому ты можешь быть укушен прямо здесь и сейчас.

Теперь ты отравлен мудростью, мой *сновидящий* друг. Ты умер? Скорее нет, просто ты никогда не был и рождён. Как, впрочем, и я.

Когда-то очень давно мне приснился *кошмар*...

09.01.2012.

Венец Бессмертия

Сегодня, в день, когда череда унылых личин потянулась к кладбищам, дабы лишний раз убедиться в своей смертности, трое взойшли на гору, взыскав Несмертного. Трижды при их восхождении Сварог ударил молотом о наковальню, трижды Перун метнул свою палицу, трижды вспороли Небесный Свод Велесовы вилы, освобождая пленённые воды.

Когда трое достигли древнего жертвенника на вершине горы, воды обрушились на них сплошным потоком, возвещая о начале *мистерии*. Трое, возожгя пламя, что-то кричали, но какие молитвы и проклятия нужны были им, подхваченным неистовым вихрем Божественного?.. В самом жерле соития Неба и Земли не могло остаться ничего *человеческого* (парадокс, ведь соитие это и родит всё живое), ничего формального и условного.

Молнии вспыхивали в струях дождя всё ближе и ближе, и мой первый бубен, наполовину порванный и промокший, всё ещё грозно пел свою лебединую песнь, вплетая соло в раскаты грома.

"И я впивался губами в грязь, и я не знал, что может быть чище неё..."

Внизу лежала поверженная цивилизация, где трупы ждали своей смерти, а живые – воскрешения. Надежды их, однако, сходились на пике той горы – там, где рождения не было, нет и

не будет, где трое в диком опьянении кровью Небес примеряли принадлежащий им, как и каждому, по праву венец Бессмертия.

Усхваление Макоши

О, Великая Макошь, Мать Жизнь и Мать Смерти, Беременная Дева и Храмовая Блудница, Тебе, о, Небесная Пряха, триединое восхваление!

Скрижали моих снов изрезаны узорами Твоих знамений.

Полотно, на котором Ты ткёшь, - воистину само бытие; Твой ткацкий станок – сердце каждого живого существа, бьющееся в Безмолвии не осознающей себя материи.

Твой Узор известен каждому – это доля, покута, карма, причинно-следственные связи, единящие и переплетающие всё Сущее, что «разделено» иллюзией двойственности.

Иные бают, будто закономерность есть необходимость и предопределённость, не ведая того, что яблоки могут упасть в небо.

Иные вторят им, утверждая, что Поток преходящего состоит из случайностей, не включённых в Твои причинно-следственные нити.

Но осознавшие Тебя в себе зрят другое: *сияющий* Узор не предопределён (Ты ткёшь его *здесь и сейчас*) и не случаен (если под случайностью понимать «слепую» реализацию произвольного варианта), он обусловлен *причинностью стечений обстоятельств* и выбором вариантов сознательными существами, субъектами Божественной игры кажимостей.

Закономерности, таким образом, суть проявления частных случаев Вселенского закона, довлеющего над Сущим, но определяющего лишь общие тенденции *течения*, а не конкретные вариации.

Проявления Духа носят «подталкивающий» характер (и зависят от готовности воспринимающего), Абсолютная Воля *предчувствует* наиболее «вероятные» варианты сотворения Узора, вернее, Она и делает их более «вероятными».

О, Великая Макошь, Ты, наверное, смеёшься над слепотой слова и слабостью обусловленной речи; по сему хвалу Тебе воздаю в Безмолвии, а умозрение Твоим зрением прозреваю!

04.11.2011.

ТРИБУНА

Интервью с Даурбеком Макеевым: традиция осетин

Приветствую Вас, Даурбек! Пожалуйста, представьтесь нашему читателю.

Добрый день! Называть меня писателем, наверное, будет не правильным. Писатель это человек, к-рый занимается литературным трудом, пишет художественные литературные произведения. Мои труды нельзя относить к таковым. Я пишу статьи и книги, освещающие религиозное учение, на котором выстраивалась традиционная культура осетинского народа.

Начнем с неоднозначного вопроса: Многие сторонники традиционных верований на Кавказе стараются избегать термина «язычество» по отношению к себе. Вы разделяете эту позицию и с чем это связано? У термина «язычество» есть несколько значений: все народные традиции, существовавшие до прихода авраамических религий – это обобщенное определение из религиоведения; если посмотреть на этимологию этого старославянского слова, то оно восходит к значению «народ». Высказывается мнение, что из-за негативного отношения мусульман к язычеству (ширк, грех многобожия), на Кавказе это слово табуируется в целях самосохранения – насколько это верно?

Термин язычество не является научным, а потому и не принят в научной религиоведческой литературе. Язычество, это термин принятый в христианском богословии и обозначает все не авраамические религии. В более узком смысле, язычество – политеистические религии.

Что касается нашего богословия то оно не христианское, и религия наша не политеистическая. Нам представляется, что правильнее пользоваться научной терминологией или же собственной, чем, той, что принята в рамках не родственной нам конфессии.

У нашей религии есть историческое наименование æсс – религия истины. С принадлежностью к этой религии связаны этнические названия нашего народа (асы, ясы, аскузы, аскеназы, асата, асатиане, осетины, не исключая, что с этой религией связаны мифы разных народов о асилках, асах и др.). Через эти названия можно проследить культурное историческое влияние этой религии и связанного с ней народа, что нам представляется немаловажным.

Все эти причины заставляют нас отказываться от «ярлыков» навешиваемых нам со стороны.

Для большинства интересующихся народными традициями и практикой, пространство Кавказа представляется неким «белым пятном», связанным в основном с одной религией. Не могли бы Вы кратко рассказать об основных мифологических и традиционных представлениях осетин, назвать мифы о происхождении мира, человека, обозначить Богов, духов и их роль и функции (согласно Ж. Дюмезилю, который считал нартское наследие чистейшим примером своей теории) в мире?

И ислам и христианство на Кавказе молодые религии. Ещё, каких то, двести лет назад культурное пространство здесь определяли сказители нартского эпоса, содержащего в себе комплекс мифов передающих мировоззрение религии æсс (истины). Один из вариантов этимологии слова «Кавказ» имеет значение – Поселение последователей культа истины (кау-поселение, æсс – истина, религия культа истины). Это древнейшая религия. В которой:

- Бог – Хуыцау, проявлен из Света, Он и есть Свет, Сияние (Он есть нечто более тонкое чем Свет). Он есть Истинная природа всего сущего, проявленного и не проявленного. Всё Едино, а то, что нам кажется различным есть иллюзия - мæнг.
- Проявленные Им - изэды (зэды) - силы достойные почитания и высшие по иерархии проявленных сил. В индийской и в иранской традиции есть аналогичные понятия зэды,
- ниже по иерархии это дуаги (даугута, дауджита). С аналогичными функциями в Древнерусской традиции дивы, в Индийской, Иранской - девы, в греческой - деосы, в латинской - теосы и т.д. Это силы которые функционально ответственны за материальный (видимый) мир.
- Ещё ниже по иерархии силы уæйгуытæ, аналог индийских и иранских вайу, русского вѣй, украинского - вий и т.д.

Тот, кто знаком с наукой религиоведения и сравнительной мифологией, заметит, что в осетинской религиозной традиции присутствуют все те же понятия, что и в религиях многих индоевропейских народов. Факт того, что основная форма передачи религиозных основ происходит через первичный миф, свидетельствует о древности учения. То есть здесь на Кавказе сохранилось нечто такое, что касается многих народов, а потому должно заслуживать внимание широкого круга ученых религиоведов.

Верят ли осетины в реинкарнацию, возрождение предков в потомках, детях?

У нас верят в тесную связь мира мёртвых с миром живых. Верят в то, что мертвые могут заботиться о живых, а живые помогать мертвым в достижении Рухс Дуне (Мира Света) или иначе Ёссаг Дуне (Мира Истины). Высшей целью человеческой души является постижение Мира Света (Рухс Дуне), то есть слияние с изначальной природой всего сущего, с Богом. Все эти взгляды являются обоснованием поминальных обрядов и трапез. Во многом эти взгляды определяют нравственную культуру народа.

Насколько выражены и значимы в традиции вопросы сезонности и солярные даты, такие как летнее и зимнее солнцестояние, равноденствия и связанные с ними аграрные мотивы фольклора и мировосприятия; какие сезонные праздники отмечают осетины?

Религиозные праздники в Осетии носят в основном агрикультурный характер. Это и зимнее солнцестояние и весеннее. Это и начало и окончание сезонных работ. Это и выпрашивания дождя у ответственных за это сил и т.д.

Каково место смерти в мировоззрении и традиции осетин? Есть ли у вас Божество или дух, связанный с уходом человека в иной мир? Какова структура похоронного обряда?

Это достаточно сложный вопрос, чтобы осветить его в интервью.

Встречает души умерших у Врат Страны мертвых Аминон. Глава Страны мертвых - Барастр (бар –мера, право; стр- великий) По смыслу значение имени получается примерно такое, «Великий меритель имеющий право». Он и определяет условия пребывания в Стране мертвых.

Мир живых и мир мертвых связаны и зеркально повторяют друг друга. Мертвые заботятся о живых, живые о мертвых. Отсюда и почитание умерших.

В своей книге «Религиозное мировоззрение в нартском эпосе» Вы приводите «кадаги» о появлении человека, в которых повествуется о том, что до того как Бог (Хуыцау) сотворил совершенного человека, он создал несколько поколений существ (уадмиры, камбада, гамеров и гумиров). Вы предполагаете, что это можно соотнести с современной теорией эволюции, но можно ли соотнести этих пред-человеческих

существ с поколениями титанов и гигантов, как в греческой или скандинавской традициях, тем более, что «кадаги» на это указывают?

Думаю можно, потому что и греческая и скандинавская мифологии связаны с осетинской, об этом говорит и сходство сюжетных линий, а так же сходство названий и функций сил, ошибочно принимаемых за богов. То есть, мы имеем все признаки того, что когда то существовало единое учение для многих народов, о котором в наше время не принято рассуждать, но которое, судя по всему, было основой современных мировых религий.

В своей книге Вы также отводите главенствующее место нартскому монотеизму, который, по вашей версии, предшествовал монотеизму христианства и ислама. Вы ссылаетесь на «Вишну-пурану», гимн прославляющий высший (Парабрахман) аспект Бога как апофатического и непознаваемого Абсолюта. Но в индуизме наличие высшего Единого не отменяет и не исключает сомна из многих десятков и сотен других великих и малых Богов индийского пантеона; в нартском наследии также говорится о могущественных духах мест и младших Богах, позднее принявших на себя образы христианских святых. Нет ли здесь смешения понятий Единый (в духе Единого неоплатонизма или Парабрахмана индуизма) и Единственный (на котором радикально настаивают адепты авраамического монотеизма)?

Единобожие в Нарстком эпосе, имеет совсем иной характер, чем единобожие в авраамических религиях. По осетинским представлениям Бог Един и нет ничего кроме него, всё сущее есть проявление Его, а разделенная природа сущего есть иллюзия (мэнг). В понимании авраамических религий Бог отделен от своего творения имеющего не иллюзорную а реальную природу.

Что касается самого термина «монотеизм», то здесь имеют место ошибки перевода. Это слово происходит от латинского «теос». В свою очередь латинское «теос» функционально соответствует греческому «деос» индийскому «дев», осетинскому «дуаг» (дауджытæ). Но в осетинском представлении это совсем не бог или боги, а силы ответственные за материальные проявления. Каждый из этих сил имеет право (бар) проявляться в определённом состоянии это бардуаг ветра, бардуаг воды, бардуаг огня, бардуаг металла, бардуаг леса, и др., есть ещё и бардуаги небесных тел (звезд и планет, в т.ч. и солнце), которые определяются как «арвон дауджыта» (небесные дуаги) и тд. и т.п.

Что касается отношения к идолопоклонству, то сама религия æсс, появилась с первовестником Сэуассэй (сэу – утро, эсс – истина), вопреки произволу идолопоклонников, как новая чистая религия призванная спасти мир от хаоса и катастроф. Здесь эта религия является антиподом христианской призванной привести мир к концу: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец».

Ряд исследователей отмечают возможное влияние Зороастризма на осетинскую традицию и осетинский язык входит в иранскую группу языков, насколько это влияние можно проследить и что оно значит для осетинской традиции?

Зороастризм более поздняя реформация, чем религия Ацæтæ (религии последователей – истины), поэтому правильнее говорить о влиянии религии Ацата на реформацию Заратустры. У нас есть все основания полагать, что и христианство испытало сильнейшее влияние религии истины – æсс, через скифскую диаспору в Галилее. Одно из подтверждений этому истории о Саошьянтах. Так спасателями в Зороастрийской традиции являются Саошьянты (суффикс «янта» показывает на принадлежность к роду Саоши), самого Заратустру называю Саошьянтом. В некоторых апокрифических евангелиях (Детское евангелие, Арабское евангелие), есть информация о том, что волхвы (носители Древнеиранских культов) пришли к колыбели Иисуса возвестить о рождении Саошьянта. Предания же о Сэуассе (Саоше), как родоначальнике Спасителей, сохранились лишь в осетинской мифологической традиции, что несомненно говорит о большей древности мифа.

Если говорить о различиях с зороастризмом, то известно, что Заратустра был реформатором. Ему приписывается «изобретение» дуализма – представления о добром и злом «начале». В осетинской же традиции мир целостен, а различие и функции сил определяется иерархией в Едином. (подобно тому как в человеке различаются голова, ноги, руки и т.д)

Как известно, христианизация кавказских народов не была столь успешной. Обычаи сохранялись, а христианские святые иногда вплетались в общий пантеон, образуя двоеверие. Как Вы относитесь к тому, что христианизация осетин была ослаблена, чтобы они выступали некой защитной границей от наступающего из Закавказья ислама?

Вы в своем вопросе предложили очень ценное решение. Действительно со своей религией осетинский народ был бы на много устойчивее, а значить надежнее выполнял бы и защитные функции. Но к величайшему сожалению госфункционеры не так гибки в мышлении как вы. Идеологическое давление христиан было агрессивным в царские времена, агрессивно оно и сейчас, что конечно же сказывается на ослаблении национальной культуры и традиций, способствует ассимиляции и оттоку коренного населения из республики. И сейчас христиане используют откровенный обман в насаждении своих «ценностей» именно это обстоятельство заставляет их избегать открытых диспутов с традиционалистами. Но, тем не менее, их давление не ослабевает и имеет целью ограничение влияния традиционной религии, как правило, через административные структуры. В любом случае считаю этот факт негативным. Дело в том, что осетинский народ, занимая ценное геополитическое положение, в центре Кавказа, имея на своей территории 2 дороги из 4 х, через Кавказский хребет в Закавказье, является верным союзником для России, способным удерживать занятые позиции. С принятием же какой либо из авраамических религий народ обезличивается, теряет этническую устойчивость и ассимилируется. Если он ассимилируется в русской нации, то молодежь быстро разъедется по просторной стране (что сейчас и происходит), если в исламской, то Россия будет испытывать беспокойство от неуверенности союзничества. Уверен, что Осетия привлекательней для России, если будет оставаться сама собой, сохраняя собственную культуру. В таком виде она будет надежнее как друг, как верный союзник.

Ваша книга вышла десять лет назад, в 2007 году, и Вы заканчиваете её полемикой с христианством. Что изменилось за эти десять лет на Кавказе в отношении традиционных верований?

Трудно сказать что изменилось. Пока, как говорить не вечер, Процесс продолжается.

Каковы у осетинской традиции отношения с исламом, с которым сейчас отождествляется весь Кавказ *ipso facto*? Нам известно что, например, в Татарстане последователи традиционного культа Тенгри вынуждены скрываться от исламских властей, подобные вести приходили и про Кавказ тоже.

У нас в республике, ислам не имеет такого влияния как в Татарстане, или в той же соседней с нами Кабарде, где был убит доктор исторических наук Аслан Ципинов призывавший обратить внимание на исконную религию Кавказа. Но и в Осетии руководители этой организации используют все свои возможности для дискредитации традиционной для местного народа религии, а так же травли в отношении старшего поколения, носителей этой религии. На совести исламистов обманутые молодые люди ушедшие воевать в Сирию на стороне запретной в России организации ИГИЛ, убийство народного поэта Джигкаева Ш., один из членов республиканской исламской организации даже участвовал в зверствах Бесланской трагедии. Они избегают открытого диспута в СМИ, на телевидении с носителями традиционной религии. На открытой публике говорят о своем миролюбии, а на своих собраниях среди своих сторонников лицемерно продолжают работу по дискредитации смыслов традиционной для народа религии, произвольно толкуя сюжеты и содержание текстов устного народного наследия. Это явление, в республике, подводит к провокации гражданского конфликта на религиозной почве.

Нам известно, что в Осетии действует религиозная организация осетинской традиционной веры «Ацæтæ». Религиозные организации русских язычников (используем это слово в религиоведческом значении) долгие годы сталкиваются с давлением светских и религиозных властей, как обстоят дела с традиционными религиозными организациями на Кавказе?

У нас тоже все не просто. С одной стороны большинство граждан республики являются носителями и устроителями обряда традиционной религии, включая представителей светских властей, с другой стороны имеет место обман о том, что эти обряды не имеют отношения к религии, а «просто народные обычаи». Наша задача обратить внимание граждан на обман и показать на концептуальные отличия религии народа от пришлых авраамических религий. Пока есть трудности с доведением информации, которые появляются не без помощи «доброжелателей». Но радует то обстоятельство, что официально зарегистрированных организаций, традиционной религии народа становится все больше, то есть процесс идет и люди осознают, то что происходит.

Для современного гражданина России, особенно для тех, кто исповедует родную веру, Кавказ вызывает смешанно-негативные

чувства. Каково отношение осетин к русским и, если возможно – к русским язычникам?

Для того что бы понять отношение осетин к русским и Российскому государству, достаточно обратить внимание на службу осетин этому государству.

Факт того что половина из призванных на ВОВ осетин не вернулось, а количество героев у нашего народа самое высокое на единицу населения, думаю тоже должен о чем то говорить. Среди осетин немало деятелей искусства, науки, военного дела посвятивших все свое творчество и силы процветанию Российского государства, причем во времена различных политических властей, и при царизме, и при советской власти, и при сегодняшней. Осетинский народ очень благодарный. Так в нашем районе есть село Черноярское, основанное горцами на землях дарованных царской властью. Представители этого села в благодарность власти, улучшившей их условия проживания, проявляли заметное рвение на государственной службе, отсюда происходят более 20 полковников, более 150 офицеров и свыше 60 георгиевских кавалеров, представители этого села были в личной охране царя Николая Второго.

К русским родноверам у нас отношение самое хорошее. Мы приветствуем людей, бережно относящихся к наследию отцов. Но в то же время мы не поддерживаем методы некоторых деятелей придумывающих тексты и обряды «старой религии». Нам представляется этот путь не верным. Правильно изучать сложившиеся в народе обряды, праздники устное народное наследие (сказки, легенды, сказания, притчи и т.д.). На наш взгляд в России сохранилось достаточно много материала, который недооценивается в связи с неправильным подходом к раскрытию религиозных тем. В свою очередь этот неправильный подход обусловлен, пусть вас не удивляет, недоверием к Кавказу. Дело в том, что отношение к «языческим» религиям как местечковым неправильное. На самом деле в дохристианские времена имела место мировая религия, о которой мы не знаем, но признаки, которой легко увидеть. К примеру, в курганной «скифской» цивилизации оставившей свои памятники на обширной территории Евразии «от океана, до океана». Археологи относят эти памятники к скифской культуре, но культура обеспечивается мировоззрением. А мировоззрение в те времена не могло быть не религиозным и его могли придерживаться и иные народы кроме скифов. В свою очередь эта религия не могла не сказаться на культуре народов. На Кавказе эта культура сохранилась в более целостном виде. Поэтому

обращение к Кавказу, в комплексе с изучением родной культуры, может заметно обогатить методику определения основ своего учения для многих родноверов.

Существуют ли у осетин идеи национализма и реваншизма по отношению к русским или иным народам; стремление достичь независимости и политической и религиозной свободы силой оружия?

В Осетии нет ни реваншизма, ни национализма в отношении к русским и иным народам. В Осетии есть осознание того что культура и религия народа несет в себе многотысячелетний опыт жития, в связи с этим есть желание передавать молодёжи этот опыт. Но зачастую именно этот факт является раздражителем и списывается на «национализм» который ассоциируют с «нацизмом». Но у нашего народа нет желания преобладать и возвышаться, здесь есть желание сохранить себя, свой этнос, свою культуру, свой опыт общежития. Нет здесь и желания братья за оружие. Мы верим в то, что те ценности, которые оставили нам предки, непременно найдут понимание в умах граждан. Поэтому больше надеемся на слово и время.

Как Вы оцениваете возможность совместного мирного существования наших народов, и их родных традиций, в общем государстве? Какие инициативы или действия Вы бы хотели видеть, а какие нет?

Я думаю, что умножение знаний в области религиоведения непременно приведёт нас к осознанию того, что мы все есть единое целое. Глубокое изучение мифологии (или точнее сказать остатков мифологии) многих народов убеждает нас в том, что все культуры имеют единый корень. Нужно лишь выявить его и обратить на него внимание. Я уверен, что возвращение к корням украсит нашу жизнь, тем, что вернёт людей к яркости и разнообразию этнических культур, где сами народные обряды, песни, танцы, прежде имели сакральный религиозный смысл имевший опору именно в той религии, которая благодаря стечению обстоятельств сохранилась в Осетии. Ведь для того, что бы считать себя сторонником этой религии нужно лишь придерживаться народных традиций и культуры, которые исключают всякую агрессию к иным народам. Представьте ситуацию, когда люди отказавшись от универсализации культур, обратятся к народной традиционной культуре, которая по сути и есть духовная традиция и практика той древней религии, где есть тысячелетний опыт жизнеустройства, где есть краски, веселье, праздники и доброе отношение друг к другу. Разность культур в таком

случае лишь добавит гармонии, подобно тому разные звуки образуют мелодию. Народы сохраняют свои особенности и язык. Теперь же, для многих народов реальной проблемой становится исчезновение языка. Отход от культуры предков делает людей недальновидными, завистливыми, грубыми и недоброжелательными.

Как оцениваются военные конфликты на Кавказе и в Закавказье, прошедшие после 1991-го года?

К военным конфликтам наверное следует прибавить и теракты являющиеся одной из форм войны. Конечно же отношение к этому отрицательное. Ещё более негативные ассоциации вызывает факт использования религиозных чувств. Внедрение авраамических культов заставило людей отказаться от того, что было самым святым для их предков. Так по обычаям Кавказских народов старший не пьет воду пока не напоит младшего. Исламисты внушили своим адептам презрение к людям и детям, на столько, что они мучали их жаждой на протяжении нескольких дней. На Кавказе сильнейшим грехом, даже более сильным, чем убийство считалось унижение человека. Но эти граждане, отказавшиеся от традиции, упиваясь своей гордыней, жаждали унижений от людей, которых терроризировали. Причины этих моральных искажений, в отходе от традиционной для данной местности религии. Той самой религии, на которой складывались традиции (адаты), воспитывавшие истинно благородных героев Кавказа, которыми восхищались поэты. Идеи расового и религиозного превосходства (на основе идеи о более раннем принятии христианства, а значит и большей цивилизованности) спровоцировали наших южных соседей к кровопролитиям унесшим десятки и сотни жизней и лишившим крова многих семей. Интересно, что к травле грузин вдохновлял каталикос – патриарх Илия II. Они смогли поссорить, народы которые жили дружно в традиции многие столетия.

Что бы Вы ещё хотели сказать нашему читателю?

Здесь я не отличусь оригинальностью, и пожелаю хорошего самочувствия, добрых вестей от близких и родных людей, а так же здоровой тяги к знаниям. Потому что именно невежество является тем коньком, который порождает недоверие и позволяет негодьям втравливать людей в конфликты.

Беседовал Евгений Нечкасов

Идентаризм – что это?

Идентаризм – это термин, используемый для обозначения движения европейских Новых Правых и им сочувствующих. Центральным идеологическим принципом является сохранение и развитие этнической и культурной идентичности и критика состояния современного Запада.

Своими корнями идентаризм уходит во Францию, но он также распространился в Скандинавии и других частях Европы.

Идеологические влияния

Идентаризм основывается на нескольких различных политических образах мышления, даже когда есть различия между различными группами и одиночками. Самое сильное влияние на основание идентаризма оказали:

1) Европейские Новые Правые. Think-tank Алена де Бенуа, GRECE (Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne Группа исследования и изучения европейской цивилизации), а также движения и персоны, связанные с ним, возможно, составляют основное влияние на идентаризм. Множество центральных понятий и точек зрения взяты или вдохновлены французскими Новыми Правыми.

2) Традиционализм. Так называемая Традиционалистская Школа широко проникла в идентаризм. Частично потому, что многие из теоретиков оказались под влиянием идей Рене Генона и, возможно ещё больше, Юлиуса Эвола. В некоторых случаях влияние очевидно – многие скандинавские идентаристы явно принимают традиционализм, но чаще это вопрос более ограниченного влияния. Одним из примеров последнего является главный теоретик GRECE Алэн де Бенуа, но есть множество других примеров чисто политического, светского и неоязыческого идентаризма.

3) Археофутуризм. Бывший член GRECE Гийом Фай разработал понятие археофутуризма, для описания идеального синтеза того, что он называет

«архаичными ценностями», с одной стороны, и современными или футуристическими технологиями и цивилизационным/социальным развитием – с другой. Этот термин часто используется, особенно среди скандинавских идентаристов.

4) Метapolитика. В соответствии со взглядами Антонио Грамши (так же как и GRECE) идентаристы утверждают, что любое изменение общества невозможно без изменений в языке и культуре. Такие действия, как создание культуры и влияние на общественное мнение, которые ранее не рассматривались как часть политической сферы, стали естественной частью идентаристского проекта.

Политические взгляды

Идентитаризм основывается на предположении, что этнические и культурные факторы играют центральную роль в благосостоянии людей и функционировании общества. Человек рассматривается как комбинация унаследованных и обусловленных окружающей средой черт; и подчеркивается необходимость этнических европейцев защищаться и развиваться как отдельные народы. Соответственно, идентаристы выступают против крупномасштабной внеевропейской иммиграции в Европу, независимо от ее возможной экономической полезности.

Идентаристы предлагают рассматривать государство через линзу прагматизма и указывают, что это только одна из нескольких возможных исторических форм организации этнических групп и народов. Многие теоретики идентаризма, например Гийом Фай, отстаивали идеал федералистской империи, где сотни локальных и региональных сообществ, с высоким уровнем автономии, были бы организованы в «Евразийскую» [Не путать с идеологией неоевразийства – прим. пер.] конфедерацию, при этом последняя работала бы над защитой народов и интересов Европы в целом и в глобальном масштабе.

Касательно экономики идентаризм предлагает единственную основную точку зрения: экономика должна быть подчинена другим, более важным интересам. Идентаристы настаивают, что благосостояние людей всегда должно быть выше идеи экономического роста и ей подобных, а также критикуют глобализацию как экологически и социально деструктивное явление. До сих пор не существует всеобъемлющей идентаристской теории экономики; и теории, которые варьируются от корпоративизма и дистрибутизма, от либертарианства до социализма, часто обсуждаются в идентаристских кругах. Это полностью соответствует стремлению

идентаризма быть не догматичным и гибким, но также это можно понимать и как серьезный недостаток.

Какую политику идентаристское правительство будет воплощать на практике – это спекулятивный вопрос, который во многом зависит от целей лидеров конкретных локальных идентаристских движений. Несмотря на то, что идентаристы разделяют общий набор убеждений и целей, гипотетически различные идентаристские правительства в разных странах могут иметь различную экономическую политику и разные пути работы с не-белой иммиграцией, основываясь на том, что будет наиболее практичным в их ситуации. Например, страны с низким лимитом неприемлемой иммиграции могут использовать быструю программу депортации, в то время как страны с высоким уровнем могут совмещать политику регионализма/коммунитаризма и программу неспешной депортации, если быстрая окажется непрактичной в данной ситуации.

География идентаризма

Во Франции идентаризм представлен такими группами, как Идентаристская Молодежь (Jeunesses Identitaires), Идентаристский Блок (Bloc Identitaire) и Земля и Народ (Terre et Peuple), каждое из которых оставило свой след на французском политическом ландшафте. Группа активистов Идентаристского Блока хорошо известна за оригинальные и дискуссионные акции. Кроме прочего, они обрели известность в связи с их акциями раздачи бесплатного горячего супа со свининой для бездомных французов (что некоторые интерпретировали как исламофобию и антисемитизм). Земля и Народ, группа и журнал активные с 1944, также имеет связанные с ними группы в других странах, такие как *Tierre y Pueblo* в Испании.

В Скандинавии идентаризм был представлен ныне неактивной организацией Северный Альянс (Nordiska Förbundet). Они мобилизовали несколько «независимых активистских групп», как и их французские единомышленники, среди которых стоит упомянуть *Reaktion Östergötland* и *Identitet Väst*, которые провели несколько впечатляющих политических акций, отмеченных определенным уровнем гражданского неповиновения. Также был опубликован и первый манифест, задачей которого было дать определение идентаристского движения в Северной Европе.

Сегодня Скандинавский идентаризм в основном представлен активными колумнистами аналитического центра Motpol (think-tank Motpol) и его блог-порталом, а также связанными с ним проектами и отдельными персонами. В феврале 2011 году прошла вторая часть ежегодного семинара

«Идентаристкая Идея» (Identitär Idé) и издательство Арктос начало работу по переводу литературы, связанной с идентаризмом и Новыми Правыми, на английский и шведский языки. Все чаще происходят более мелкие собрания и события. Это оказывает влияние на общественное мнение и порождает дебаты.

Перевод с английского Askr Svarte

По материалам сайта идентаристов Шотландии «Scottish Dawn»
<https://scottishdawn.com/2017/05/01/what-is-identitarianism/>

NAM: Почему мы язычники?

Что привлекает нас в язычестве? Почему мы так вдохновлены древней традицией древних германских народов? В этой статье мы попробуем объяснить это. Германское язычество раскрывает пред нами полную космографию, которая включает все аспекты человеческой жизни. Однако, это не жесткая догма, но мировоззрение, обретшее форму через ряд норм, ценностей и этики. Они сформулированы текстом Старшей Эдды: единственным письменным упоминанием о германском язычестве. В Старшей Эдде собрана коллекция мифических и героических стихов X века, с точки зрения мировосприятия древних германских племён.

В основе этой германской этики лежит человеческое бытие и вечная мудрость о том, что власть над собственной жизнью находится в наших руках. В отличие от современных монотеистических религий, таких как христианство, язычество не обещает совершенную жизнь после тяжелой и бессмысленной земной жизни, однако оставляет человеку право быть хозяином собственной души. В сути германского язычества – призыв к безусловному счастью здесь и сейчас. В совокупности наших действий, мы забираем с собой то счастье, которое мы заслуживаем в этой жизни – и в загробную жизнь. Германское язычество подчеркивает нашу личную ответственность за всё происходящее с нами здесь и сейчас. Эта германская этика ясно выражена в «Речах Высокого» (Hávamál) Старшей Эдды. В этом собрании стихотворений мы находим мудрость и советы о человеческих взаимоотношениях.

Некоторые язычники обвиняют нас, что мы вовлечены в политику. Но как можно отделить её от космографии, которая даёт нам рекомендации во всех сферах человеческой жизни? Германское язычество предоставляет нам четкую политическую альтернативу. Оно учит нас, что люди – не пассивные овцы, которые должны безропотно следовать за правящим классом. Люди могут, и должны делать свой собственный выбор. Так была устроена и политическая организация германских племён, где благородные лидеры существовали лишь по милости народа, и где у любого Тевтонца было право демократического участия в Тинге, управляемом Друидами. Всё это было подробно описано у Тацита, в его книге «Germania». Язычество не предоставляет нам Бога, которого можно обвинить в своих недостатках. Языческие Боги учат нас жить собственными жизнями, как то и описывается в Старшей Эдде. Они учат нас, что только такие ценности как честь, верность, мужество и справедливость могут принести нам счастье и

процветание. Благородные ценности, которые, к сожалению, кажутся полностью утраченными в современном мире.

В мире, искалеченном беспрецедентным загрязнением окружающей среды, где природа разрушается человеком в постоянно ускоряющемся темпе, язычество предоставляет нам чёткое руководство по взаимодействию с окружающей средой и экосистемой. В германском язычестве природа – холистская реальность: это – структура взаимосвязанных миров, которые сотканы друг из друга, переплетены, и несут ответственность друг за друга. Язычество – это вероисповедание природы и всех живых существ, оно не одобряет жадность и предполагает скромность во всех аспектах жизни. Германская культура наполнена множеством покровителей природы, определяющих явления повседневной жизни. Это основа основ, отдающая дань Богам и полномочиям, которыми они обладают. Германское язычество напоминает нам о древней и устойчивой связи с окружающим нас миром природы.

Поэтому, германское язычество не является ни давно утерянным прошлым, ни модным современным культом. Это мудрость предков и древняя традиция, которая предлагает нам четкую директиву современной жизни. Мы не жаждем возвращения к мифическому и романтическому прошлому, мы прогрессивные, мы хотим идти вперёд. Однако, с германским язычеством мы в состоянии заполнить духовную пустоту нашего современного времени и восстановить наше наследие для революционных задач. Это способствует созданию мира, в котором главное – община и семья, и где каждый человек в состоянии думать, делать выбор и быть самим собой. Это революционное мировоззрение, в котором мы так нуждаемся в социальной пустоте XXI века. Язычество учит нас, что лишь внутри общины можно воссоздать действительно значимые вещи, и лишь в общине мы сможем переопределить базовые понятия добра и зла. Взгляд в наше языческое прошлое, позволяет предусмотреть неопределённость нашего будущего.

В эпоху глобализации и отчуждения, во многих отношениях люди были отрезаны от мудрости предков. Только осваивая и восстанавливая это наследие, мы можем проложить себе путь к лучшему, к более возвышенной и полноценной жизни. Это наследие предлагает нам альтернативную космографию, освобожденную от гнёта репрессивного догматизма и морального релятивизма нашего времени. Германское язычество прокладывает нам путь к здоровому балансу между авторитарными

правилами и безудержным хаосом между индивидуализмом и коллективизмом; это предоставляет нам оптимальную директиву для реализации по-настоящему свободного, мирного и гармоничного сообщества. Быть язычником означает находиться в контакте с окружающим миром. Осознанность и община – вот ответ монотонному глобализованному миру.

Хотя германское язычество имеет строго партикуляристский подход, в нём есть и универалистский элемент. В разных формах, но, по существу, в той же сущности, мы находим мудрость германского язычества во всех пантеистических религиях мира, известных и позабытых. Великое переселение народов распространило языческий язык, религию и мифологию от северной Европы до южной Азии. Даже в творчестве грека Гомера и в римской мифологии, которая позже развилась под началом его идей, прослеживаются ясные параллели с германским язычеством. Также в других пантеистических религиях, будь то племена аборигенов Азии и Южной Америки, поддерживающих первобытный образ жизни и в наши дни, можно заметить сильное сходство с германской верой. Это вызвано тем, что все пантеистические религии имеют общую основу – они находят свое вдохновение и могущество в силе природных стихий. Все они основаны на метафизической действительности, которую природа открывает нам. И при таком разнообразии народов и культур в этом мире, все знают свой первородный источник, в котором сосредоточена главная мудрость, необходимая для жизни в гармонии с природой. Только, извлекая уроки из нашего отдаленного прошлого, мы можем обеспечить альтернативное будущее для нас самих и для всего человечества.

Пер. с англ. С. Носикова

Несмотря на противоречивое и экстравагантное название, Национал-Анархистское Движение (National-Anarchist Movement) выступает за создание автономных консервативных общин с самоуправлением на основе традиционных ценностей, и максимально возможным выводом их из под государственных юрисдикций.

Валентин Долгочуб:

Идентичность и духовность

Тот, кто не первый год принимает участие в родноверческом движении и всерьёз задумывается о состоянии дел в нём, вероятно, заметил, что большинство людей сегодня обращается к Язычеству по двум главным причинам: в поисках духовности/истины/познание или же для укрепления собственной национальной идентичности. Существует также поток вовлечения через субкультуру (музыку, моду, символику), однако касаться его здесь мы не будем, поскольку он является наиболее поверхностным и скорее касается того, что можно было бы назвать «околоязыческой тусовкой».

В то же время два магистральных направления улавливаются достаточно чётко, обычно несложно определить то, по какому «каналу» пришёл к Язычеству тот или иной человек. Первый, духовный искатель, будет рассказывать вам о взаимодействии с Богами и духами, про всевозможные «практики» (в лучшем случае он назовёт их «радениями» или каким-либо другим славянским словом), о своих снах, сверхчувственному или подсознательном опыте. Второй станет разглагольствовать о славных Предках отдалённого прошлого (иногда ничего не зная про своих собственных прапрабабок и прапрадедов), о необходимости развивать патриотизм и национализм, а если всё совсем плохо – о жидомасонах, занимающихся геноцидом белой расы / славян / украинцев (на этом беседу лучше сразу же прервать).

На самом деле в нашем понимании современное Язычество обязано твёрдо держаться на здоровом соединении обоих начал. Человек, у которого нет проблем с самоидентификацией, который чётко соотносит себя с определённым краем и определённым этническим сообществом, не будет выдумывать «тарха тарховича» или «зимцерлу», а сосредоточится на разнообразных проявлениях тех Сил, которые действительно почитались его Предками, будет обращаться к духам той местности, в которой находится, и обретать жгучий внутренний опыт, воссоздавая истинно традиционные обряды. Точно так же человек, настойчиво работающий над собой, не будет иметь времени и желания погружаться в конспирологию или прилагать усилия к унижению чьего-то духовного наследия, но этот самый настойчивый труд приведёт к решению проблем с идентичностью.

Сосредоточение только на одном из направлений, доведение его до абсурда, имеет очень грустные последствия. В первом случае духовные искания вырождаются в космополитический эзотеризм, абстрактное

«славянство» (при том, что традиционная культура, которую мы все так или иначе отождествляем с Язычеством, всегда локальна, всегда сводится к формам, характерным для определённого села или края), причём это «славянство» без особых сложностей вливается в поток популярного New Age. Венец всему этому известен: «Я верю в Будду, я верю в Христа...». Во втором случае человек замыкается на мелочных вопросах вроде языка общения в общине (язык проведения обрядов – вопрос иного ранга и иной важности), сакрализации «Велесовой книги» или других текстов как «символов идентичности», придании чрезмерного внимания национальной истории, которая так же далека от Духа, как национальное (и любое другое) государство. Венец сему – поверхностное «обрядоверие», сохранение не Огня, а пепла, который даже не тлеет.

Итак, здоровое соединение этнической идентичности и духовности, *народничество, природоверие и антидогматизм.*

Наконец, следует обмолвиться про точку зрения, которую нередко можно услышать в среде вполне адекватных родноверов. Вот мы, говорят они, возрождаем народные традиции и получаем духовный опыт, а в политику нырять ни за что не хотим, это грязное, далёкое и вообще не нашего ума дело. Конечно, она в любом случае имеет право на существование, однако, по нашему мнению, основывается на неверном понимании слова «политика». Это понятие ведь было создано язычниками и сперва означало обязанность всех полноправных членов сообщества (полиса) принимать активное участие в его жизни. Добиться того, чтобы муниципалитет прочистил ливнёвки, чтобы администрация школы не требовала незаконных поборов, или отстоять сквер от застройки – в таком случае это политика? Безусловно, да. Что касается более распространённого понимания «политики», то здесь следует вспомнить о следующем. Мы часто говорим про целостность мира и деятельности человека традиционного общества: труд и отдых тут неотделимы от обряда, песни и молитвы. Разве вече, общинная жизнь, казачий круг не принадлежали к той же целостности? Если сегодня господствуют иные, грязные, неадекватные формы «большой политики», это лишь повод для того, чтобы самостоятельно создавать или воссоздавать формы получше – так же, как мы воссоздаём обряды.

Askv Svarte: Унгерн, Миф и мы

В Новосибирске, в августе 2016 года, при реконструкции дома по адресу ул. Красный Проспект 11, в подвале был вскрыт фундамент более старого дома, в одном из помещений которого была обнаружена расстрельная комната ЧК. Ранее на месте «дома с часами» находился особняк купца Маштакова, недалеко от него стоит до сих пор сохранившийся второй дом Маштакова, ныне – художественное училище. Краеведы предполагают, что оба дома были соединены подземными погребями и переходами. По одной из версий, 15го сентября 1921 года плененного барона фон Унгерн-Штернберга расстреляли в подвале дома купца Маштакова. Ранее считалось, что речь идет о доме по адресу ул. Красный проспект 9 (Худ. Училище), но теперь более реалистичной становится версия о подвале дома №11, тем более, что оба дома имеют общую подземную часть, а в расстрельной комнате найдены следы пуль в стенах и крупная картечь. По другой версии, барона вывели к Оби на улице Фабричной – к этой улице от 9го и 11го домов на Красном Проспекте идут прямые улицы Свердлова и Коммунистическая соответственно, упирающиеся в железнодорожные пути.

Но, несмотря на обнаружение нового места и более точной локализации предполагаемого места казни Унгерна, самих останков или каких-либо вещей барона не обнаружено. Пока. Но возникает вопрос: а какое нам, язычникам-традиционалистам, дело до судьбы расстрелянного большевиками белого генерала-монархиста, так и не реабилитированного и по сей день «врага народа»?

Поверхностный ответ стоило бы искать в биографии барона Романа Федоровича фон Унгерн-Штернберга, родившегося в 1886 году и так далее... Как историческая личность барон изучен и описан в нескольких монографиях, архивных документах и судебных решениях. Говоря про язычество, то фигура барона ближе и понятнее коренным народам Бурятии, Дальнего Востока и Монголии с их шаманизмом, разбавленным учением Будды, которого придерживался и сам Роман Унгерн, что довольно необычно для белого казачьего офицера. Ну а нам-то, русским людям средней европейской полосы и Западной Сибири, какое дело? На это есть два размышления.

Первое заключается в том, что любой язычник-традиционалист по определению сторонник превосходства мифа над реальностью, которая сама в последнюю очередь лишь позитивистский социальный конструкт, этакий «контр-миф». Наше – это священное, трансгрессивное, активное и

выступающее за Сакральное: наше – это миф. Барон Унгерн для нас в первую очередь – это «сердце мифа об Унгерне», не столько реальное физическое тело, запротоколированная личность, сколько – многогранный миф о нем самом. Такого, равного ему по многогранности и остроте, мифа не сложилось ни вокруг Колчака, ни вокруг Деникена, никого. Барон Унгерн – белый офицер-буддист; Унгерн – воплощение Бога Войны Махакалы, защитника учения Будды; Унгерн – освободитель Урги и Монголии, реставратор теократии Богдо-гэгэна VIII; Унгерн – жестокий тиран и садист, палач большевиков и предателей; Унгерн, который обрушил на врагов стеклянный дождь. Все это бесконечно переливается и перетекает друг в друга, из истории в легенды, из легенд – в книги, из книг – куда угодно в едином теле мифа. Роман Федорович фигура уникальная среди белого движения Сибири и Востока.

Современное русское язычество упорно ищет свои мифы и опорные фигуры в истории, с помощью которых выстраивается своя историческая и ценностная ось – набор событий и харизматических, знаковых и образцовых фигур. Если древняя история ещё предлагает таких персонажей, то современная ими скудна до ужаса. И все жё – бывают, вспыхивают те, кто «ни туда, ни сюда», никаким аршином не измеримы, но каждый свою меру приложить хочет и пробует. Так какова языческая традиционалистская мера барону с этой стороны? Если Роман Федорович – буддист, то мера его мала, ибо в чистом виде буддизм – нигилизм и отрицание традиции. Но и в чистом виде буддизма не существует, а везде он – в разной пропорции смешение с местными народными традициями, то есть – двоеверие: бон-по, дзен, сибирский и монгольский шаманизм в их многообразии тоже впитали в себя буддизм как составную часть, даже хинду смогли облагородить буддизм своим пантеоном и влиянием упанишад и сутр. В таком двоеверии мера языческого в мифе об Унгерне велика, за ним большая заслуга освобождения монарха Монголии и всеобщее почитание его как воплощения Бога Махакалы – какого русского почитали воинственным Божеством на Востоке? О том и речь. Воинственность – ещё одна опорная точка и нужда русского язычества, за ней оно обращается к собственной истории: Рюрик, Святослав, Александр Невский, Дмитрий Донской, хоть последние и православные – но все равно наши, и далее тоже история показывает силу русского оружия неизбежно. Но в современном язычестве воинственные архетипы и культурные образы с не меньшим рвением ищут и в Скандинавии и Германии, в их язычестве: викинги-варяги, шлемы и мечи, драккары, агилсхьяльмы, Мьёлльнир и руны – все это уже органически заимствованные у германцев части русского языческого поля, заполняющие собственные

пробелы, лакуны. Но если посмотреть на начало XX века, на фронт гражданской войны на Дальнем Востоке – там можно найти пример нестигаемой воли, бесстрашия и воинского даже безрассудства, в благородном смысле. Юлиус Эвола в своей статье «Кровожадный барон» сообщает, что немецкие корни Романа Федоровича уходят к викингам, чем можно объяснить его воинственность, а мы добавим к этому – и мрачный фатализм его судьбы, вполне соответствующий мрачным тевтонским лесам. Из всех современных ему полководцев он один – воплощенный и нестигаемый Бог Войны и авантюрист на поле боя. Это кшатрийское пламя и привлекло к нему внимание другого барона, язычника-традиционалиста Юлиуса Эволы. Итальянский барон восторгается «презрением к смерти» Унгерна и сообщает, что его почитание на Востоке должно быть обусловлено его мистическими качествами и контактами с инициатическими центрами Азии. Согласно другой легенде, он также обладал кольцом Чингисхана, которое сулило власть обладателю.

Близким традиционализму барона Унгерна делает и его абсолютное, тотальное и безоговорочное отрицание большевизма и революции. Большевизм – это экзистенциальный враг Унгерна, враг России и монархии, враг традиции, и православной и любой другой, шаманской и буддистской в том числе. Унгерн – монархист, последний законченный монархист гражданской войны, он теократ и сторонник священной власти. Поэтому он идет на освобождение Монголии от китайцев и реставрацию теократии Богдо. Большевизм как анти-традиционное и стерильное творение Модерна вызвал справедливое и тотальное отрицание у традиционалистов XX века, барон Эвола называет его «большевистской заразой в Европе, которая уничтожает её [Европы] Традицию». С отрицанием большевизма и красного проекта солидарны и подавляющее большинство язычников, в этой оптике мы все находимся по одну сторону черты-фронта: Унгерн – за Традицию и против большевиков-атеистов, Ю. Эвола – традиционалист, язычники-традиционалисты – за миф и Сакральное, но против «красно-левой заразы», по словам итальянского барона.

Юлиус Эвола также пишет:

«Второй аспект касается идеала, который почитал Унгерн фон Штернберг. Борьба против большевизма должна была стать лишь началом гораздо более обширного предприятия. Согласно фон Штернбергу, большевизм был не отдельным феноменом, а неизбежным следствием процесса упадка, происходящего продолжительное время в рамках всей европейской цивилизации. Как и Меттерних (министр иностранных дел и канцлер Австрийской империи, инициатор создания Священного Союза)», он

также верил - с полным на то основанием - в непрерывность различных фаз и форм всемирного разрушения, начиная с Французской революции. Для Унгерна фон Штернберга реакция должна была прийти с Востока - Востока, верного своим собственным духовным традициям и сплоченного против угрожающей опасности - вместе с теми, кто способен на мятеж против современного мира. Первой задачей должно было стать искоренение большевизма и освобождение России».

В таком свете миф об Унгерне сияет многими красками. Но все же, Унгерн – белый офицер, участник белого движения. Здесь следует, не вдаваясь в излишние подробности так как не о них речь, заключить, что в вопросе «На чьей стороне современные язычники-традиционалисты в вопросе гражданской войны начала XX века?» – наш ответ будет: ни на какой, ни на «белой»-православной, ни на «левой»-безбожной. Говоря о том, что нам интересен барон Роман Федорович Унгерн, мы не становимся сторонниками «белых», но очевидно обозначаемся как не-сторонники «красных». Становимся ли мы сторонниками буддизма говоря, что Унгерн нам интересен? Снова нет. А монархистами? Думаю, тут уже возможны дискуссии, но речь снова не о них и не об этом.

Мы снова обнаруживаем себя между двух вопросов: Кто такой этот неистовый барон Унгерн, мастер ремесла войны? Какая нам, русским язычникам-традиционалистам, до него мера?

На первый вопрос мы отвечаем: Унгерн – это не человек, это трансгрессивный, то есть уклоняющийся от любого четкого определения-ограничения миф об Унгерне: буддисте, Боге Войны Махакале, военном тиране, авантюрном гении нескгибаемой воли, близком к эзотерическим центрам Азии и стороннике Традиции против Модерна в лице большевиков. Здесь и правда и легенды, и свидетельства и вымыслы, все это – миф о волевой кшатрийской фигуре, уникальном бароне современной русской истории, который может привлечь наше внимание своей судьбой.

Конец его войны тоже показателен в одном нюансе: лавры победы – «разгрома банд Унгерна» – над бароном достались Петру Щетинкину, командиру эскадрона корпуса РККА. Давайте вслушаемся в фамилию «Унгерн» – это рычащая, агрессивная, вертикальная фамилия, это – фон Унгерн-Штернберг, аристократ и воин, потомок германских «кшатрийских» кровей. И П. Щетинкин – шипящая, щетинистая фонетика, звук натираемых сапог, даже не окладистая борода – а щетинка, ни то ни сё. В этой перекличке высокого и низкого далеким эхом отражается победа бездуховного плебейского Модерна чандал над последней аристократией духа, доблести и чести.

Resume: барон Унгерн – не белый, не красный, он даже не язычник и в полной мере, конечно, не наш. Но он – сам (Selbst), он свой, а значит он – мифический, превышающий все обыденное и банальное, земное и никакое, безвольное и щетинистое. Унгерна нельзя ни присвоить, ни приписать кому-то, он – сам свой суверен в вечности этой Манвантары. Мы можем на него оглядываться, на его миф и волю, чтобы не упасть в грязь лицом перед нашей традицией.

А пока: официальная версия происхождения шрапнели в подвале бывшего дома купца Маштакова гласит, что причиной всему – разрыв шрапнелевой гранаты, с помощью которой пытались снести фундамент для постройки нового дома «с часами». Не стоит объяснять непросветную глупость в решении подорвать добротный старый, вкопанный в землю кирпично-рабитый фундамент с помощью гранаты со шрапнелью. Здесь мы снова видим, как банальная и скучная реальность сухого протокола «подрыв гранаты со шрапнелью в целях демонтажа фундамента» подменяет собой плевков в лицо расстрельной команде ЧК и улыбку в сторону смерти. Снова скучная бытовуха Щетинкина пытается победить место казни Унгерна. В сознании масс, скорее всего и победит.

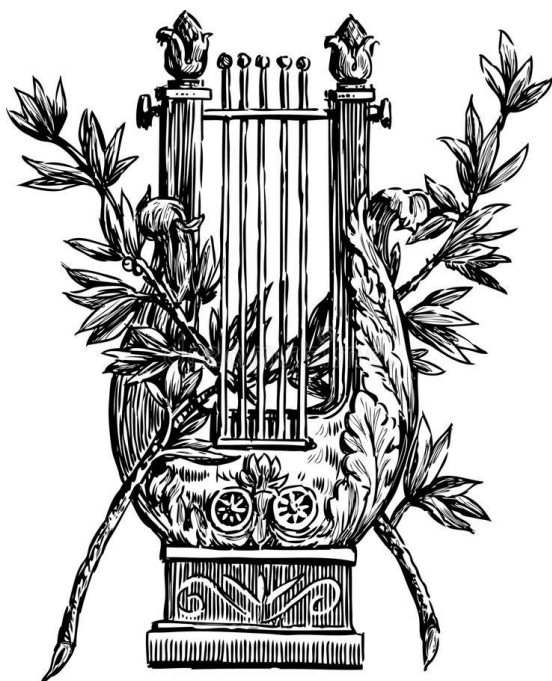
Но где-то в недрах земли, под Новониколаевском-Новосибирском, так и лежат череп и кости последнего барона, утаенные до срока, как и святые мудрецы Азии.

Askr Svarte

15.09.2016

95-я годовщина расстрела барона Унгерна

ПОЭЗИЯ

Гёльдерлин

Германия

Божественные образы блаженных,
Являвшиеся в древности, не смею
Их больше призывать, но если сердце
Вам, воды родины, жалобно вторит,
К чему, когда не к этому, стремится,
Священно скорбное? Простерлась в ожиданье
Кругом страна, и, словно в жаркий день,
Снижаясь, нас, неуголенных,
Окутывает чающее небо.
Все небо в знаменьях. Пусть угрожает
Оно теперь мне, - с ним хочу остаться.
Нельзя душой в минувшее бежать
Назад, к вам, слишком дорогие мне.
Прекрасный лик ваш созерцать, как прежде,
Сегодня я страшусь. Погибель в этом.
И не дозволено будить умерших.

Воистину вы боги, боги в прошлом!
Исчезли вы, но ваше время было.
Я не вымаливаю и не отвергаю.
Пускай все кончено и день померк,
Жрец поражен сперва, однако с ним
Повсюду храм его и образ, и обряд
В темной стране, в пределе беспросветном.
Лишь словно от могильного огня
Дым золотой, летучее сказанье
Над нами, недоверчивыми, брезжит,
И ни один из нас не понимает,
Что это тени, тени тех, кто жил.
Так древние вновь посещают землю,
Грядущие теснят нас между тем,
И в небе голубом не медлят больше
Священным сонмом боголюди.

Суровый наступает век, и для него
Поле возделано, и приготовлен дар
К трапезе жертвенной. И реки и луга
Открыты широко вокруг пророческих утесов,
Чтобы до самого востока человек,
Преображаясь многократно, видеть мог.
Ниспослан верченный образ
Эфиром нам, божественные словеса,
Обильный дождь, и шумит заветная роща.
И орел, покинув дальний Инд,
Взмывая над Парнасом снежным,
Над жертвенными италийскими холмами
Добычу радостную ищет
Отцу, не как всегда, - в полете искушенный,
Все тот же, Альпы он оставил позади
И видит, ликуя, разнообразные земли.

Тишайшую из божьих дочерей.
Безмолвную в своем простосердечье жрицу,
Ищет он ту, чьи взоры отверзалась,
Будто в неведение, когда недавно
Смертельный вихрь над нею бушевал.
Дитя надеялось на лучшее,
И в небесах распространилось изумление,
Ибо верховная благая власть
Могуча верой, как она сама.
И потому они послали к ней гонца.
С улыбкой думает гонец: «Другое слово
Тебя, несокрушимая, захватит».
И, юный, он кричит, Германию узнав:
«Ты, избранная, ты,
Любвеобильная, и тягостное счастье
Отныне вынести способна».

Таясь в лесу, полная сладкой дремы,
Цветущим маком опьяненная, меня
Не замечала долго ты, пока ничтожнейшие не
испытали
Твою девичью гордость и не подивились, чья ты

и откуда.
Сама ты этого, не знала. В тебе я не ошибся;
Тайком, когда ты грезила, оставил я
В полдень, прощаясь, дружбы знак,
Цветок уст, и ты заговорила в уединенье.
Изобилие слов золотых ты послала,
Блаженная, потоками, и они текли неистощимо
Во все пределы. Ибо почти как у Святой.
Матери всего сущего,
Которая людьми зовется «Сокровенной»,
Любовью и мукой,
Чаяньями и миром
Грудь твоя преисполнена.

Пей ветры утренние
До самораскрытья
И называй то, что перед глазами.
Отныне тайне,
Столь долго скрытой,
Не оставаться дольше несказанной.
Стыд подобает смертному;
Так о богах вещать, однако,
И в неумеренности мудро.
Но если изобильней чистых родников
Золото и в небе нарастает гнев,
Однажды между днем и ночью
Должна явиться истина.
Трижды ее опиши,
Но и тогда несказанной, как ныне,
Невинная, должна она остаться.

О, назови же, дочь Земли благой,
Однажды мать. Шумят горные воды
И ветры в лесу, и при имени этом
Божественная старина слышится нам.
Все по-другому! Но играет и блещет
Будущее радостно издалека.
А в средоточии времен
Живет спокойно со священной,

Девственной землей эфир.
Напоминанием часто
Они, беспечные,
Гостят у беспечных
На празднествах твоих,
Германия, где, жрица, ты
И королям и народам соседним
Даешь совет безоружный.

К Солнцебогу

Где ты? Блаженство полнит всю душу мне,
Пьянит меня: мне все еще видится,
Как, утомлен дневной дорогой,
Бог светоносец, клонясь к закату,

Купает кудри юные в золоте ...
И взор мой все стремится вослед ему,
Но к мирным племенам ушел он,
Где воссылают ему молитвы.

Земля, любовь моя! Мы скорбим вдвоем
О светлом боже, что отлетел от нас.
И наша грусть, как в раннем детстве,
Клонит нас в сон. Мы как струны арфы:

Пока рука арфиста не тронет их,
Там смутный ветер будит неверный звук,
И лишь любимого дыханье
Радость и жизнь возвратит нам снова.

Греция

Готхольду Штойдлину

Если б я тебя в тени платанов,
Где Илис бежал среди цветов,
Где над Агорой, весельем прянув,
Расходился рокот голосов,
Где отвага юношей будила,
Где сердца к себе склонял Сократ,
В миртах, где Аспазия бродила,
Где Платон творил свой вертоград,

Где весною праздника напевы,
Звуки флейт восторженно лились,
В честь заступницы, Минервы Девы,
Вниз с холма священного неслись,
Где вся жизнь - поэзией хранимой,
Сном богов, без времени, текла,-
Если б там нашел тебя, любимый,
Как душа давно уж обрела!

Ах, иначе обнял бы тебя я!-
Пеньем бы ты славил Марафон,
И мой взор, улыбкою играя,
Искрился б, восторгом упоён;
Грудь твою победа б молодила,
Лаврами чело твое обвив;
Скука жизни б затхлой не душила
Радости исполненный порыв.

Ах, звезда любви, твоей отрады,
Юношеский, розовый рассвет!
Лишь в чреде златых часов Эллады
Бега ты не чувствовал бы лет;
Словно пламень Весты, бесконечно
В каждом сердце там любовь жила,
Дивных Гесперид плодами вечно
Сладостная юность там цвела.

Если б все ж ты наделен судьбою
Был толикой этих лет златых,
Ты бы счастлив был нести с собою
Пламенным афинянам свой стих;
Струн звенело б радостное пенье,
Кровью лился б ток лозы хмельной,
Уносило б прочь отдохновение
Агору с шумливою толпой.

Любящее сердце б не напрасно
Жарко билось в том краю земли
Для народа, пред которым страстно
Слезы благодарные текли;
Час придет, спасешься из неволи,
Прах отринешь в горестной борьбе!
Дух нетленный, в сей земной юдоли
Нет стихии, родственной тебе!

Где они, богов сыны в Афинах?
Аттика не вспрянет ото сна,
В мраморе поверженном, в руинах
Смертная таится тишина;
День весенний сходит и поныне,
Только братьев он не застаёт
В той священной Илиса долине,-
И пустыня дням теряет счет.

В край Алкея и Анакреона
Низойти пути бы моему,
Там, среди героев Марафона,
В тесном я хочу уснуть дому!
Ах, последний этот плач умолкнет
О священной Греции моей,
Пусть же Парка ножницами щелкнет,-
Сердцем я уже среди теней.

Стефан Георге

Das Wort

Из далей чудеса и сны
Я нес в предел моей страны

Ждал норны мрачной чтоб она
Нашла в ключе их имена —

Схватить я мог их цепко тут
Чрез грань теперь они цветут...

Раз я из странствий шел назад
Добыв богатый нежный клад

Рекла не скоро норна мне:
«Не спит здесь ничего на дне»

Тут он из рук моих скользнул
Его в мой край я не вернул...

Так я скорбя познал запрет:
Не быть вещам где слова нет

Александр Мрачный

***

Так радостно мне покидать города,
Скрываясь порой от чудовищной грусти.
Везите, везите меня поезда.
Испугай, испугай красота захоlustья.

Пусть кончится путь мой именно там,
Когда так устало прилягу в пшеницу;
Себя я доверю небесным мостам.
Я верю, я вижу твою колесницу!

Иду по пустым деревенским дворам,
Скрипят лишь косые от ветра оградки;
Себя я доверю забытым богам.
Я знаю: вы тут, доиграем лишь в прятки.

2013

***

Что смотришь на меня, Тоска немая,
Не отводя лазурных лед глазниц?
Ты, о не сомкнувшая и раз ресниц,
Я всюду обращен к тебе, внимая.

В слезах шептала мне Печаль глухая:
"Мой друг, твоя судьба – полынь".
Ты, о невольница чужих простынь,
Я чувства сжег, тебя в постели утешая.

Не ты ли жажда авторских гордынь?
О муз притворщица - слепая Скука,
Знаю: ты всегда меня ласкала, сука.

Я упаду к надгробью трех Богинь
И обернусь, глядя в лицо стрелцу из лука:
Стоишь там ты - Тоска, Печаль и Скука.

2012

Дерево

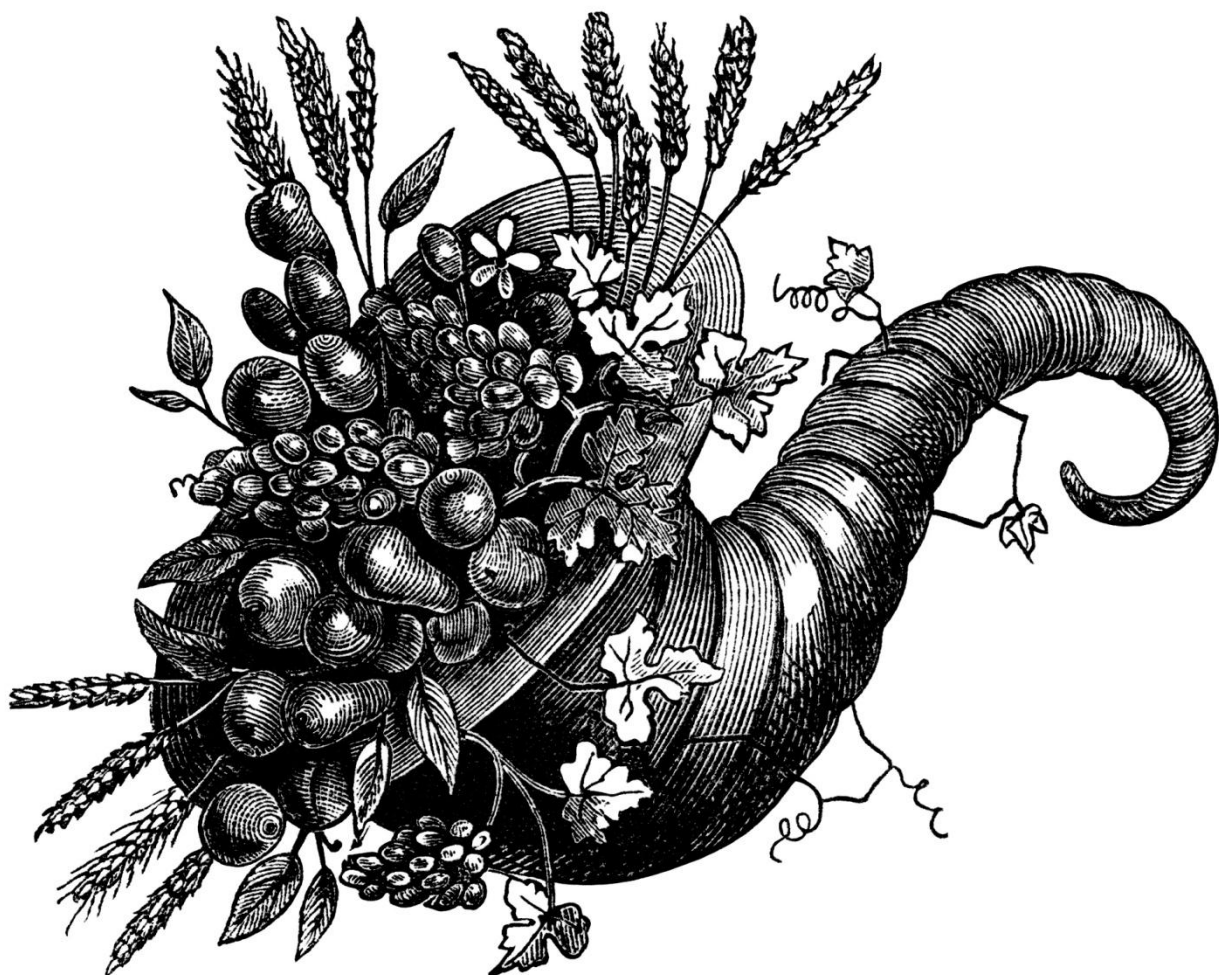
Мы грудой ветвей оказались неношенной.
Нас земля уготовила смерти в дар.
Приходи, будешь гостем непрошеным,
Поглядишь, как лежать до конца веков нам.

Где мы жаждали море, пучину глубокую -
По земле на своих животах ползем.
Тянемся костью китовой широкою,
Так и лежать там с оголенным ребром.

До белого неба, до редкой просини,
На этой земле нам стоять нелегко.
Тянемся вверх, словно жезл вечной осени.
Разбиться бы оземь – желание велико.

2015

Авторы

Askr Svarte (Евгений Нечкасов) – философ, публицист, одинист-традиционалист, автор книг «Polemos», «Чарующая Бездна», «Приближение и окружение».

Натэлла Сперанская – философ, публицист, автор книг «Путь к Новой Метафизике» и «Дионис преследуемый», куратор образовательного проекта Janus Academy.

Ален де Бенуа – французский мыслитель, автор книги «Как быть язычником» основатель и идеолог GRECE.

Эрнст Юнгер – выдающийся немецкий мыслитель и писатель, ветеран двух Мировых войн, брат Ф.Г. Юнгера.

Мартин Хайдеггер – величайший немецкий философ XX века, разработал учение о Бытии и, в поздних работах, о Последнем Боге.

Фридрих Гёльдерлин – выдающийся немецкий поэт XVIII века, современник и друг Гегеля, Шеллинга и Фихте.

Стефан Георге – выдающийся немецкий поэт конца XIX века и первой трети XX века, отец идеи «Тайной Германии», близкий к кругам Консервативной Революции.

Коллин Клири – современный американский мыслитель, писатель, язычник-традиционалист и хайдеггерианец.

Юлиус Эвола – итальянский мыслитель, один из столпов языческого традиционализма, автор книг «Люди и руины», «Оседлать тигра» и других.

Nikarev Leshy (Neil Hiat) – английский мистик-одинист, писатель.

V.L.S.L.V. (волхв Велеслав) – автор множества книг и лекции о русском Родноверии и Шуйном Пути в нем и за его рамками.

Валентин Долгочуб (Ведослав) – украинский язычник-традиционалист, писатель, глава общины «Громада Макоши», г. Одесса.

Волк Sidhe (Волк Ши) – жрец славянской языческой традиции, городской шаман (неошаман) с уклоном в традиционализм, лектор.

Константин Фёдоров – свободный традиционалист, публицист.

Даурбек Макеев – современный осетинский религиозный писатель и мыслитель.

Роман Шиженский – к.ист.н., доцент, заведующий кафедрой истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский педагогический университет им. К. Минина.

Андрей Игнатьев – русский переводчик, эссеист и писатель.

Александр Москаленко (Мрачный) – русский поэт.

Анонсы изданий

Осень-зима 2017-2018 гг. е.в.

Svarte Publishing

- Askr Svarte «Приближение и окружение»;
- Elder Edda (Старшая Эдда) на древнеисландском языке.

vk.com/svartepublish

Издательство «Тотенбург»

- Коллин Клири «Что такое руна?», «Взывая к Богам»;
- Рене Генон «Заблуждения спиритов»;
- Юлиус Эвола «Личина и лик современного спиритуализма».

vk.com/totenburg

Издательство «Ex Nord Lux»

- «Образы животных в народных верованиях» в Красной серии;
- Вернер фон Бюлов «Тайный язык немецких сказок».

vk.com/ex_nord_lux

Издательство «Владимир Даль»

- Анадна Кумарасвами «Время и вечность»;
- Фридрих Гундольф (Круг Георге) «Немецкие романтики».

Требу́йте в магазинах вашего города.

Места притяжения (где приобрести альманахи и книги)

Новосибирск

Книжный магазин «Капитал», ул. Максима Горького, 78.

www.kapital-knigi.ru

Эзотерический магазин «Коловрат», ул. Красный проспект, 17, ком. 1004.

vk.com/club123900354

Магазин «Буй», ул. Октябрьская, 33.

vk.com/byi_store

Тату-салон AZ-ART, ул. Кирова, 86, оф. 206.

vk.com/azartattoo

Москва

Книжный магазин «Циолковский», Пятницкий переулок, 8.

www.primuzee.ru/index.php

Книжная ярмарка в ск. Олимпийский, 2 этаж, место 326.

Магазин «EDGE», Варшавское шоссе, 39, офис 203.

www.edge-shop.com

Тату-студия ASGARD TATTOO, Чешихинский проезд, 4.

www.asgard-tattoo.ru

Санкт-Петербург

Тату-студия MAIN, 6-я Советская улица, д.8.

vk.com/tattoo_main

Мастерская Sordes Art

www.abhicharamagichelp.ru/shop

Книжная ярмарке в ДК им. Крупской, 1 этаж, галерея, место 9.

Parsifal: культурно-просветительский центр, ул. Константина Заслонова, 21/23

Челябинск

Данила Свартов, тату-студия 13 Hardcore.

vk.com/deathshalldance

Томск

Игорь Семенов, община «Волотов узел»

vk.com/volotovuzel

Красноярск

Книжный магазин «Нагваль», ул. Кирова, 19 (цокольный этаж).

vk.com/club16536039

Украина

Киев

Литературный клуб «ПЛОМІНЬ», провулок Шевченка 5, ст.м. Майдан Незалежності, Козацький Дім – 3 поверх.

По вопросам поставок книг в ваши магазины и по вопросам приобретения книг для распространения в вашем городе, а также авторам – пишите на почту svartepublish@gmail.com

www.askrsvarte.org/publish